

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ 1 (34)
2013

Саратов

Научный журнал

**Учредитель
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **Т.Н. Митрохина**, д-р полит. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.Л. Чепляев**, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2013

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: Professor **D.F. Ayatskov**

Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**

Executive secretary: **D.V. Akaev**

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics); **L.V. Konstantinova**,
Doctor of Sciences (Sociology); **E.G. Lipatov**, Doctor of Sciences (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology);
T.N. Mitrokhina, Doctor of Sciences (Politics);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
N.V. Teltevskaia, Doctor of Sciences (Pedagogics);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology);
V.L. Chepliaev, Candidate of Sciences (Sociology)

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

D.F. Ayatskov
**Eurasianism as an Objective
Necessity of a Region
in Conditions of Globalization**

Stages of Eurasian integration at the federal and regional levels are analyzed. The role of political power, business community and civil society in modern integration processes is considered.

Key words and word-combinations:
Eurasian space, regional government, integration processes, civil society.

Анализируются этапы евразийской интеграции на федеральном и региональном уровнях. Рассматривается роль политической власти, бизнес-сообщества и гражданского общества в современных интеграционных процессах.

Ключевые слова и словосочетания:
евразийское пространство, региональное управление, интеграционные процессы, гражданское общество.

УДК 332.1:338(100)
ББК 65.04+65.5

Д.Ф. Аяцков

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В мае 2012 г. на V Астанинском экономическом форуме представители стран СНГ поддержали идею Казахстана о создании Регионального хаба по распространению знаний и опыта в сфере государственной службы между странами региона. Наиболее важными задачами данного проекта признаны следующие: укрепление потенциала профессиональных и экспертных сетей и создание условий для реализации совместных программ и проектов. С нашей точки зрения, профессиональные и экспертные сети должны взять на себя научное сопровождение интеграционных процессов, чтобы понимать как объективные, так и субъективные возможности и трудности развития, способствовать расширению совместных программ и проектов, а также оптимизировать условия и механизмы реализации. Эти направления рассматриваются в качестве одной из доминант научной и экспертной деятельности Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Развитие мировой экономики, даже перемежающееся различными кризисами, свидетельствует о том, что идет процесс складывания новой системы экономических отношений, в которых занять достойное место смогут крупные, сильные и упорные. Крупными могут быть и отдельные страны, и союзы государств, проводящих собственную согласованную политику. Сильные должны быть таковыми в экономической и интеллектуальной сферах, в военном и моральном качестве. Упорные способны объединить волю элиты и волю народа в общих интересах. Именно эти качества позволяют формироваться новым мировым центрам развития и влияния.

Например, США каждые 20 лет удваивают свой ВВП. Китай развивается еще более стремительно, с темпами удвоения ВВП за 7 лет. На современном историческом этапе разница стартовых позиций по ВВП, темпы его роста в США и Китае ставят перед Россией сверхзадачу – увеличить ВВП до 2030 г. в 8–10 раз [1, с. 201]. На наш взгляд, сейчас, как никогда ранее, актуально требование князя А.Г. Щербатова: «Удвоение ВВП России должно происходить через каждые 5 лет» [2, с. 27].

Россия во многом определяет обстановку в Евразийском регионе и влияет на существующий миропорядок в целом. Она и сегодня является ведущей мировой державой, поэтому ее экономическое развитие и благополучие вызывает интерес не только соседей, но и стран, расположенных значительно дальше. Россия прошла двадцатилетний период спадов и кризисов. Позитивные тенденции в экономике, устойчивые признаки роста в ряде ее секторов, уверенная работа банков и всей финансовой системы позволяют утверждать, что Россия вышла на путь социального и экономического развития, а это, в свою очередь, открывает возможности по поддержке стран-соседей для заключения взаимовыгодных договоров и союзов, дающих возможность для совместного активного участия в становлении новых мировых экономических отношений.

В своем интервью В.В. Путин отмечал: «Путь к этому рубежу был непростым и порой извилистым. Он начался двадцать лет назад, когда после крушения Советского Союза было создано Содружество Независимых Государств. По большому счету была найдена та модель, которая помогла сберечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы. Сберечь производственные, экономические и другие связи, без которых невозможно представить нашу жизнь» [3]. Однако процесс налаживания связей внутри евразийского пространства оказался сложным. Данное положение объяснимо. Развитие этих отношений переживает свои определенные этапы, которые хотя и идут в одно и то же время, тем не менее отличаются доминированием какого-либо из них в соответствии со своим статусом.

Первым, открывающим возможности процессу, стал этап политических переговоров и их правового и институционального оформления. Он начался в конце 1991 г., когда образовалось Содружество Независимых Государств (СНГ). В него вошли Россия, Казахстан и Белоруссия. Позже примкнули Киргизия, Таджикистан, Армения. В зависимости от мировой конъюнктуры, исходя из своих региональных и национальных интересов, вступали в союзы и объединения другие участники Содружества.

От СНГ пошла многоуровневая и разнотемповая интеграция на постсоветском пространстве. И хотя различные страны, экономики, а соответственно и общества оказались на разных позициях и полюсах интеграции, все же этот первый шаг был в правильном направлении. Позже были созданы Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Визит индийской делегации 22 февраля 2013 г.

В отличие от всех предыдущих проектов (ЕврАзЭС, Союзное государство России и Белоруссии, Экономический союз СНГ), ЕЭП представляет собой попытку функциональной, а не институциональной интеграции постсоветского пространства. Иными словами, страны-участники отказались на первых порах от создания разветвленного бюрократического аппарата и сосредоточили свое внимание на реализации конкретных направлений интеграции.

Благодаря переходу от Таможенного союза к Единому экономическому пространству создается колоссальный рынок с более чем 165 млн потребителей, с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы. В конце 2011 г. странами «тройки» подписана Декларация о Евразийском союзе, который может появиться после 2015 г. по завершении создания ЕЭП. Проект Евразийского союза (ЕАС) предполагает создание союза независимых государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Речь идет о формировании общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведении общей экономической политики и создании единой инфраструктуры. В этот период должно завершиться согласование законодательства Сторон, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства. Следующим шагом должно стать согласование параметров основных макроэкономических показателей. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. Таково политическое и юридическое обеспечение интеграционных процессов на их первом этапе.

Второй этап развития ЕЭП предполагает активное включение в эти процессы бизнес-сообществ стран. По оценке экспертов, можно говорить о том, что наблюдается резкий рост взаимодействия «снизу», на уровне хозяйствующих субъектов. Представители власти также заявляют, что находятся в постоянном контакте с ведущими бизнес-ассоциациями трех стран.

Однако, по оценке представителей бизнес-сообщества, несмотря на декларируемое создание режима «четырёх свобод», заложенного в статью 1 Соглашения о формировании ЕЭП, они в недостаточной степени привлекаются к дальнейшей разработке проекта ЕЭП. Таможенный союз формируется без участия указанных представителей (РСПП, в частности), которое необходимо для улучшения качества законодательных актов. Бизнесмены отмечают, что тремя главными проблемами в рамках ЕЭП сегодня являются работа таможи, защита рынков и техническое регулирование. Так, не решен вопрос налоговых режимов, возмещения НДС, электронных деклараций, национальных промышленных субсидий, необходимо ускорить принятие технических регламентов, координировать национальные программы промышленного развития и т.п. [4, с. 105].

Главными российскими инвесторами за рубежом выступают крупные предприятия, поскольку они обладают и лоббистскими возможностями и достаточно мощными финансовыми средствами для достижения своих целей. Субъекты малого и среднего бизнеса, наоборот, не имеют таких возможностей, поэтому их слабое присутствие на рынках стран СНГ неудовлетворительно и нуждается в дополнительном стимулировании. Конечно, существуют деловые контакты между представителями малого бизнеса России и стран СНГ, но говорить об их заметной роли в интегративных процессах пока преждевременно.

На современном этапе, на наш взгляд, создаются лишь элементы системы экономического развития, но нет той среды, в которой эти элементы способны функционировать. Да, государство занимается глобальными проблемами в социально-экономическом развитии, но донести до индивидуума нюансы деятельности не представляется возможным из-за отсутствия подготовленной аудитории (в масштабе страны), способной адекватно и в нужном русле воспринимать информацию. Заданные государством тра-

Визит делегации Республики Таджикистан

ектории интеграционного развития сдерживаются неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. В настоящее время, как известно, большую роль играют тесные связи между инициатором новшества и его потребителями [5]. На это обращал внимание В.В. Путин: «По сути речь идет о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры. Замечу, что именно такая задача ставилась при создании в 2000 году ЕврАзЭС» [3].

Развитие бизнеса «снизу» создает реальные возможности для формирования материальных предпосылок к объединению наших стран. Такая ориентация ЕЭП снижает издержки интеграционных процессов, позволяет обойтись без

содержания громоздкого бюрократического аппарата, обеспечивает реализацию интересов реальных экономических субъектов. В перспективе же «интеграция снизу» с высокой вероятностью будет способствовать региональной интеграции «сверху».

По мере разработки и внедрения правовой базы ЕЭП на основе норм и правил ВТО и опыта интеграции, накопленного в Европейском Союзе, перед странами постсоветского пространства – в первую очередь Россией, Беларуссией и Казахстаном – откроются все более широкие возможности по дальнейшей совместимости с Общим европейским экономическим пространством (ОЕЭП), причем Россия будет продвигать общую, согласованную позицию всех участников Таможенного союза и ЕЭП.

Третий этап в расширении интеграционных процессов означает все более реальное включение в этот процесс гражданского общества. Решение данной проблемы возможно путем создания особых условий, ориентированных на большинство слоев общества, которые позволили бы им наиболее полно проявить свое участие в процессах, инициируемых государствами ЕЭП.

«Для нас очень важно, – подчеркивал В.В. Путин, – чтобы общественность наших стран, предприниматели воспринимали интеграционный проект не как верхушечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм, хорошую возможность для реализации инициатив и достижения успеха» [3].

Значительная часть населения России поддерживает идею интеграции на постсоветском пространстве [6]. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в октябре 2011 г., за объединение с другими бывшими республиками СССР высказались 48% опрошенных граждан России. Исследования, проведенные в тот же период в Белоруссии, Киргизии, Азербайджане и Литве, выявили в этих странах схожие тенденции. Самое большое число сторонников идея интеграции получила в Киргизии и Белоруссии (67 и 62% опрошенных соответственно).

Вместе с тем и в России, и в Казахстане около трети опрошенных респондентов убеждены в том, что никакой необходимости в интеграции на постсоветском пространстве нет. По их мнению, достаточно обычных дипломатических и торговых отношений, таких же, как со странами дальнего зарубежья. В октябре 2011 г. такую точку зрения высказывали 34% российских и 33% казахстанских граждан. Судя по всему, приведенные данные свидетельствуют не столько о нежелании людей объединяться, сколько об их неверии в то, что интеграция может реально изменить к лучшему жизнь населения [6].

Однако необходимо констатировать, что на всем постсоветском пространстве население оказалось в роли объекта интеграционных процессов, организуемых государственными бюрократическими структурами. На определенном этапе это, безусловно, играло положительную роль, так как тормозило процессы разрыва прежних экономических, социальных и культурных связей на территории бывшего Советского Союза. По оценке специалистов, например Т.С. Гузенковой, «интеграция “сверху”, недостаточно подкреплённая интеграцией “снизу”, в значительной степени исчерпала себя и имеет тенденцию к постепенному угасанию или стагнации» [7].

С нашей точки зрения, обозначенная проблема требует наращивания усилий со

стороны государства в данном направлении. Важно обратить пристальное внимание на потенциал третьего сектора. Уточним, что в данном случае среди всего многообразия форм и способов гражданской самоорганизации и активности речь идет о своего рода ядре гражданского общества, а именно об институтах или организациях неправительственного сектора. Их отличает от других стихийных или неустойчивых образований относительно постоянный состав участников, а также совместная деятельность ради общих целей с учетом разделяемых ценностей.

Действительно, есть все основания полагать, что именно они притягивают значительный потенциал поддержки государственной политической власти в ее усилиях по формированию единого евразийского пространства. Впрочем, надежды на созидательное «творчество масс» могут привести к глубокому разочарованию, если абсолютизировать роль гражданского сектора и не принимать во внимание как его особенности, так и пределы его возможностей [7, с. 77].

Еще один аспект, на который необходимо обратить внимание, – роль приграничных регионов в развитии интеграционных процессов. Центристские тенденции на евразийском пространстве обеспечиваются прежде всего успехами социально-экономического развития Российской Федерации, но и региональные интересы являются весомым интеграционным фактором. «Из 88 субъектов России 20 являются приграничными со странами ЕЭП (а всего со странами СНГ граничат 27 субъектов РФ), в том числе 3 с Беларусией, 6 с Украиной, 11 с Казахстаном» [8, с. 278]. Приграничные территории связывают экономики стран СНГ посредством традиционных связей и новых, возникающих в ходе рыночного развития хозяйства, способствуют поиску путей более тесного взаимодействия на уровне сопредельных территорий. Однако сегодня межрегиональное сотрудничество сдерживается отсталыми структурами экономики отдаленных субъектов РФ и стран СНГ. Именно через регионы, как приграничные, так и внутренние, Россия XXI в. должна связать евроатлантический и азиатско-тихоокеанский рынки, тем самым дополнив недостающее пока звено мировой экономической системы [9]. Современные идеи евразийства учат нас не противопоставлять интересы государств и регионов, а взаимно обогащать их, создавая мощное евразийское пространство, которое выступает гарантом территориальной целостности, экономической и политической независимости России и евразийских государств.

Важнейшая проблема в развитии Евразийского экономического сообщества является его идеологическое обеспечение. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что евразийство должно рассматриваться «не как новая идеология, а как экономическая стратегия, объединяющая ресурсы (экономические, человеческие, природные) государств всего евразийского пространства. Евразийство не изоляция, а открытость, при этом его задача – обеспечить собственное развитие Евразийского региона на основе единого экономического пространства; единого информационного пространства; единого образовательного пространства; приятия опыта ведущих мировых государств; демократизации» [10, с. 11].

Начатые политические шаги, поддержанные инициативой бизнес-сообщества

и активностью гражданского общества, открывают широкие возможности в евразийской интеграции. Новые задачи стоят перед обществом в выработке норм и стандартов евразийской гражданской и культурной идентичности. Необходимо создавать климат общественной солидарности, организовывать совместную деятельность, расширять социальную базу интеграционных процессов, привлекать людей, способных к такому преобразованию евразийского пространства.

На данном этапе главные усилия гражданского общества могут быть сосредоточены на таких направлениях, как образование, научные исследования, развитие сферы коммуникаций. Современные интернет-ресурсы создают и для государства, и для гражданского общества широкие возможности в продвижении идеологии интеграции и призваны способствовать консолидации ее сторонников. Именно активность всех секторов социума, каждого в определенном направлении, с собственными технологиями, создает условия и порождает уверенность в том, что евразийское пространство может стать примером новых отношений в глобализирующемся мире.

Библиографический список

1. Гончаренко С.С. Стратегия России – XXI век: транспорт, экономика, интеграция, безопасность // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 12 мая 2011 г. М., 2011. Т. 1.
2. Щербатов А.Г. Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910.
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
4. Косицин П. Оценка интеграционного потенциала единого экономического пространства ЕврАзЭС // Свободная мысль. 2012. № 11/12 (1636).
5. Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России. URL: <http://instituciones.com/strategies/900-perspektivy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html> (дата обращения: 25.04.2011)
6. ЕАС нужно создать как можно скорее, считают эксперты // РИА Новости: информ. агентство. 2011. 15 нояб. URL: <http://ria.ru/society/201111t5/489465184.html>
7. Гузенкова Т.С. Евразийский экономический союз: гражданское измерение // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6 (15).
8. Рябинин А.Л. Приграничное экономическое сотрудничество субъектов РФ со странами СНГ // Мировая экономика: сб. / под ред. В.М. Кутового. Ч. 2. М., 2006.
9. Кортунов С.В. Евразийство: национальная идея или химера? Еще раз о евразийском соблазне // Золотой Лев. № 77–78. URL: www.zlev.ru
10. Исаев С.Н., Тихомирова Н.В. Евразийское пространство: развитие на основе экономической интеграции, информатизации и научно-образовательного сотрудничества // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 12 мая 2011 г. М., 2011. Т. 1.

**N.N. Klemparsky
Maintenance and Forms
of Realization of Status Civil
Servants in Official-labour
Legal Relationships**

The contents and forms of civil workers legal status were defined during their legal working relationships. The most common forms of civil workers legal status realization were characterized. The problems of required legislative ensuring were defined.

Key words: table of contents, forms of realization, status of civil servant, official-labor legal relationships.

Определяются содержание и формы реализации правового статуса государственными служащими в служебно-трудовых правоотношениях. Характеризуются основные формы реализации правового статуса государственными служащими и выясняются проблемы соответствующего нормативно-правового обеспечения.

Ключевые слова и словосочетания: содержание, формы реализации, статус государственного служащего, служебно-трудовые правоотношения.

УДК 349.2:342.734
ББК 67.405.1+67.400.32

Н.Н. Клемпарский

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ В СЛУЖЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Исследуя статус государственных служащих как субъектов трудового права и соответственных правоотношений, представляется важным рассмотреть вопросы содержания и форм реализации правового статуса государственных служащих в границах служебно-трудовых правоотношений.

Данной проблеме посвящены отдельные труды ученых по общей теории права и государства, специалистов в области трудового права и теории управления – В.Б. Аверьянова, Н.Б. Болотиной, В.С. Венидиктова, Г.С. Гончаровой, В.Я. Гоца, П.Д. Пилипенко и других. Однако следует отметить, что непосредственно содержание и формы реализации правового статуса государственными служащими в служебно-трудовых правоотношениях исследованы фрагментарно.

Содержание и форма являются одними из основополагающих категорий философии, пребывающих в тесной взаимосвязи, поэтому, как правило, рассматриваются вместе. Платон считал форму «прообразом», идеалом вещи, существующим независимо от материального бытия последней. Аристотель трактовал «содержание» («материю») как предусловие, возможность вещи быть или не быть, а форму – как внутреннюю цель вещи, которая обуславливает их единство. В рамках классической немецкой философии форма обычно трактовалась как начало, вносящееся в материальный мир ментальным усилием [1, с. 631].

Советские исследователи М.М. Розенталь и П.Ф. Юдин считают содержание и форму категориями, служащими для выявления внутренних источников единства, целостности и развития материальных объектов [2, с. 482]. О.П. Рябченко, изучая вопрос формы и содержания государственного управления, отмечает, что содержание управления – это совокупность взаимосвязанных внутренних, существенных для качественной характеристики управлений, способностей и признаков, а форма отражает способ его (содержания) существования, развития. Форма влияет на содержание управления позитивно или негативно: стимулирует или тормозит реализацию содержания, его развитие. В свою очередь, содержание определяет форму [3, с. 20].

С нашей точки зрения, содержание реализации правового статуса государственных служащими в служебно-трудовых правоотношениях – это совокупность нормативно определенных прав и обязанностей, которые государственные служащие имеют в своем распоряжении и обязаны выполнить как работники, которые находятся на службе в том или ином государственном органе и выполняют в связи с этим специфические трудовые функции. В свою очередь, формы реализации статуса государственных служащих в указанных отношениях представляют собой внешнее отражение (проявление, выражение) практического осуществления государственными служащими своих прав и обязанностей. Таким образом, категории содержания и формы реализации государственных служащими своего правового статуса в служебно-трудовых отношениях позволяют понять, какими собственно возможностями пользуются и могут воспользоваться государственные служащие как наемные работники, что они должны выполнять и какой порядок при этом соблюдать.

Следует отметить, что строгое соблюдение установленных нормами соответствующего законодательства форм является, как правило, обязательным, неоспоримым условием нормальной реализации правового статуса государственного служащего. Такая ситуация объясняется спецификой трудовых функций государственных служащих и рядом требований и ограничений, предъявляемых к ним в связи с этим. Вот почему в ряде случаев несоблюдение формы не только не вызывает наступления желаемых и (или) необходимых юридически значимых последствий, но и даже наоборот – может послужить причиной возникновения правовых последствий негативного характера, например привлечения к юридической ответственности за совершение действий, которые расцениваются действующим законодательством как коррупционные.

Все права и обязанности государственных служащих, составляющих содержание их правового статуса как участников служебно-трудовых отношений, можно условно разделить на уставные (основные или конституционные), общие и специальные.

Множество форм реализации административно-правового статуса государственных служащих в служебно-трудовых отношениях объясняется тем, что любое из трудовых прав или обязанностей государственных служащих по-настоящему воплощается в жизнь, когда реализуется на практике в некоторой, определенной законодательством форме.

Специфика форм, в которых реализуется трудовая статус государственных

ных служащих, зависит от того, какие именно права и обязанности они как наемные работники осуществляют. Так, право государственного служащего на продвижение по службе реализуется через такие формы, как прохождение конкурса на замещение вакантных должностей государственных служащих, пребывание в кадровом резерве для государственной службы, стажировка в государственных органах, обучение и повышение квалификации. Особенности этих форм регламентируются Законом «О государственной службе», а также отдельными подзаконными нормативно-правовыми актами: постановлением КМУ «Об утверждении Порядка проведения конкурса на замещение вакантных должностей государственных служащих» от 15 февраля 2002 г. № 169, постановлением КМУ «Об утверждении Положения о формировании кадрового резерва для государственной службы» от 28 февраля 2001 г. № 199, постановлением КМУ «Об утверждении Положения о порядке стажировки в государственных органах» от 1 декабря 1994 г. № 804. Данные документы определяют порядок, сроки, условия, последствия и другие принципиальные аспекты осуществления государственными служащими своего права на продвижение по службе в указанных формах.

Важным трудовым правом государственных служащих выступает право на вознаграждение за труд и право на отдых. При этом вознаграждение государственных служащих за выполнение ими своих профессиональных функций осуществляется в форме выплаты зарплаты и денежных поощрений за добросовестный труд. Согласно ст. 33 Закона «О государственной службе» заработная плата государственных служащих состоит из должностных окладов, премий, доплаты за ранги, надбавки за выслугу лет на государственной службе и других выплат. Следует отметить, что особенности оплаты труда и поощрения некоторых разновидностей государственной службы регулируется отдельными специальными нормативно-правовыми актами. Так, приказом Министерства внутренних дел Украины «Об упорядочении структуры и условий денежного обеспечения лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел» утверждена Инструкция о порядке выплаты денежного обеспечения лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел [4].

Основной формой реализации государственных служащих права на отдых выступает право на ежегодные и дополнительные отпуска государственных служащих. Ежегодный отпуск предоставляется государственным служащим продолжительностью 30 календарных дней, если законодательством не предусмотрен более длительный отпуск с выплатой помощи на оздоровление в размере должностного оклада. Государственным служащим, имеющим стаж работы в государственных органах свыше 10 лет, предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью до 15 календарных дней. Порядок и условия предоставления дополнительных оплачиваемых отпусков устанавливаются Кабинетом министров Украины [5]. Кроме того, отдельные аспекты порядка предоставления отпусков некоторым видам государственных служащих может определяться другими специальными нормативными актами.

Важной формой реализации правового статуса государственных служащих в пределах служебно-трудовых отношений является участие государственных слу-

жащих в профсоюзах. Профессиональный союз (профсоюз) – добровольная неприбыльная общественная организация, объединяющая граждан, связанных общими интересами по роду их трудовой деятельности (обучения). Профессиональные союзы создаются с целью осуществления представительства и защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов членов профсоюза [6].

Однако право государственных служащих на создание профсоюзов и участие в них не указано как одно из основных в Законе «О государственной службе», что, по нашему мнению, является существенным недостатком. Ведь данное право предусмотрено ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, где разъясняется, что каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов [7]. Участие государственных служащих в профессиональных союзах осуществляется с определенными ограничениями: так, судья не может быть членом профессионального союза [8]. Однако в то же время целому ряду государственных служащих законодательством разрешается создание профессиональных союзов и участие в них.

Важной формой реализации правового статуса государственных служащих как участников служебно-трудовых правоотношений выступает их дисциплинарная ответственность. Согласно ст. 14 Закона «О государственной службе» дисциплинарные взыскания применяются к государственному служащему за невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей; превышение своих полномочий; нарушение ограничений, связанных с прохождением государственной службы; поступки, порочащие его как государственного служащего или дискредитирующие государственный орган, где он работает. К служащим, кроме дисциплинарных взысканий, предусмотренных действующим законодательством о труде Украины, могут применяться следующие меры дисциплинарного воздействия: предупреждение о неполном служебном соответствии; задержка до одного года в присвоении очередного ранга или в назначении на высшую должность [5]. Особенности применения поощрений и дисциплинарных взысканий по отношению к отдельным видам государственных служащих определяются следующими нормативно-правовыми актами: Закон «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Украины» [9]; постановление ВРУ «Об утверждении Дисциплинарного устава прокуратуры Украины» [10]; Закон «О Дисциплинарном уставе таможенной службы Украины» [11] и другие.

Кроме того, к формам реализации трудового статуса государственных служащих, на наш взгляд, следует отнести испытательный срок, который может устанавливаться при приеме на государственную службу сроком до шести месяцев, и аттестацию государственных служащих, проводящуюся с целью оценки результатов работы, деловых и профессиональных качеств государственных служащих. Согласно нормам Положения о проведении аттестации государственных служащих ей подлежат государственные служащие всех уровней. Существуют свои особенности в аттестации у государственных служащих I и II категорий; лиц, назначенных на должность на определенный срок; беременных женщин и женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Не подлежат аттестации государственные служа-

щие патронажной службы. В период между аттестациями ежегодно проводится оценка выполнения государственными служащими возложенных на них задач и обязанностей [12].

Таким образом, во-первых, содержание реализации правового статуса государственного служащего в сфере служебно-трудовых правоотношений составляют права и обязанности государственного служащего как наемного работника, которые по степени их обобщения (абстракции) можно условно разделить на уставные (основополагающие, конституционные), общие и специальные. Во-вторых, формой реализации указанного правового статуса является внешне выраженное практическое воплощение служебно-трудовых прав и обязанностей государственных служащих, которое заключается в возможности и (или) необходимости совершения последовательно связанных между собой действий, направленных на достижение определенного результата. В-третьих, содержание и формы реализации правового статуса государственного служащего в сфере трудовых правоотношений определяются как трудовым, так и административным законодательством, в том числе с учетом особенностей отдельных видов государственной службы.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998.
2. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М., 1963.
3. *Рябченко О.П.* Держава і економіка: адміністративно-правові аспекти взаємовідносин / за загальною редакцією О.М. Бандурки. Харків, 1999.
4. Про впорядкування структури та умов грошового забезпечення осіб рядового і начальницького складу органів внутрішніх справ: Наказ МВС від 31.12.2007 № 499. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0205-08>
5. Про державну службу: Закон України від 16.12.1993 № 3723-XII // Відомості Верховної Ради України. 1993. № 52. Ст. 490.
6. Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності: Закон України від 15.09.1999 № 1045-XIV // Відомості Верховної Ради України. 1999. № 45. Ст. 397.
7. Загальна декларація прав людини від 10.12.1948. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_015
8. Про судоустрій і статус суддів: Закон України від 07.07.2010 № 2453-VI // Відомості Верховної Ради України. 2010. № 41/42, 43, 44/45. Ст. 529.
9. Про Дисциплінарний статут органів внутрішніх справ України: Закон України від 22.02.2006 № 3460-IV // Відомості Верховної Ради України. 2006. № 29. Ст. 245.
10. Про затвердження Дисциплінарного статуту прокуратури України: постанова ВРУ від 06.11.1991 № 1796-XII // Відомості Верховної Ради України. 1992. № 4. Ст. 15.
11. Про Дисциплінарний статут митної служби України: Закон України від 06.09.2005 № 2805-IV // Відомості Верховної Ради України. 2005. № 42. Ст. 467.
12. Про затвердження Положення про проведення атестації державних службовців: постанова КМУ від 28.12.2000 № 1922. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1922-2000-%D0%BF>

S.Ya. Vavzhenchuk
Directions of Constitutional
Labor Rights Protection
Mechanism Improvement

The mechanism of protection of the labor rights provided by the Constitution of Ukraine is revealed. General directions of constitutional labor rights protection mechanism improvement in Ukraine are defined.

Key words and word-combinations: constitutional labor rights, protection, guard, improvement.

Выявляется механизм действия Конституции Украины для защиты и охраны провозглашенных в ней трудовых прав. Определяются ориентировочные направления совершенствования механизма защиты и охраны конституционных трудовых прав на Украине.

Ключевые слова и словосочетания: конституционные трудовые права, защита, охрана, усовершенствование.

УДК 349.2:342.7(477)
ББК 67.405.1+67.400.3(4Укр)

С.Я. Вавженчук

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ

В настоящее время состояние соблюдения конституционных трудовых прав можно охарактеризовать как неудовлетворительное, поскольку указанные права нарушаются и нет должного механизма их защиты. Учитывая то, что эффективным регулятором общественных отношений является право, а в условиях рыночных преобразований оно выступает практически единственным рычагом влияния государства на развитие всех процессов в стране, необходимо отдать должное правовому регулированию трудовых отношений и уделить повышенное внимание вопросам не только установления трудовых прав, но и методам, формам защиты и охраны закрепленных прав. Важное значение в этих условиях приобретает вопрос защиты и охраны конституционных трудовых прав в связи с указанным неудовлетворительным состоянием соблюдения конституционных трудовых прав и необходимостью разработки и принятия нового Трудового кодекса Украины, который бы соответствовал реальным обстоятельствам в сфере труда.

В результате исследования нами были определены основные направления совершенствования механизма защиты и охраны конституционных трудовых прав; выяснена сущность понятия «конституционные трудовые права»; раскрыты особенности действия механизма Конституции Украины для защиты

и охраны закрепленных в ней трудовых прав; определены основные характеристики, которым должен соответствовать новый Трудовой кодекс Украины, а также выделены некоторые проблемные вопросы по совершенствованию уровня и качества защиты и охраны конституционных трудовых прав.

Некоторые из вопросов становились предметом внимания таких ученых, как Б.В. Бабин, В.Ф. Бойко, С.В. Вишневецкая, В.И. Жуков, М. Зоммер, И.Я. Киселев, К.В. Мельник, М. Онищук, О.П. Острийчук, П. Пилипенко, С. Пилипенко, О.В. Смирнов, М.В. Сорочишин, И.Б. Шицкий, О.Н. Ярошенко и других. Однако не все проблемы в указанной сфере решены, что обуславливает необходимость в осуществлении исследований по данному направлению.

Конституция Украины закрепляет и гарантирует конституционные трудовые права; содержит обобщающие нормы и всеохватывающие формулировки; задает в общих чертах вектор правового направления определенных общественных отношений. Конституции как нормативно-правовому акту, имеющему наивысшую юридическую силу, свойственны некоторые особенности, оказывающие влияние на порядок защиты и охраны провозглашенных в ней прав и свобод.

Защита и охрана конституционных трудовых прав осуществляется методом действия механизма Конституции Украины, что проявляется прежде всего в провозглашении Украины социальным и правовым государством и в определении ответственного лица за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции Украины, – Президента Украины. Механизм защиты данных прав проявляется также в прямом действии норм Конституции и запрете ограничения определенных ею прав и свобод. Признание международно-правовых актов, закрепленное Верховной Радой Украины, частью национального законодательства и обеспечение реализации данных норм путем их детализации в законодательных актах с установлением соответствующего механизма такой реализации также можно отнести к методу действия механизма Конституции Украины. То же самое касается и установления конституционного обязательства государственных органов и должностных лиц соблюдать права и свободы человека и гражданина в своей деятельности, конституционно установленной возможности обращения граждан за защитой нарушенных прав, в том числе конституционных трудовых прав, в судебные органы.

Конституционные трудовые права – это закрепленные в Конституции Украины возможности человека в сфере труда, основные по своему характеру и значимости и необходимые для его достойного существования, развития и обеспечения качества жизни. Основополагающим среди конституционных трудовых прав выступает право на труд. Содержание и объем прав, в том числе и права на труд, сегодня определены нечетко и не согласованы ни с законодательством, ни с наукой. Отсюда право на труд является широким понятием, включающим в первую очередь возможность зарабатывать себе на жизнь образом, наиболее подходящим самому человеку.

Одним из главных направлений устранения пробелов в вопросах защиты и охраны конституционных трудовых прав работников выступает разработка адекватных, актуальных и эффективных правовых норм. Первым шагом на этом пути должно стать принятие нового Трудового кодекса Украины. По мнению

О.П. Острийчука, «при согласовании норм законопроекта не стоит забывать о важных аспектах трудового права, таких, как гарантии работников, равенство оплаты труда, свободного выбора труда и других. Проект Трудового кодекса не должен нарушать трудовые права работников; обеспечение законодательно определенных трудовых прав и гарантий и возможность их реализации; комплексный подход; социальную справедливость и т.п.» [1].

П. Пилипенко к базовым основам реформирования трудового законодательства Украины относит следующее: оптимальную сбалансированность защитной и производственной функций трудового права, с помощью чего должно быть обеспечено равновесие интересов между наемными работниками и работодателями; соблюдение уже установленных социальных стандартов в сфере труда; использование в процессе подготовки нового Кодекса опыта МОТ, а также законодательства ЕС и стран с переходной экономикой, с тем чтобы обеспечить надлежащую гармонизацию законодательства Украины о труде с международными правовыми нормами в этой сфере; обеспечение дифференциации правового регулирования труда, то есть максимальный учет в новом Кодексе особенностей труда работников малого бизнеса, кооперативов, отдельных категорий работников, использующихся в нетипичных формах занятости с заключением гражданско-правовых договоров; максимальное применение при подготовке нового Кодекса достижений науки трудового права и т.п. [2].

К.В. Мельник указывает, что «первоочередным шагом в процессе реформирования трудового законодательства является принятие нового ТК Украины, нормы которого будут соответствовать ратифицированным Украиной международно-правовым актам. Такой Кодекс должен: 1) быть свободным от идеологических стереотипов и декларативных норм законодательства советского режима; 2) соответствовать социально-экономическим и культурным процессам современности; 3) систематизировать в единую целую систему все трудовые нормы и принципы Украины и международного трудового права, все общие и универсальные правовые нормы отрасли (ликвидация пробелов в правовом регулировании, устранение дублирующих норм); 4) детально прописывать полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере регулирования трудовых отношений» [3, с. 647].

Таким образом, одной из первых задач с целью совершенствования правозащитного механизма трудовых прав является разработка и принятие нового Трудового кодекса Украины, который будет соответствовать основным принципам реформирования трудового законодательства и обеспечивать выполнение защитной функции трудового права. Второй задачей должно стать создание действенных специальных законов, содержащих положения, регулирующие трудовые отношения. Такие законы должны иметь четко и лаконично сформулированные положения; надлежащим образом полно раскрывать понятийный аппарат; соответствовать и обеспечивать реализацию трудовых прав на уровне, не ниже определенного Конституцией Украины; соответствовать международным правовым актам в сфере регулирования трудовых отношений, не вступать в противоречие с Конституцией Украины и в коллизию между собой; в случае признания определенных прав подкреплять их корреспондирующими обязан-

ностями противоположной стороны трудовых правоотношений и обеспечивать ответственностью на случай их невыполнения; четко прописывать права и обязанности уполномоченных государственных органов в сфере регулирования трудовых правоотношений. Чтобы принятые законы соответствовали указанным признакам, их следует еще на этапе разработки и обсуждения подвергать законодательной экспертизе.

Кроме того, важным направлением совершенствования правозащитного механизма защиты конституционных трудовых прав должен стать учет зарубежного опыта в этой сфере, воплощение международных норм и принципов в национальном законодательстве. При этом существенное значение приобретает действительное восприятие провозглашенных в прогрессивных международных актах стандартов как основ нормального функционирования общества, поскольку сегодня проблемой в сфере имплементации международных трудовых (и не только) норм является то, что «существует глубокий разрыв между зафиксированными в Конституции европейскими ценностями и реальным состоянием восприятия этих ценностей, в том числе политиками. По советской традиции европейские ценности для подавляющей части депутатского корпуса остаются исключительно фасадом – они не стали неотъемлемой составляющей сознания народных депутатов Украины (как, кстати, и значительной части общества в целом). Отсюда и вытекает ориентация не на европейские ценности (стандарты), а на подковерные договоренности, для которых изобрели термин “политическая дипломатия”» [4, с. 4].

Как отмечает К.В. Мельник, «модификация национального трудового законодательства является выполнением международных обязательств государства и реализацией глобальной согласованности трудового права Украины с международными трудовыми нормами, вытекающими из ратифицированных и универсальных конвенций ООН, МОТ, региональных норм ЕС. Для воплощения международных норм и принципов работы в Украине необходимо создать условия для их восприятия национальным правом, в частности, создание четкой законодательной базы, определяющей порядок применения международных актов, а также последствий за их нарушение. При имплементации международных норм труда нужно учитывать характер национальной правовой системы, состояние экономики, уровень культуры, исторические особенности и традиции, вследствие чего раскрывается эффективность международных норм труда и их благотворное влияние на трудовые отношения в государстве» [3, с. 651].

Ярким примером принятия новых законов, не соответствующих международным актам, является Закон Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» [5], положения которого противоречат Конвенциям МОТ. Например, ч. 3 ст. 4 Закона относительно осуществления контрольных мероприятий только в рабочее время, установленное правилами внутреннего трудового распорядка, не отвечает требованиям подпункта «а» п. 1 ст. 12 Конвенции № 81 [6], в соответствии с чем государственным инспекторам труда предоставляется право приходить на предприятие в любое время суток; ч. 11 ст. 4 Закона относительно осуществления контрольного мероприятия в присутствии руководителя или уполномочен-

ного им лица не соответствует п. 2 ст. 12 Конвенции № 81, что позволяет инспекторам труда не сообщать работодателю или его представителю о своем присутствии на предприятии, если они сочтут, что такое уведомление может нанести ущерб их обязанностям, то есть эффективности осуществления контрольных мероприятий. Таких недостатков в новом законе еще немало, что свидетельствует об актуальности и целесообразности предложения о проведении законодательной экспертизы законопроектов на предмет их соответствия Конституции Украины, международным правовым актам и согласованности с уже принятыми законами [7, с. 318–323].

Трансформация национального трудового законодательства, принятие новых законов требуют научного обоснования и исследования. Принцип научной обоснованности заключается в том, чтобы правовые преобразования, разработка целостного правозащитного механизма защиты конституционных трудовых прав осуществлялись с использованием современных достижений науки и техники, с учетом положительного мирового опыта в сфере защиты основных трудовых прав работников, с привлечением специалистов различных отраслей знаний (теории права, трудового, гражданского, конституционного, финансового, хозяйственного, налогового, административного, уголовного права и т.д.).

Недостатком современной науки трудового права Украины следует считать наличие весьма противоречивых и диаметрально противоположных точек зрения на базисные вопросы данной отрасли права, сохранение и отстаивание некоторыми учеными устаревших советских подходов к методам и основам развития науки трудового права, отсутствие должного уровня государственной поддержки развития этой науки. Примером одной из фундаментальных проблем развития науки трудового права является нерешенный вопрос определения предмета трудового права, к чему относят трудовые и тесно связанные с ними отношения или индивидуальные и коллективные трудовые отношения. Конечно, эта научная проблема отразилась и в проекте ТК Украины, где отсутствует единая концепция по определению предмета трудового права.

Так, С. Вишновецкая вполне справедливо отмечает, что «на основании ст. 2 проекта ТК Украины можно сделать вывод, что его авторы положили в основу концепцию трудовых отношений и отношений, тесно связанных с трудовыми. Но структурное выделение отдельной книги “Коллективные трудовые отношения” свидетельствует о концепции индивидуальных и коллективных трудовых отношений» [8, с. 43–44]. Анализ непосредственно ст. 2 проекта действительно вызывает определенные возражения по формулировке тех отношений, которые регулируются проектом (отношения по поводу реализации права на труд; трудоустройства, условий труда; организации и управления трудом; профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации, обеспечения договорного регулирования условий труда; ответственности работодателей и работников; решения индивидуальных и коллективных трудовых споров; надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства; других вопросов, определенных этим Кодексом) [9]. Так, формулировка в ТК «отношения по реализации права на труд», вызывает замечания, поскольку вступает в противоречие с Конституцией Украины, согласно которой указанное право может быть

реализовано не только в рамках трудовых отношений, но и путем осуществления предпринимательской деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что совершенствование правозащитного механизма конституционных трудовых прав работников требует налаживания механизма функционирования Конституции Украины как Основного Закона государства. Конституция должна быть стабильной, что, соответственно, будет иметь своим следствием, при условии уважения ее норм, соблюдения и признания ее верховенства, стабильность в государстве.

На нормативно-правовом уровне совершенствование указанного механизма должно происходить в нескольких направлениях. Во-первых, разработка и принятие ТК Украины и ТПК Украины, а также специальных законов, регулирующих отдельные аспекты трудовых отношений, которые соответствуют Конституции Украины, международным актам и не противоречат друг другу. Во-вторых, проведение обязательной дозаконодательной экспертизы законопроектов на предмет их соответствия Конституции и международным актам; при этом обязательным условием является соблюдение принципа научной обоснованности при осуществлении любых преобразований трудового законодательства и принятии решений о применении нововведений. В-третьих, поддержка развития науки трудового права как базиса для эффективно функционирующего трудового законодательства, а также присоединение к международно-правовым актам с действительным стремлением обеспечить провозглашенные права и свободы, не превращая акты имплементации в формальные шаги к признанию Украины правовым и социальным государством.

Бibliографический список

1. *Острійчук О.П.* Про деякі засади реформування трудового законодавства. URL: <http://pravo.poltava.ua/polezno/trydref.php>
2. Пилипенко П. Кодифікаційні процеси у сфері трудового права України. URL: <http://www.lawyer.org.ua/?w=p&i=68&d=432>
3. *Мельник К.В.* До питання адаптації трудового законодавства до міжнародних норм // Форум права. 2011. № 1. С. 645–651.
4. *Козюбра М.* Законодавча функція парламенту: ключові проблеми // Європейські парламентські традиції та українські реалії. 3–4 березня 2010 року, Київ: тези виступів учасників міжнародної конференції. С. 3–5. URL: http://parlament.org.ua/upload/docs/Thesis_WB.pdf
5. Про основні засади державного нагляду (контролю) в сфері господарської діяльності: Закон України від 05.04.2007 № 877-V // Відомості Верховної Ради України. 2007. № 29. Стор. 1001. Ст. 389.
6. Об инспекции труда в промышленности и торговле: Конвенция МОТ № 81 от 11 июля 1947 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=264
7. Кодифікація трудового законодавства України / Н.М. Хуторян, О.Я. Лаврів, С.В. Вишновецька [та ін.]; за ред. Н.М. Хуторян, М.І. Іншина, С.М. Прилипка. Харків, 2009.
8. *Вишновецька С.* Загальні положення проекту Трудового кодексу України в контексті сучасних тенденцій розвитку трудового права // Право України. 2009. № 3. С. 41–47.
9. Проект Трудового кодексу України. URL: http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=30947

V.I. Shcherbina
The Principles of the Modern
Labor Law of Ukraine

The essence of the principles of the labor law in modern conditions is researched. The special attention is given to the principles that are not typical for the Soviet labor law. The directions of realization of the mentioned principles in the Ukrainian labor legislation are shown.

Key words and word-combinations: social and economic partnership, social cooperation, the social world, principles of law.

Исследуется сущность принципов трудового права в современных условиях. Особое внимание уделено принципам, не характерным для советского трудового права. Показаны направления реализации указанных принципов в трудовом законодательстве Украины.

Ключевые слова и словосочетания: социально-экономическое партнерство, социальное сотрудничество, социальный мир, принципы права.

УДК 349.2(477)
ББК 67.405.1(4Укр)

В.И. Щербина

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРАВА УКРАИНЫ

Выяснение принципов есть познание сущности права, и наоборот, познание сущности права сводится к установлению его принципов. Последние не могут не быть в системе, поскольку выражают ее внутреннюю основу, они есть научная абстракция сущностного порядка [1, с. 13]. По мнению К. Витца, основные принципы трудового права должны удовлетворять следующим требованиям. Во-первых, это должны быть правовые идеи, то есть идеи, ориентированные на правовое регулирование проблематики общественных трудовых отношений. Во-вторых, эти правовые идеи должны выражать принципы политики государства, поскольку речь идет о регулировании поведения людей и организаций в сфере трудовых отношений. И в-третьих, соответствующая правовая идея должна проявляться в трудовом праве, причем в качестве юридического правила или в качестве обобщения нескольких юридических правил этой отрасли, то есть каждый основной принцип должен быть воплощен в конкретное предписание трудового права [2, с. 388].

Очень важную служебную роль играют основные принципы трудового права в случае применения к трудовым отношениям норм других отраслей права, в первую очередь гражданского. Именно в этом случае основные принципы являются гарантией самостоятельности трудового права как отрасли права. Они позволяют применять к трудовым отношениям нормы других отраслей права только тогда, когда нормы отвечают социальному назначению трудового права и его задачам. Так,

в соответствии с Трудовым кодексом Польской Народной Республики «в вопросах, не урегулированных положениями трудового права, к трудовым отношениям применяются соответствующие положения Гражданского кодекса, поскольку они не противоречат принципам трудового права» [2, с. 16].

Принципы трудового права, которые сформировались на протяжении десятилетий в условиях советской экономической системы, должны быть пересмотрены с учетом изменений общественного развития и экономических реалий в государстве и мире. Не копируя слепо принципы трудового права, характерные для стран с рыночной экономикой, их необходимо объективно анализировать и внедрять в трудовое законодательство Украины. Более того, направленность политики государства на интеграцию с Европейским Союзом требует более или менее единых подходов в правовом регулировании труда. На наш взгляд, можно выделить несколько таких принципов трудового права, которые имеют базовое значение для правового регулирования труда.

Принцип полнотрансформации работников и работодателей означает, что они для законодателя должны быть абсолютно равноценными и самодостаточными участниками трудовых правоотношений. Следует отвергнуть как вредную идею гиперболизации значения работодателя в трудовых правоотношениях, признав работодателя вместе с работником необходимой составляющей отношений, являющихся предметом трудового права. Решая эту сложную проблему и совершенствуя трудовое законодательство Украины, необходимо использовать опыт ФРГ, где законодательные органы, не принижая роли работодателя в отношениях с работником, определили достойное место работника в системе производственных отношений. «Так, 10 ноября 1971 года был принят новый закон о производственных советах, в 1974 – новый закон о представительстве персонала в государственных учреждениях и предприятиях, в 1976 – закон об участии в управлении производством» [3, с. 485]. Как показала практика, такое решение проблемы не только способствовало укреплению социального мира между работодателями и работниками, но и обеспечило высокий уровень экономического развития страны и стабильный рост благосостояния ее граждан.

Принцип равноправия работников и работодателей означает, что они должны иметь равные (но не одинаковые) права. Речь идет о так называемом правовом паритете, который вытекает из общего правового состояния субъектов трудовых правоотношений. Реализация принципа равноправия четко прослеживается в норме ч. 1 ст. 21 КЗоТ Украины [4], в которой устанавливаются взаимные обязательства сторон трудового договора. Именно корреспонденция обязанностей сделает реальным равенство работника и работодателя в трудовых правоотношениях. В частности, Европейская социальная хартия (1961 г., в ред. 1996 г.) вместе с правом на забастовку (для работников) признает право на локаут (для предпринимателей) [5, с. 119].

Процесс вложения ресурсов как работником, так и работодателем должен быть обоюдным. Нормы трудового права должны отражать *принцип взаимных вложений*. В частности, японская стратегия TQC (Total Quality Control – «общий контроль качества») предусматривает развитие корпораций, в том числе и на основе высококвалифицированного и «вовлеченного в систему компании»

персонала, что в свою очередь обуславливает организацию управления на принципах долгосрочной занятости [6, с. 16]. Это предусматривает постоянное обучение работников компании, то есть вложение ресурсов в работника. Интерес работодателя в таком случае возможен только при условии долгосрочной занятости, поскольку, вложив ресурсы в работника, работодатель хочет вернуть их в другой форме.

Однако этот принцип раскрывается не только в нормах об оплате труда. До сих пор вызывает острую дискуссию проблема применения пакта о неконкуренции. «Это обязательство работника не конкурировать с бывшим работодателем. Оно включает запрет на протяжении определенного времени после увольнения (от года до 5 лет) наниматься на аналогичное предприятие, основывать аналогичное предприятие, иметь деловые контакты с клиентами бывшего работодателя, а также разглашать информацию, которая касается бывшей работы» [7, с. 328].

В советском трудовом праве эта проблема носила идеологическую окраску. Поскольку практически все средства производства принадлежали государству, отсутствовала сама необходимость правового регулирования таких общественных отношений. Но в условиях рынка ни законодатель, ни работники не могут игнорировать положения ч. 4 ст. 13 Конституции Украины, в соответствии с которой государство обеспечивает защиту прав всех субъектов права собственности (в том числе и права интеллектуальной собственности) и хозяйствования [8]. Основная проблема, которую нужно решить – это обоснованное определение категорий работников, с которыми такой пакт может заключаться. К таким, на наш взгляд, могут относиться только лица, которые имеют непосредственный доступ к основным секретам производства, защищаемым законом, высший управленческий состав предприятия, который принимает участие в разработке и реализации стратегических программ развития предприятия, а также работники юридических, финансовых и маркетинговых служб.

Оптимальное сочетание интересов работников и работодателей возможно путем реализации в трудовом законодательстве важных принципов трудового права: социально-экономическое партнерство, социальное сотрудничество, социальный мир. Они являются логическим продолжением принципов, закрепленных в ст. 11 и ч. 1 ст. 15 Конституции Украины. В частности, в соответствии со ст. 11 Конституции Украины государство содействует консолидации и развитию украинской нации.

Социально-экономическое партнерство предполагает, что каждый из его участников рассматривается как полноценный и самодостаточный субъект социальных связей. Социальное партнерство, конструктивный диалог, бипартизм и трипартизм ныне рассматриваются как главные принципы социальной политики и правового регулирования труда. Д.С. Миль, который был одним из первых, кто использовал термин «партнерство» для характеристики социальных отношений, считал, что отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытеснены отношениями партнерства [9, с. 323].

Сотрудничество рассматривается как форма взаимодействия между субъектами социально-экономического партнерства. Это взаимодействие предусматривает учет интересов других участников отношений, разрешение расхождений

путем диалога, конструктивное сотрудничество, достижение компромисса, отказ от ультиматумов. Для этого во многих странах были созданы трехсторонние консультативные органы, задача которых состоит в предоставлении рекомендаций правительствам по вопросам условий труда [10, с. 9]. Кроме того, принцип трипартизма, то есть трехстороннего сотрудничества правительства, предпринимателей и профсоюзов, усилиями МОТ прочно утвердился в законодательстве многих стран [11, с. 37]. К основным формам социального партнерства в настоящее время относят: 1) коллективные переговоры, 2) взаимные консультации, 3) участие работников в управлении организацией, 4) участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров [12, с. 238].

Социальный мир необходимо рассматривать в двух аспектах: как цель социально-экономического партнерства и в то же время состояние взаимоотношений между субъектами социально-экономического партнерства. Социального мира можно достичь только путем консолидации. *Консолидация* в качестве принципа трудового права Украины предусматривает объединение усилий работников, работодателей и государственной власти, концентрацию их усилий на достижении высокого уровня благосостояния граждан. Такой подход к взаимоотношениям основных субъектов социально-экономических отношений четко реализует в трудовом законодательстве конституционное положение о том, что Украина – социальное государство.

Более того, уже есть примеры реализации этого принципа, в частности на сельхозпредприятии «Нибулон» [13, с. 8]. Деятельность этого предприятия доказывает, что только с таким подходом работодатель достигает значительных экономических результатов, избегает конфронтации с работниками.

Украина не может считаться демократическим, социальным и правовым государством, если не гарантирует человеку защиту от произвола. *Защита работника от произвола работодателя* – это ключевой принцип трудового права, от реализации которого будет зависеть социальная сущность трудового законодательства. Еще в XIX веке была озвучена позиция общества о необходимости усиленной защиты прав женщин и минимизации произвола работодателей относительно этой категории граждан [14]. Актуальность применения этого принципа в трудовом законодательстве не терялась даже в советский период истории страны. А.Е. Семенова в 1925 г. так высказалась по этому поводу: «Относительно женщин также пришлось и профорганам, и органам государственной власти вести борьбу с *вытеснением их из производства* как экономически невыгодной рабочей силы» [15, с. 94].

Каждый, в соответствии со ст. 28 Конституции Украины, имеет право на уважение его достоинства, может требовать уважительного отношения к себе, а также не может быть подвергнут нечеловеческому или такому, которое унижает его достоинство, обхождению или наказанию [8]. Сущность этой нормы – уважение к человеку, отношение к нему как к высшей социальной ценности общества. Так, в п. 8 ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь указано, что работники имеют право на невмешательство в частную жизнь и уважение

личного достоинства [16]. Представляется, что аналогичным образом сформулированную норму должен содержать и новый Трудовой кодекс Украины. Возможна следующая редакция: «Работник имеет право на уважение его личного достоинства. Работодатель обязан относиться к человеку как к высшей социальной ценности общества».

Другими словами, речь идет о закреплении более или менее четких правовых критериев отношения к человеку на производстве. Не секрет, что сейчас производство – это система повышенных психологических рисков для работника. И если в XIX и XX столетиях была актуальна физическая тяжесть труда, то теперь – психологическая тяжесть, дискомфорт на рабочем месте [17]. Некоторые критерии предусматривает и действующее законодательство Украины и судебная практика. Они уже выступают ориентирами при принятии судами решений. Так, в абз. 2 ч. 3 ст. 23 Гражданского кодекса Украины предусматривается при определении размера возмещаемого морального вреда учет требований разумности и справедливости [18]. Часть 2 ст. 32 КЗоТ Украины предоставляет работодателю право перемещать работников без их согласия [4]. Однако абз. 2 п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 6 ноября 1992 г. № 9 «О практике рассмотрения судами трудовых споров» ограничил произвол работодателей относительно использования перемещений, предусмотрев два критерия их правомерности: «Перемещения не могут быть немотивированными, необусловленными интересами производства» [19].

Таким образом, значение принципов трудового права после изменения общественно-экономической формации на Украине не только не уменьшилось, но и существенно выросло. На повестке дня стоит вопрос реализации в новом трудовом законодательстве Украины принципов, «неизвестных» советскому трудовому праву по идеологическим причинам. Обозначенные принципы трудового права заложат основы для формирования трудового законодательства демократического, правового и социального государства.

Библиографический список

1. Трудовое право социалистических стран / О.В. Смирнов, А. Вельтнер, К.П. Уржинский и др.; отв. ред. О.В. Смирнов. М., 1981.
2. Кодификация законодательства о труде социалистических стран. М., 1979.
3. Трудовое право: Энциклопедический словарь / ред. кол.: С.А. Иванов и др. 4-е изд. М., 1979.
4. Кодекс законів про працю України. Затв. Законом УРСР від 10 груд. 1971 р. // Відом. Верховної Ради УРСР. 1971. Додаток до № 50. Ст. 375.
5. Киселёв И.Я. Трудовые стандарты Совета Европы // Труд за рубежом. 1999. № 4.
6. Матрусова Т.Н. Японская система управления трудом в условиях глобализации экономики // Труд за рубежом. 2001. № 1 (49).
7. Киселёв И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. М., 2005.
8. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 черв. 1996 р. Київ, 1996.
9. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учебник. М., 1998.

10. Степанов В.Ф., Иванова С.А. Место коллективных переговоров и соглашений в нормотворческой деятельности МОТ // Труд за рубежом. 1994. № 2 (22).
11. Балашов Ю.К. Факторы и тенденции, влияющие на колдоговорной процесс // Труд за рубежом. 1994. № 2 (22).
12. Лушникова М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. СПб., 2006.
13. Лазнюк І. Термінал із соціальним обличчям // Голос України. 2005. 16 вересня.
14. Вельбрек С.Ф. Теория промышленного права / пер. Ив. Грацианского. СПб., 1873.
15. Семенова А.Е. Очерки советского трудового права. Изд. 2-е, доп. Харьков, 1925.
16. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3. URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/trud>
17. Рекош К.Х. Правовое решение во Франции вопроса о моральном преследовании на рабочем месте // Трудовое право. 2002. № 10.
18. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. // Відом. Верх. Ради України. 2003. № 40–44. Ст. 356.
19. Про практику розгляду судами трудових спорів: постанова Пленуму Верх. Суду України від 6 лист. 1992 р. № 9 // Законодавство України про працю: Зб. норм.-прав. актів. Харків, 2003.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.E. Lapin, Yu.A. Petrova
**Assessment of the Efficiency
of Local Government in Russia
(by the Example of the Ulyanovsk
Region)**

The methods of local government efficiency assessment that exist in Russia are studied from the standpoint of the integrated approach, which allows to take into account all the factors affecting the analyzed object.

Key words and word-combinations:
local government, efficiency assessment, Ulyanovsk Region.

Исследуются существующие в России методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления с позиций интегрального подхода, который позволяет учесть все факторы, влияющие на анализируемый объект.

Ключевые слова и словосочетания:
местное самоуправление, оценка эффективности, Ульяновская область.

УДК 323(470.44+571)
ББК 66.3(2Рос)(235.54)

А.Е. Лапин, Ю.А. Петрова

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (на примере Ульяновской области)

Эффективность – комплексное понятие. В литературе по управлению в социально-экономических системах методология исследования базируется на представлении о том, что эффективность деятельности определяется посредством сопоставления эффекта, т.е. результата, полученного в системе, с затратами, направленными на его достижение [1, с. 24]. В связи с этим под эффективностью деятельности органов местного самоуправления (ОМСУ) следует понимать меру реализации целей, задач и планов, показывающую, какое конкретное воздействие они оказали на развитие муниципального образования, социально-экономическую активность граждан, их знания, чувства, убеждения, практическое поведение и деятельность. В данном случае эффективность является эмпирическим доказательством дости-

жения реальных успехов в развитии местного самоуправления, территории муниципального образования, информировании населения, в решении поставленных местными сообществами экономических, социальных, культурных и иных задач.

Основной целью органов местного самоуправления является осуществление воздействия на управляемую систему территориального образования для ее перевода в состояние, обеспечивающее создание условий для производства и воспроизводства непосредственной жизни, а также повышения качества жизни и свободного развития человека. По этим трем составляющим основной цели муниципального образования должны определяться и показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

В октябре 2007 г. Федеральный закон № 131-ФЗ был дополнен статьей 18.1 об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления [2, ст. 18.1]. В целях реализации этого положения Указом Президента РФ № 607 был утвержден соответствующий перечень показателей [3]. Кроме того, отдельные методические аспекты представлены в распоряжении Правительства РФ № 1313-р [4] и в нормативно-правовых актах о внесении изменений в него [5–7].

Согласно Указу № 607 оценку деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации предлагается проводить как по количественным показателям (например, доля населения, охваченного профилактическими осмотрами), так и по степени удовлетворенности населения качеством предоставляемых публичных услуг (на основе социологических опросов), в том числе медицинской помощью, дошкольным образованием, общим образованием, дополнительным образованием, деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района), их информационной открытостью. Указ № 607 также предусматривает разработку системы отчетности органов местного самоуправления перед органами государственной власти субъектов РФ, ежегодный мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, расположенных в границах субъекта РФ.

Главам администраций городских округов и муниципальных районов предписано представлять доклады о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности соответствующих органов местного самоуправления за отчетный год. В дополнение к этому предусматривается обязательная публикация докладов в сети Интернет, что существенно расширяет информационную открытость органов местного самоуправления, дает возможность каждому жителю муниципального образования оценить эффективность работы избранной им власти и сравнить ее с результатами работы в других муниципальных образованиях. Такой анализ позволяет выявлять сферы, требующие приоритетного внимания не только органов местного самоуправления, но и органов государственной власти. Согласно методическим рекомендациям, представленным в распоряжении Правительства РФ № 1313-р, в отношении муниципальных образований-лидеров может приниматься решение о выделении грантов в форме дотаций из бюджета субъекта РФ в целях

содействия и поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления. Подобная практика действует в Ульяновской области с 2009 г. по настоящее время в отношении первых трех победителей рейтинга муниципальных образований.

Одной из основных проблем при внедрении системы контроля эффективности на уровне муниципальных образований является недостаточность ресурсов. Сбор и обработка показателей требуют времени и достаточно высокой квалификации исполнителей. Небольшие муниципалитеты с этой задачей могут не справиться: отсутствует системно налаженная муниципальная статистика. При этом доступ к государственной статистике у них ограничен: в настоящее время муниципальные органы исполнительной власти не заинтересованы в передаче информации органам статистики, а органы статистики в регионах соответственно – местным властям. Доступ к информационным фондам предоставляется на безвозмездной основе федеральным органам государственной власти и управления, территориальным органам Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и организациям, имеющим право на получение его информации; муниципалитеты могут получить данные лишь на общих правах, во многих случаях – на возмездной основе.

Исследователи в области местного самоуправления отмечают существенный недостаток, сокращающий возможность применения полученных результатов, – ежегодный характер мониторинга [8, с. 204]. Доклады о достигнутых показателях представляются до 1 мая года, следующего за отчетным, то есть результаты деятельности невозможно учесть в ходе бюджетного планирования на очередной год. Скорректировать программу поддержки муниципалитетов по тем или иным вопросам возможно не ранее июня – июля очередного года.

В теории оценки эффективности чаще всего применяется интегральный подход, который позволяет учесть все факторы, влияющие на анализируемый объект. Для определения эффективности деятельности исполнительного и представительного органов местного самоуправления необходимо собрать и проанализировать разнообразную информацию о реальном состоянии муниципального образования, а также о проводимой органами местного самоуправления работе, их средствах, формах и методах, о реальных результатах воздействия, об условиях и факторах, определяющих эффективность. В данном случае интегральный подход к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления можно представить следующей формулой:

$$\mathcal{E}_o = \frac{P}{Ц} \times \frac{З_p}{З_n}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_o$ – показатель эффективности деятельности;

P – результаты деятельности;

$Ц$ – цель деятельности;

$З_p$ – расчетные затраты;

$З_n$ – произведенные затраты.

Еще в середине 80-х годов прошлого века А.И. Дронов и А.Д. Урсул предложили формулу расчета эффективности деятельности по четырем основным параметрам: результативности, целеосуществленности, объективной значимости и оперативности:

$$\mathcal{E}_o = \frac{Ц}{П} \times \frac{Р}{T_0} \times \frac{T_1}{3} \times \left(\frac{P_n}{3_\kappa} - \frac{P_n}{3_\kappa} \right), \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_o$ – показатель эффективности деятельности;

$Ц$ – цель деятельности;

$П$ – потребность, на которую направлена деятельность;

$Р$ – результаты деятельности;

T_0 – оптимальное время для осуществления целевого проекта;

T_1 – действительно затраченное время;

3 – общие затраты;

P_n – общие позитивные результаты;

P_n – общие негативные результаты;

3_κ – величина, отражающая степень негативности результатов и включающая затраченные усилия и ресурсы [9, с. 132].

Формула (2) является основой для подготовки методики оценки эффективности любой деятельности. В работах Г.В. Атаманчука был предложен комплекс показателей, характеризующих эффективность организации и функционирования субъекта управления [10, с. 347]. К их числу он относит целеориентированность, затраты времени на управленческие операции, стиль функционирования управляющей системы, экономические, социальные, кадровые, технические издержки.

В соответствии с методикой мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления, утвержденной постановлением Правительства РФ № 1313-р, наряду с оценкой эффективности управления в сфере организации управления определен порядок оценки общего уровня эффективности в установленной сфере деятельности, который определяется по формуле:

$$И_p = \sum (И_{pq} \times Y_n), \quad (3)$$

где $И_{pq}$ – частный показатель результатов деятельности органа в установленной сфере;

Y_n – удельный вес (значимость) конкретного показателя.

Удельный вес показателя результативности в установленной сфере определяется по формуле:

$$Y_n = 1/N, \quad (4)$$

где N – количество показателей результативности деятельности в установленной сфере.

Итак, в общем виде эффективность можно определить как соотношение достигнутых результатов и затраченных на это ресурсов. Применительно к оценке деятельности органов местного самоуправления, муниципальных слу-

жащих методы оценки затрат в России практически не применяются и постепенно вытесняются методами оценки по результатам.

В развитых зарубежных странах наиболее распространен метод комплексной оценки эффективности. Он основан на оценке достижения местными властями целей, намеченных на определенный период времени, используется для глав муниципальных образований, их заместителей, руководителей комиссий и рабочих групп, а также депутатов. Управление по целям состоит из ряда элементов, взятых из цикла У.Э. Деминга в сфере управления качеством: ясных и хорошо сформулированных целей работы, которую необходимо выполнить (целеполагание); плана действий, в котором формулируются пути достижения целей (планирование и программирование), его выполнения; оценки достигнутых результатов (анализа); корректировки деятельности в случае необходимости; создания новых целей будущей деятельности [11, с. 33]. Успешное применение этого метода зависит от измеримости и конкретности целей, а также наличия возможностей проверки выполнения поручений муниципальных служащих и решений депутатского корпуса. Наибольшая сложность возникает при определении многочисленных индивидуальных показателей и приведении их в систему, пригодную для использования.

Повысить эффективность оценки деятельности органов местного самоуправления можно за счет проведения мониторинга отдельных ключевых показателей чаще, чем один раз в год (в отличие от установленного в Указе № 607). Получаемой информации в этом случае должно быть достаточно для принятия решений по поддержке наиболее проблемных муниципальных образований до формирования годового отчета. Тем самым целью оперативной оценки эффективности деятельности муниципальных образований станет получение предварительных данных о результативности исполнения их функций по показателям, характеризующимся интенсивной динамикой изменений в течение года. Данная информация может быть использована для определения объемов финансовой помощи бюджетам муниципальных образований на очередной финансовый год, принятия решений по содействию муниципальным образованиям в достижении целевых показателей и повышению эффективности деятельности. Учитывая, что многие вопросы местного значения муниципальными финансами обычно не обеспечиваются, это позволит оптимально распределять ограниченные ресурсы местных бюджетов [12, с. 40]. В дальнейшем возможно встраивание системы оценки эффективности в общую схему формирования и контроля целевых показателей на региональном уровне.

Вместе с тем при организации перехода к оперативному мониторингу проведение оценки не должно увеличивать нагрузку на органы управления муниципальными образованиями. К тому же правовых оснований для предоставления органами местного самоуправления сведений сверх объема, определяемого нормативными правовыми актами, не существует. Тем самым круг поддающейся оценке информации ограничивается данными

Росстата по показателям, представленным в формах статистической отчетности, а также информацией, которая может быть получена проводящими оценку региональными органами власти из открытых источников. В последнем случае речь идет в первую очередь о правовых актах и официальных сообщениях органов местного самоуправления.

В Ульяновской области в целях качественного дополнения анализа эффективности деятельности органов местного самоуправления была введена собственная методика. Министерством экономики Ульяновской области регулярно проводится мониторинг социально-экономического развития районов по 32 показателям в разрезе 6 секторов, который представляет собой системы рейтингования (для городов не применяется): 1) финансово-инвестиционный сектор, 2) доходы населения, 3) социальная сфера, 4) потребительский рынок, 5) сельскохозяйственный сектор, 6) промышленно-строительный сектор. Ежемесячно определяется уровень развития районов области, отмечаются наиболее слабые позиции. Полученные результаты помогают принимать оперативные управленческие решения как главам администраций МО, так и правительству региона. Результаты мониторинга подводятся ежемесячно и позволяют отслеживать не только развитие конкретного района, но и то, какие усилия были приложены его главой для снятия социальной напряженности, развития экономики, и, соответственно, региона в целом. Завершающим этапом становится подведение результатов эффективности деятельности ОМСУ в соответствии с Указом Президента РФ № 607 [3].

Таким образом, сочетание двух направлений рейтингования муниципальных образований позволяет органам власти Ульяновской области оперативно выявлять социально-экономические проблемы и стимулировать ОМСУ к сохранению положительной динамики развития районов.

С 2010 г. на территории Ульяновской области реализуется соглашение «О достижении значений показателей, индикаторов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления», в рамках которого муниципальные районы отчитываются по выполнению ежемесячных целевых индикаторов, квартальных индикаторов и индикаторов с периодичностью 1–2 раза в год, установленных региональной властью (таблица). Далее в общем срезе анализируется достижение либо недостижение индикативных состояний каждого муниципального образования.

Представленная в таблице отчетность свидетельствует, что в 2010 г. ни одно муниципальное образование Ульяновской области не достигло установленных параметров по 35 индикаторам соглашения. В 2011 г. позитивные тенденции отмечены во всех муниципальных образованиях, при этом максимально улучшили свои позиции шесть муниципальных районов.

Выполнение соглашения «О достижении значений показателей, индикаторов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления», 2010 – сентябрь 2012 г.

Показатели	Целевой индикатор	Исполнение / Темп роста		
		2010	2011	9 месяцев 2012 (к аналогичной дате 2011)
		Ежемесячные показатели, %		
Уровень регистрируемой безработицы	Недопущение роста по итогам года	101,3	101,01	95,83
Выполнение плана по организации общественных работ	Не менее 100% по итогам года	123,3	–	–
Выполнение плана содействия развитию малого предпринимательства	Не менее 100% по итогам года	100,1	–	Не выполнен в 7 из 24 МО
Собираемость платежей населения за ЖКУ	Не ниже 95% по итогам года	99,3	97,2	–
Выполнение плана собственных доходов	Не менее 100% по итогам года	106,9	115,4	101,86
Просроченная задолженность по заработной плате	Снижение задолженности по итогам года	61,9	В 6,6 раза выше	56
Уровень преступности	Недопущение роста по итогам года	115,8	106,5	–
Кредиторская задолженность МО	Недопущение роста по итогам года	106,7	–	52,5
Среднемесячная реальная заработная плата	Не менее 101% по итогам года	105,1	103,1	–
Поголовье коров во всех категориях хозяйств	Более 100% к показателю 2009 года	101	101,9	88,53
Среднемесячная заработная плата	Не менее 110% по итогам года	112,5	113,2	118
Ввод общей площади жилья	Не менее 108%	–	118,5	149

По итогам девяти месяцев 2012 г. лучшими стали три МО, выполнившие все требования по целевым индикаторам. Четыре МО продемонстрировали высокий уровень достижения индикативных показателей (18–19 индикаторов), остальные – средний (17–15 показателей). Среди городских округов МО «Город Новоульяновск» и «Город Ульяновск» достигнуты 13 и 12 показателей из 15-ти соответственно (средний уровень). Аутсайдер – район, которым не достигнуты целевые параметры восьми индикаторов, входящих в блоки «Индекс сельского хозяйства» и «Демографический потенциал».

При создании системы оценки результативности и эффективности ставятся разные цели: внутренние для самооценки и внешние. Например, в японской практике муниципального управления используют только степень удовлетворенности населения результатами деятельности органов местного самоуправления. Регулярно проводятся опросы, позволяющие выяснить нужды жителей [13].

Подобные оценки мнения местного сообщества проводятся и в Ульяновской области. Так, по данным социологического исследования «Местное самоуправление: ожидания населения», проводившегося научно-исследовательским центром «Регион» в сентябре 2010 г., на вопрос «Какие конкретно органы власти могут и должны помогать сельским жителям и сельскому хозяйству в целом?» большинство опрошенных ответили: исполнительные органы местного самоуправления (администрация поселка, районная администрация) – 34, глава района – 29, губернатор Ульяновской области – 32% [14]. В 2011 г. (май – июнь) доверие губернатору области выразили 43% опрошенных. Вместе с тем 33% не доверяют главе региона. В отношении остальных органов власти и общественно-политических структур уровень недоверия населения превышает уровень доверия. Меньше всего доверяют жители региональным отделениям политических партий (не доверяют – 47, доверяют – 15%), полиции (51 и 21% соответственно), а также СМИ (51 и 32%), Законодательному Собранию области (38 против 20%), муниципальным и местным органам самоуправления (44 и 28%) и профсоюзам (36 против 18%).

Некоторые причины снижения уровня доверия и удовлетворенности результатами деятельности местного самоуправления становятся понятны из ответов на следующие вопросы: «Обращались ли Вы для решения каких-либо проблем к местным властям? И каково было решение?». Исследование областного государственного учреждения «Центр социологических исследований» показало, что большинство опрошенных (более 70%) не ищет помощи в решении своих проблем у органов местного самоуправления. Однако 16% опрошенных все же обращались к главе и администрации района, а 23% – к главе и администрации поселка. Около половины из них не смогли решить свои проблемы, не получив помощь у местных властей. Отмечается, что при сохранении уровня обращаемости населения за помощью к местным властям с ноября 2008 г. эффективность этой помощи, по свидетельству участников исследования, заметно снизилась. В частности, глава и администрация района смогли решить вопросы 37% обратившихся (против 56% в 2008 г.), не

смогли для 56% (33% в 2008 г.). Органы местного самоуправления поселка не помогли в решении проблем 50% респондентов (в 2008 г. этот показатель составлял 28%). В целом результаты исследования свидетельствуют о снижении эффективности работы органов местного самоуправления с обращениями граждан в 2008–2010 гг.

Одной из основных причин отрицательной оценки населением деятельности ОМСУ является несоответствие ожиданий и реальности, причем это может быть связано как с завышенными ожиданиями населения, так и с неэффективной деятельностью данных органов. Конечно, возможности местной власти достаточно ограничены (в области создания новых рабочих мест, организации сельскохозяйственного и промышленного производства и т.п.). Однако в ее обязанности входит забота об улучшении условий жизни жителей района, благоустройстве сел и поселков, общение с населением для решения конкретных проблем и т.д. Но, судя по всему, местное самоуправление зачастую бездействует, с чем связано то, что 44% опрошенных ответили, что вообще не видят реальной работы ОМСУ.

Таким образом, к методическим основам оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления относятся: во-первых, система социально-экономических показателей, представленная в Указе Президента РФ № 607 [3]; во-вторых, интегральный подход, характеризующий влияние различных факторов на результат работы органа власти (формула «свертки»), и, в-третьих, комплексные социологические исследования степени удовлетворенности населения результатами работы органов местного самоуправления. В настоящее время наиболее используемой является официальная методика, однако она не раскрывает все аспекты, влияющие на эффективность деятельности органов местного самоуправления. В связи с этим отдельные специалисты утверждают, что большинство контрольных показателей Указа Президента РФ № 607 не имеют прямого отношения к предметам ведения и полномочиям местных властей, и повлиять на них местным властям крайне сложно [15].

Библиографический список

1. Вильямский В.С. Основы организации деятельности социальных систем: (на примере муниципальных образований России). Ростов н/Д., 2006.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. Федер. закона от 16 окт. 2012 г. № 173-ФЗ) // Рос. газ. 2003. 8 окт.
3. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 28 апр. 2008 г. № 607 (в ред. от 13 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.
4. О реализации Указа Президента РФ от 28 апр. 2008 г. № 607: распоряжение Правительства РФ от 11 сент. 2008 г. № 1313-р (в ред. от 13 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 2008. № 39. Ст. 4455.
5. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 11 сент. 2008 г. № 1313-р: распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 758-р // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4280.

6. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 758-р: распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2010 г. № 1246-р [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 758-р: распоряжение Правительства РФ от 18 дек. 2010 г. № 2330-р // СЗ РФ. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7196.
8. Калинин А.М., Софрыгин Е.А. Совершенствование внешней оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 203–210.
9. Урсул А.Д., Дронов А.И. Космонавтика и социальная деятельность. Кишинев, 1985.
10. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.
11. Лапин А.Е., Хайров Д.Р. Методика «SERVQUAL» для оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственная служба. 2012. № 3. С. 30–35.
12. Сидорова Н.И. Проблемы и инструменты среднесрочного финансового планирования на региональном и муниципальном уровнях // Проблемы прогнозирования. 2008. № 6.
13. Широков А. Проблемы формирования методики оценки результативности и эффективности деятельности органов местного самоуправления // Муниципальная власть. 2008. № 20. С. 75.
14. URL: <http://www.csi-ul.ru/research/?topic=research>
15. Разворотнева С.В., Рябинин А.В. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: перспективы и пути развития. URL: <http://www.vsmsinfo.ru/article.html?204>

Yu.K. Usynin, L.S. Yakovlev
The Power and Society
Communicative Space
Transformation in the Context
of Information Technology
Development

The change of the power and society communication system in conditions of fast development of information technology is considered. Conclusions about the political component of the public services implementation in electronic form are made.

Key words and word-combinations: reforming management systems, information space, public services, electronic government.

Рассматривается изменение системы коммуникации власти и общества в условиях опережающего развития информационных технологий. Делаются выводы о политической составляющей внедрения сервисов государственных услуг в электронном виде.

Ключевые слова и словосочетания: реформирование системы управления, информационное пространство, государственные услуги, электронное правительство.

УДК 005:004
ББК 60.843

Ю.К. Усынин, Л.С. Яковлев

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Одно из важнейших потенциальных преимуществ современных систем управления состоит в обретении ими научного характера. Иными словами, управленческие решения принимаются не по произволу того или иного лица, а на основании объективного анализа, с использованием научных методов; к тому же новые кадры для аппарата управления готовятся формальной системой

образования, что принципиально важно, так как именно за счет этого создается формализованная, нейтральная в отношении частных интересов, управленческая среда. Конечно, речь идет о том, как должны обстоять дела; в реальной жизни люди находят способы и обходить законы, и использовать формальные установления в своих личных интересах. Однако в цивилизованном государстве, каким должна быть Россия в соответствии с волей ее народов, нашедшей выражение в Конституции, конкретных актах политической воли Президента и правительства, подобные явления рассматриваются как отклонения, а не норма и служат предметом судебного разбирательства. Таким образом, в подготовке государственных служащих необходимо исходить из установившегося понимания норм правового государства.

В рамках своей ответственности государственные служащие должны самостоятельно принимать решения и осуществлять их, опираясь прежде всего на научно обоснованный анализ ситуации, поэтому им крайне важно обладать знаниями, позволяющими адекватно осмысливать извлекаемые из различных источников данные. Информационное пространство отнюдь не нейтрально. Оно содержит материалы, тем или иным образом ориентированные, включающие авторскую позицию. Речь не о том, что эта позиция непременно плоха, она вполне может быть полностью верной и основываться на глубокой компетентности. Но, как правило, по каждому вопросу позиций много, и далеко не всегда можно, не вникая в суть вопроса, оценить, какой из них следует отдать предпочтение. Кроме того, позиция вовсе не обязательно выражается в оценках, она представлена в способах организации материала. Следовательно, государственный служащий, обязанный принимать обоснованные и верные решения, должен уметь разобраться в имеющихся по каждому конкретному вопросу точках зрения, сделать выборку фактического материала, адекватную поставленным перед ним задачам.

Потребление информации неотделимо от ее производства. Это было важно понимать и в эпоху «галактики Гуттенберга», но намного более важно теперь, когда любое ознакомление с какими-либо материалами, содержащимися в электронном виде, как правило, оказывается интерактивным процессом. Если читатель книги, газеты не всегда сознавал, что сам для себя осуществляет организацию материала, то клиент Интернета, в силу самой организации интерфейсов, с которыми работает, вынужден чувствовать себя соучастником творческого процесса: по сути дела, каждый из нас, обращаясь к тому или иному сайту, имеет дело с материалами, отличными от тех, с которыми работали до него другие, более того, и от тех, с которыми кто-то работает одновременно с ним.

Для социальных систем способность к переработке и использованию информации в данном контексте имеет решающее значение. Т. Парсонс обращал внимание на эту закономерность еще полвека назад, подчеркивая, что позиция каждой подсистемы в системной иерархии находится в прямой корреляции с включенностью в информационные процессы: чем ниже позиция подсистемы в иерархии, тем выше уровень потребления ею энергии и ниже – информации, и напротив, занимающие ведущие позиции подсистемы в минимальной степени включены в обмен энергетический и в максимальной – в информационный.

Развитие, безусловно, сопряжено с адаптивностью, но эта зависимость не механическая: успешно развиваясь, системы не просто механически накапливают адаптивные характеристики, а выходят на новые уровни адаптивности, находят новые, более эффективные способы интеграции в среду.

Существенный вклад в конструирование современной информационной среды в России внесен в ходе реализации Федеральной программы «Электронная Россия» и соответствующих региональных программ. При этом ставились задачи: сформировать эффективную правовую базу в сфере ИКТ, регулирующую в том числе вопросы обеспечения информационной безопасности и реализации прав граждан; повысить эффективность взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, граждан на основе использования современных ИКТ; обеспечить условия для повышения эффективности и более широкого использования ИКТ в экономической и социальной сфере; повысить уровень подготовки и переподготовки кадров за счет совершенствования образования на базе ИКТ; содействовать развитию независимых средств массовой информации посредством стимулирования внедрения ИКТ в их деятельность. Кроме этого, необходимо содействовать развитию телекоммуникационной инфраструктуры и возможностей подключения к открытым информационным системам для граждан и хозяйствующих субъектов; сформировать единую информационную и телекоммуникационную инфраструктуру органов государственной власти и органов местного самоуправления, организаций; создать условия, необходимые для широкого использования на товарных рынках России механизмов электронной торговли.

По оценкам ООН, Россия в 2011 г. заняла 27-е место в рейтинге электронного правительства, улучшив за год свои позиции на 32 пункта. Тем не менее, как подчеркнул В.В. Путин, «возможности электронного правительства используются не в полной мере» [1].

Вопросы доступа к информации стали в последние десятилетия предметом ряда международных соглашений. Исходным является пункт 27 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающий право доступа к информации. Принципиально важно подчеркнуть, что законодательно определяться должна не информация, право доступа к которой человек имеет, а как раз та, которая может быть закрытой. Конечно, от определения личной, коммерческой, государственной тайны зависит, будем ли мы жить в свободном, динамически развивающемся – или тоталитарном, построенном на страхе и запретах, обществе.

Расширительные определения этих понятий чреваты серьезной и реальной угрозой общественному порядку. Так, ложное понимание права на защиту личной конфиденциальности выдвигается в качестве аргумента против мер, направленных на предотвращение угрозы террористических актов, на безопасность Интернета (прежде всего, это касается авторизованного доступа). Расширительное толкование коммерческой тайны служит препятствием для мероприятий по защите прав потребителей, а также для экологических программ.

Существенным моментом, связанным с понятием права на информацию, являются условия доступа к ней, физического и социального. В конце XX в. появилось еще одно измерение бедности, «информационное неравенство».

Это понятие было введено в 1997 г. соответствующей Программой развития ООН. Оно отражает рост социальной дифференциации населения по новому принципу – принципу возможностей доступа к ИКТ. В условиях развития глобального информационного общества доступ к ИКТ означает и доступ к информации и знаниям.

Информационное неравенство связано с региональными различиями в развитии информационных технологий; недоступностью соответствующих услуг, по причине их дороговизны, для части населения (это соображение для России имеет самое непосредственное значение); неодинаковой подготовкой разных групп населения.

К числу важнейших документов, определяющих стратегию информационного развития, безусловно относится и Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая 22 июля 2000 г. странами «Большой восьмерки». В Хартии определяется поле воздействия информационных технологий: образ жизни, образование и работа, взаимодействия правительства и гражданского общества. Такой порядок перечисления представляется неслучайным. Как появление персонального компьютера, так и становление сети раньше всего сказались именно на жизненных стилях; а главное, для современного общества, в отличие от индустриального, производственная сфера отнюдь не является определяющей. Разумеется, без совершенствования технологий и организации производства не только прогресс невозможен, но и сохранение достигнутого уровня благосостояния проблематично. В постиндустриальном обществе иначе понимается логика этой взаимосвязи. Во главу угла ставится человеческий капитал; производство целиком и полностью зависит от удовлетворенности людей своими условиями жизни, поскольку в ней заключены их мотивации.

Сутью стимулируемой информационными технологиями социальной трансформации считается содействие людям и обществу в использовании знаний и идей. Опосредующим условием является установление модели транспарентного и ответственного управления, гарантирующего, в частности, свободный обмен информацией. Хартия содержит призыв ликвидировать международный разрыв в области информатизации. Документ содержит понимание информационного пространства как регулируемого рыночными отношениями. Рекомендуются содействие развитию конкуренции, установление эффективного партнерства между государством и частным сектором, при этом устанавливаемые правила должны быть предсказуемыми и способствовать укреплению доверия.

Признается необходимость продвижения рыночных стандартов, саморегулирующихся инициатив. Эффективное функционирование электронной идентификации сочетается с гарантией защиты частной информации. Ставятся задачи продолжения содействия развитию конкуренции и открытию рынков для информационной технологии, защиты прав интеллектуальной собственности на информационные технологии, реализации последовательных подходов к налогообложению электронной торговли, основанных на обычных принципах, повышения доверия потребителя к электронным рынкам в соответствии с руководя-

щими принципами ОЭСР, защиты частной жизни при обработке личных данных, а также обеспечении при этом свободного потока информации [2].

В России уровень интернетизации превышает среднемировой (в 2012 г. соответственно 49 и 34%). Однако в сопоставлении со странами, выстроившими наиболее развитую информационную среду, показатели Российской Федерации выглядят не столь впечатляющими: ведущие в этом плане европейские страны демонстрируют уровень выше 80%, США – 78, Аргентина – 68; за последние два года даже Иран продемонстрировал впечатляющий рывок.

О том, что речь идет не о случайной флуктуации, а о настораживающем тренде, свидетельствует сопоставление еще с одним рядом данных. Россия лидирует в мировом рейтинге по распространенности мобильных телефонов, их приходится более 1,5 на душу населения. Однако смартфонов всего лишь 9%, по этому показателю мы отстаем не только от Японии (65%), Канады (55%), США (48%), Голландии (47%), Франции (38%), но и Турции, Мексики, Филиппин, Таиланда. Правда, последний годовой прирост составил 44%, но и число пользователей Интернета у нас росло в свое время столь же впечатляющими темпами [3]. Тревожит то, что можно расценивать как достижение некоего естественного порога насыщения: новыми технологиями овладевают люди, ориентированные на активность в информационном пространстве. Если ставится задача интеграции в это пространство большинства населения страны, необходимым условием становится понимание гражданами реальной пользы такого участия.

В ходе визита в Новосибирск В.В. Путин обратил внимание именно на практическую значимость для людей информатизации, указав также, что граждане должны иметь возможность вносить предложения о том, как сделать применение информационных технологий в государственном управлении более удобным.

В соответствии с распоряжением Правительства от 17 декабря 2010 г. № 2299-р «О плане перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных учреждений на использование свободного программного обеспечения (2011–2015 годы)», а также госпрограммой «Информационное общество», частью которой является Национальная программная платформа, реализуется переход к использованию в госучреждениях и бюджетных организациях свободного программного обеспечения. Был проведен конкурс с максимальным бюджетом 27 млн рублей, который выиграла предложившая минимальную стоимость компания «ПингВин Софтвр». Она возглавляла консорциум участников РАСПО, и прототипы компонентов НПП были созданы общими силами за 5 млн рублей. Однако Минкомсвязи отмечается наличие проблем, связанных с большим технологическим разнообразием существующих информационных систем (ИС) и отсутствием обязательных к соблюдению подрядчиками стандартов (в особенности в части информационного взаимодействия (кроме СМЭВ), форматов хранения данных, целевых операционных систем), что препятствует реализации подсистемы централизованной компиляции дистрибутивов [4].

Существенные проблемы связаны с адаптацией индивидов и сообществ к

информационным технологиям. Как справедливо писала еще десять лет назад О. Балла, «техника действительно каждый раз ставит человека перед необходимостью пересмотра самого себя и переосмысления своих отношений с миром, хотя бы с ближайшим, потому что действительно меняет условия его существования, причем в какой степени – никогда нельзя знать заранее... «Развал» прежних общностей – и хаотичный рост новых, эфемерных, – в который компьютер тоже не внес ничего нового, разве что опять-таки кое-что катализировал, позволив пересекать ранее не пересекавшиеся границы, – заставляет, между прочим, именно на общекультурном уровне заново прочувствовать, а там и продумать – что же такое общность» [5]. При этом речь должна идти отнюдь не только о сетевых сообществах «в чистом виде», сплавляемых деятельностью в Интернете, но и о преобразовании «реальных» сообществ, в которые объединяется население муниципальных образований, внутренним связям которых компьютеризация придает новые смыслы.

Важно иметь в виду, что тенденцией развития информационных технологий является глобализация информационного бизнеса. Чисто теоретически любой человек (или фирма) является сегодня возможным потребителем информации. Глобализация непосредственно связана с конвергенцией. Ранее сферу производства и сферу услуг можно было легко определить и дифференцировать. Но наметившиеся тенденции меняют традиционные представления.

Компьютеризация формирует возможность и необходимость радикального пересмотра представлений о структурах информационного пространства. Принципиальным является понимание субъективного характера темпоральной организации информационных ресурсов. Абсолютно исчерпывающие данные все равно не могут быть получены практически ни по одной из проблем в силу как ограниченности ресурсов, так и самого характера многих элементов данных. Например, состояние занятости во многом определяется структурой предпочтений в отношении видов деятельности, выбора рабочих мест, претензий к условиям и оплате труда. Все эти характеристики обладают различной, меняющейся интенсивностью динамики, не могут быть определены раз и навсегда и зависят от многих факторов. Они не могут быть элиминированы: рабочие места, полностью не адекватные запросам, не будут востребованы, при этом речь идет не об объективных характеристиках этих мест, а об их субъективной оценке. Но выявление предпочтений – отнюдь не тривиальная операция, особенно когда речь идет о прогнозах; текущую картину еще можно выявить посредством опросов, но как раз она нас далеко не всегда устроит, поскольку многие задачи могут решаться лишь на перспективу. Например, планировать учебные места в вузах нельзя вне временной перспективы, поскольку они должны быть обеспечены ресурсами, многие из которых создать быстро невозможно. Но никакой опрос не даст достоверной информации о структуре предпочтений в сфере образования через пять-десять лет.

В этом и многих других случаях просто нельзя иметь исчерпывающих знаний, поскольку последние предполагают долговременные и масштабные исследования. Поэтому единственно верным представляется подход, ориентированный на точечный подбор данных по запросам, интегрированным в проектные разработки. Ина-

че говоря, следует определить применительно к операционным задачам, какие данные потребуются нам в текущей, перспективной динамике, а какие – в качестве постоянных. Изменение содержания проблемы или условий работы над ней почти наверняка приведет к изменениям и в структуре запроса.

Еще один существенный момент, который необходимо иметь в виду, связан с популярными до сих пор в литературе содержательными классификациями. В определенных случаях они не лишены смысла, но это верно лишь в отношении информации, используемой в иллюстративных целях. Если же речь идет об оперативной информации, применимой для разработки рекомендаций, то релевантность тех или иных данных зависит от выбранного подхода. Так, в специализированных базах данных по проблемам миграции можно получить сведения, касающиеся интенсивности и масштабов движения населения между регионами и за пределы страны, типам миграционного поведения, соотношению видов миграции. Но этих данных, безусловно, недостаточно для построения политики в данной сфере, так как необходимо знать о предпочтениях, ценностях, запросах, стереотипах мигрантов, а подобные данные миграционные службы, как правило, не собирают. Собственно, чем более продуманным, самостоятельным, целостным окажется проект, тем меньше оснований ожидать приобретения всех необходимых данных в одном месте. Потребуется интеграция баз, распределенных в содержательных классификациях по различным группам.

Тем более лишена продуктивности классификация по типам источников или формам хранения данных. В достаточно близкой перспективе все, или почти все, базы данных будут мультимедийными. Разумеется, поэтому предполагается навык использования информационных массивов во всех возможных форматах. Такой навык становится непреложным требованием к профессионализму, его необходимым (хотя, конечно, далеко не достаточным) критерием. Предопределяется таким образом и стандарт технической вооруженности информационно-аналитических центров.

Определенные ограничения на оперирование информационными массивами связаны с форматом последних в силу технических условий. Текстовые материалы (без включения мультимедийных фрагментов) доступны на наиболее элементарном уровне в отношении хранения, транспортировки, прочтения. Plain text (то есть текст без форматирования) – самый экономный способ хранения и передачи данных. На одном мегабайте дискового пространства может поместиться порядка миллиона символов (включая пробелы), то есть 25 печатных листов текста; измерять в страницах, как иногда делается при подобных расчетах, абсолютно бессмысленно, поскольку их количество полностью зависит от форматирования текста, прежде всего размера шрифта, полей. Если зрение позволяет комфортно различать набранный шрифтом в 8 пунктов текст, то он займет в три раза меньше страниц, чем у того, кто использует шрифт в 24 пункта, при этом реальный объем останется одинаковым. При хорошей связи с использованием оптоволоконной линии передача этих данных просто пройдет незамеченной. Храниться же этих отчетов у получателя может огром-

ное количество; если из жесткого диска в 500 гигабайт выделить под эти цели всего 5%, то в этом пространстве можно разместить 300 тысяч отчетов. Такое количество, разумеется, не в состоянии прочесть один человек, да и не всякая организация может освоить соответствующий объем информации. Здесь, однако, возникают замечания.

Чистый текст и есть чистый текст, адекватен он полностью только в художественной литературе. Героиня сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» восклицает: «Что за книжка без картинок!». Но ей все же двенадцать лет, в детской книжке картинки, конечно, обязательны. Что касается серьезной литературы, Джойс, Набоков, Фолкнер в иллюстрациях не нуждаются, они умели писать так, чтобы читатель видел написанное, и даже не просто видел, а смотрел на мир глазами героев, чувствовал происходящее с ними. Но это художественная литература.

Формы представления данных могут быть различными, и в перспективе качественный отчет или подготавливаемая для принятия решения записка будут представлять собой мультимедийный документ, содержащий, наряду с текстом, видеоряд, статические изображения, аудиопоток. Интеграция их в единое целое может быть только смысловой. Суть не в форме данных, а в выводах, которые на основании их анализа могут быть сделаны, поэтому крайне важно обеспечивать возможность доступа к данным, построенного с различных позиций.

Очевидными становятся необходимые ближайшие шаги: последовательное использование административного ресурса для скорейшего перехода на электронный документооборот, интенсивное развитие порталов государственных услуг, безусловная реализация правительственных решений от 17 декабря 2010 г., в соответствии с которыми осуществляется план перехода государственных учреждений и бюджетных организаций к 2015 г. на свободное программное обеспечение.

Библиографический список

1. Путин В.В. План информатизации министерств должен быть готов через месяц // Росбалт. 2012. 5 апр. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/05/966110.html>
2. Окинавская хартия глобального информационного общества. URL: <http://www.riocenter.ru/documents.htm#11>
3. 2012 KPCB Internet Trends Year-End Update. Dec. 03. 2012. URL: <file:///home/sir/Documents/Informatization2/2012-kpcb-internet-trends-yearend-update1.html>
4. Что станет с Национальной программной платформой при новом министре связи // Компьютерра. 2012. 29 июня. URL: <http://blogs.computerra.ru/33171>
5. Балла О. Человек и Компьютер: смыслы взаимодействия // Компьютера. 2001. № 12.

Yu.I. Tarsky
The Genesis of Social Interests
Representations in the Russian
Political Space

The role of the parties and public movements operating in the political space of Russia is considered. Their aims of real social groups interests representation are defined.

Key words and word-combinations: political space, ideology, political discourses, social interests.

Рассматривается роль партий и общественных движений, действующих в политическом пространстве России. Определяются их задачи по репрезентации интересов реальных социальных групп.

Ключевые слова и словосочетания: политическое пространство, идеология, политические дискурсы, социальные интересы.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

Ю.И. Тарский

ГЕНЕЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Своеобразие современных российских политических процессов определяется прежде всего тем, что в них крайне слабо проявлены реальные интересы социальных групп. Анализ опыта успешной президентской кампании марта 2012 г. еще раз наглядно демонстрирует отсутствие необходимости в самой постановке вопроса об интересах, лежащих в основе поддержки населением той или иной программы.

Главной оппозиционной силой действующей власти, как показали выборы, остается КПРФ. Именно кандидат, представляющий эту партию, получил вторую позицию в рейтинге претендентов на президентское кресло. Обращение к программе КПРФ (относительно которой Г.А. Зюганов заявил, что она «определила повестку дня этих выборов») показывает, что логика этого документа выстраивается не в соответствии с социологическим анализом сложившихся на данный момент у населения ожиданий, а согласно устоявшимся идеологическим концептам [1]. В преамбуле заявляется, что КПРФ выступает единственной политической организацией, последовательно отстаивающей права людей наемного труда; однако не делается попытки охарактеризовать реальное положение этой социальной группы, проанализировать ее позиции в отношении конкретных аспектов социального контракта. Вместо этого повторяются догмы «ленинского учения об империализме», излагаются характеристики между-

народной ситуации (опять-таки с точки зрения тезиса «современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму»), подробно пересказываются события давней и недавней истории. Непосредственно за этим, то есть как дедуктивный вывод из доктрины, следует утверждение «спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма»; при этом, однако, «речь идет не о том, чтобы вернуться назад, а о том, чтобы двигаться вперед, к обновленному социализму, очищенному от ошибок и заблуждений прошлого, в полной мере отвечающему реалиям сегодняшнего дня».

Логическое противоречие здесь выступает следствием не только одностороннего историко-социологического анализа, но и отказа от выявления характеристик непосредственно сложившейся социально-политической ситуации. За этим следует трехэтапный план перехода к «обществу подлинного народовластия и развитой духовной культуры», в котором единственным реальным механизмом завоевания власти оказывается, собственно, апелляция к недовольству населения социально-экономическими условиями. Стимулировать консолидацию, на основе этого недовольства, призвана программа-минимум. В ней содержится совокупность экономических требований, явно неадекватных имеющимся в распоряжении государства ресурсам, и пожеланий типа «создать реально независимую судебную систему», «обеспечить общедоступность и высокое качество здравоохранения», «создать условия для развития малого и среднего предпринимательства», «повысить эффективность системы государственного управления», ничем и никак не обоснованные в отношении путей их реализации [2]. Открытым остается вопрос, в чьих руках на период реализации программы-минимум должна находиться власть, то есть кто возьмет на себя ответственность за политические шаги, с очевидностью требующие либо возникающего, непонятно, каким образом, национального согласия, либо репрессий, и привлечение из не определенных источников чудовищных по размеру капиталовложений.

Парадоксальным образом сходной с только что рассмотренной структурой обладает и программный документ, представленный М. Прохоровым. Его первая часть является чисто исторической, логика построения документа предполагает аргументацию «от противного», опору на критику коммунистической эпохи. Противопоставляется дурному прошлому, по сути, условный идеал – «общество равных возможностей», где главной ценностью является человек, права которого «первичны к правам социальных, этнических и религиозных групп», со свободными СМИ, последовательно демократическими процедурами формирования властных структур [3]. Идеология и здесь первична; если коммунисты полагают, что история есть борьба классов, а трудящиеся выбирают социализм, то М. Прохоров и его сторонники исходят из безусловности либеральных ценностей, долженствующих «сами собой» обеспечить прогрессивное развитие. Прохоровская программа не содержит непомерного числа неосуществимых обещаний, что делает ее более реалистичной, но безоговорочно лишает кандидата массовой поддержки. Мнения относительно того, что М. Прохоров выражает интересы среднего класса, ни на чем не основаны [4]. Разработке программы не предшествовал анализ запросов этой группы, не говоря уже об определении ее сущности и границ.

Представленную картину не могут существенно изменить соображения, возникающие при обращении к программам других альтернативных кандидатов. Специфика электората ЛДПР достаточно очевидна; что касается С. Миронова, ему в данной кампании не удалось получить существенной поддержки избирателей. По существу, нынешняя политическая ситуация отличается от ситуации середины 1990-х годов прежде всего тем, что в ней присутствует поддержка большинством прагматической в своей основе линии В. Путина. Если в 1990-е годы политическая борьба сводилась к абсолютно чистому противостоянию идеологий, сегодня попытки «идеологизировать» отдельные положения программы вновь избранного в марте 2012 г. Президента РФ поддержки не находят. Типичной в данном аспекте является интерпретация идеи единого экономического пространства как возрождения евразийской империи А. Прохановым [5]. Общественная реакция на эти высказывания минимальна.

Проект В. Путина – лидера нации по определению конструируется вне политико-партийного поля, подразумевая консолидацию более высокого уровня. Однако при этом, на фоне слабого развития муниципальных структур управления и кризиса партийных идеологий, крайне сложно избежать нарастания пассивности населения. Действующие партии и движения своей функции в этом плане не выполняют.

Показательна в этом плане судьба либерализма. По сути он должен быть выражением индивидуалистического мировоззрения, своего рода квинтэссенцией антифашизма. Но страх перед анархизмом сковывает либеральную мысль, заставляет искать компромиссы с идеями государственного регулирования там, где эти компромиссы разрушительны, – и, как обратное следствие, ложные попытки поддержать баланс приводят к отторжению идеологических компонентов, связанных с концепцией социального государства. В итоге даже такой вдумчивый аналитик, как Л. Радзиховский, объявляет «крайний популизм» внесистемным: «Нацисты, экстремисты, расисты, крайние популисты находятся за пределами западного политического поля» [6].

Не совсем понятно, какой популизм полагать «крайним». Если речь идет о формуле «отнять и поделить», то она никак не популистская: поддержать ее может большинство только в обществах совершенно нищих; даже в Европе XII–XIII вв. проповедь апостольских братьев Дольчино и им подобных отнюдь не повела за собой большинство населения. Если же речь идет об отрицании «спенсеровского» понимания либерализма, как у Ю.Л. Латыниной, повторяющей постоянно, что никто не имеет права на то, чего не заработал, то такое отрицание действительно есть позиция абсолютного большинства.

Движения типа «оссуры Wall Street», возможно, выглядят как близкие к несистемным, но для их объективной оценки надо принимать во внимание европейскую и североамериканскую традицию. Эта традиция полагает общественный протест органической частью жизни социума, безусловно интегрируя право граждан на обсуждение социального контракта. Ведь понятие «честно заработанного» может быть очень разным, и оно меняется.

Так, для акционеров прежде всего медийных корпораций, чьи доходы напрямую зависят от соблюдения действующих норм авторского права, движе-

ния типа «пиратской партии» Германии представляются внесистемными. Очевидно, если эта партия, предположим, после следующих выборов сумеет стать лидером парламентской коалиции, законодательство может претерпеть изменения, после которых «внесистемными» будут выглядеть как раз претензии звукозаписывающей фирмы на контекст, к созданию которого она не имеет никакого отношения. Как справедливо пишет Л.С. Яковлев, «видеть в интенсивном развитии сетевых структур политическую волю людей, обеспечивших для них технологическую базу, нет никаких оснований. Подобного рода конспирологические инсинуации возникают на периферии современных дискурсов, но не заслуживают специального разбора» [7, с. 60].

Связывать либеральные ценности с неуклонным отстаиванием текущих форм регулирования отношений собственности есть полный абсурд. Назвать, например, реформы Б. Обамы в области медицинского страхования популистскими можно лишь с позиций псевдолиберализма, по сути равнодушного к судьбе общества, ставящего ложные абстрактные принципы выше здравого смысла. Разрушение социального контракта есть гибель общества. Разумеется, любой пересмотр этого контракта ущемляет чьи-то права; это и есть плата за развитие, за выживание социума. Либеральная идея состоит не в том, что «правила игры» должны оставаться неизменными вечно, а в том, что они есть. Они могут меняться, их, безусловно, можно и нужно обсуждать, но их действующими формами нельзя пренебрегать.

Либерализм имеет право на существование только как инструмент прогрессивного развития. Современная ситуация в России с предельной остротой демонстрирует степень потребности страны в модернизации. Здесь наблюдается кризис власти, не проявляющий себя как политический кризис, что заставляет нас видеть в России страну, не прошедшую по пути модернизации столько, сколько требует логика развития. Будь это сделано, кризис имел бы именно политическое выражение. Но наша реальная политическая оппозиция действительно столь малочисленна, разрознена и имеет столь слабую поддержку населения, что видеть в ней для себя угрозу было бы для власти наивно. Проблема в ином. Руководство СССР, а затем и суверенной России, начиная с М. Горбачева, если не раньше, сознает порочность механизма взаимодействия с населением, построенного на патерналистских ожиданиях. Такой механизм резко ограничивает в продолжительной перспективе ресурсы мобилизации, а в кризисных ситуациях просто дает лояльности слишком зыбкую основу, тем более сегодня, когда население России далеко не столь скромно в своих притязаниях, как полвека или даже три десятилетия назад. Уровень поддержки В. Путина населением снизился за последние восемь лет, в условиях, когда не только не происходит падения уровня жизни, но, напротив, очевиден его рост для большинства категорий граждан. Но рост этот отстает от ожиданий и потому воспринимается как следствие несоблюдения властью социального контракта.

Особенно очевидна эта закономерность применительно к региональному развитию. Вопреки установкам официальной политики на «выравнивание» уровня развития всех территорий страны, степень неоднородности была очень высокой, поэтому «усреднять» модернизационный потенциал и установки нельзя: точно так же, как имеются еще в стране промышленные предприятия, в ста-

ночном парке которых можно найти технику образцов начала XX столетия, социальные отношения, аттитюды населения, параметры информационного, социокультурного, политического пространства, модели управления везде разные. Есть зоны, где они соответствуют стандартам XXI в., есть – где и советская модернизация осуществлена была чисто формально.

Вопрос о модернизации – это еще и вопрос о целостности страны, потому что развития вспять не бывает, обновленный потенциал можно разрушить, но не благополучно вернуться от него к прошлому. Анализ тувинской ситуации В. Антипиным содержит неутешительный вывод: «Им не нужен ни двадцать первый век, ни даже восемнадцатый, они хотят вечного безвременья. Такая социальная позиция достойна романтического уважения, но она неизбежно превращает регион либо в экономическую дыру, либо в колонию и углубляет межрегиональные противоречия» [8]. Москва никогда не станет такой, какая сегодня Тува; либо Тува изменится, либо эти территории останутся объединенными лишь политически, совершенно разными в плане экономической и социальной организации, и всякие попытки поддерживать их общность окажутся симулякрами. Конечно, в самой этой ситуации еще нет ничего, кроме вызова. В принципе неоднородность свойственна территориям многих государств. Однако, как минимум, это будет означать необходимость довольно кардинального пересмотра целого ряда аспектов политики федеральной власти.

Самой распространенной и важнейшей ошибкой в трактовках российской модернизации нам представляется утверждение ее экзогенного характера [9]. Представлять, будто, поскольку ни элиты, ни массы не осознают потребности в обновлении, оно обусловлено лишь стремлением «не отставать» от Запада, абсурдно. Сторонники перемен нигде и никогда не составляли большинства, и это совершенно естественно. Люди приспосабливаются к реальным условиям, и стремление эти условия сохранить становится для них затем важным компонентом стратегий выживания. Но общество в целом без перемен жить не может уже потому, что его-то среда обитания меняется, хотя бы в силу роста населения и реструктуризации природных ресурсов.

Полагать, будто возможно общество, в котором к какому-то моменту сам собой созреет в массах населения проработанный, сбалансированный проект модернизации, наивно. Поэтому, вообще говоря, стран, для которых была бы характерной экзогенная модернизация, просто не может быть.

Чисто логически очевидна нежизнеспособность обществ, основанных на попытке выстроить сквозную демократическую систему. Такая система неизбежно будет выводить на поверхность всю совокупность противоречий, порожденных естественными структурными различиями, а решаться они будут либо через конфликты, либо за счет общества как целого. Вряд ли можно представить себе прогресс, постоянно, в каждый конкретный момент, удовлетворяющий все ожидания всех социальных групп. В связи с этим реальным достижением политического развития является не демократия, изобретенная весьма давно, а конституция. Управленческий процесс должен не тонуть в бесконечных согласованиях, а быть четко разграничен на зоны ответственности, в каждой из которых решения вполне авторитарно принимаются заранее определенными субъектами.

Просвещенный абсолютизм, вопреки становящимся модными мнениям, ни-

какой модернизации не осуществлял [10]. Инновации могут, конечно, быть внедрены и принудительно, но при этом эффект их окажется ограниченным, причем в принципе обратимым. По-настоящему существенными являются те изменения, которые кардинально меняют образ жизни, повседневное поведение, системы ценностей. В исторической перспективе мобилизационные экономики всегда терпели крах, а именно такого рода экономику выстраивает просвещенный абсолютизм. Подлинная модернизация как раз не может не быть демократической в том смысле, что ее механизм предполагает осознание большинством населения необходимости перехода к новым технологиям. Такое происходит не вследствие призывов власти, а когда разрушается традиционная система.

Между тем программа модернизации – единственное, что могло бы стать платформой для консолидации большинства участников политического процесса, поскольку предполагает снятие существующих противоречий на основе кардинальной реконструкции общества. Действующие субъекты политики, пытаясь следовать априорным идеологическим установкам, утрачивают перспективу диалога. В то же время политические дискурсы дистанцируются от населения, утрачивая непосредственную связь с его интересами. Политическое пространство приобретает конфигурацию, в которой оно все в меньшей степени предоставляет возможности для диалога, мобилизации. Если деполитизацию общества можно оценивать различным образом, в данном процессе присутствуют как негативные, так и позитивные моменты, то происходящее при этом увеличение дистанции власти однозначно негативно. Жизненно важен поиск реальных форм гражданского участия, развития самоуправленческой активности населения. Разумеется, как справедливо отмечал в свое время Б.Н. Чичерин, участие граждан в политической жизни предполагает формирование политической культуры, электоральные процессы здесь не первичны. Тем не менее определенные шаги могут быть предприняты и в этой области, и связаны они прежде всего с последовательным и полным отказом от любых компонентов мажоритарной системы.

Библиографический список

1. *Зюганов Г.А.* Наша программа определила повестку дня этих выборов! Заявление Председателя ЦК КПРФ // Официальный сайт КПРФ | KPRF.RU. Пресс-служба ЦК КПРФ. 2012-03-05 15:43. URL: http://kprf.ru/rus_soc/103714.html
2. Программа партии // Официальный сайт КПРФ. URL: <http://kprf.ru/party/program/>
3. Михаил Прохоров: настоящее будущее // Михаил Прохоров. Кандидат в президенты Российской Федерации 2012: [Официальный сайт]. URL: <http://mdp2012.ru/storage/b/2012/01/20/program.pdf>
4. *Кособокова Т.* Прохоров написал президентскую программу для среднего класса // РБК daily. 20 янв. 2012. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/01/20/focus/562949982568466/print/>
5. *Проханов А.* Священные камни Империи // Портал сетевой войны. Россия-3. Новости сети. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/11/934/11.html>
6. Л. Радзиховский в программе «Особое мнение» радио «Эхо Москвы». 23.12.2011 19:08. URL: <http://cdn.echo.msk.ru/snd/2011-12-23-osoboe-1908.mp3>
7. *Яковлев Л.С.* Логика интеграции сетевых идеологий в политическое пространство России // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 59–65.
8. *Антипин В.* Внутренняя Африка // Русский репортер. 2011. 26 мая.
9. *Межуев В.М.* Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1.
10. *Pincus Steven C. A.* 1688: The First Modern Revolution. Yale University Press, 2009.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

K.S. Mokin

**The Transformation of Ethnic
Identity as an Instrument
of Regional Ethnic and Political
Space Stabilization**

The role of ethnic identity in a regional control system of the national and cultural relations is analyzed. On the basis of empirical research the conclusion about the importance of system of mutual social expectations between the accepting population and ethnic migratory communities is drawn.

Key words and word-combinations: identity, ethnic migratory communities, integration, xenophobia, national and cultural policy.

Анализируется роль этнической идентичности в региональной системе управления национально-культурными отношениями. На основе эмпирического исследования делается вывод о значимости системы взаимных социальных ожиданий между принимающим населением и этническими миграционными сообществами.

Ключевые слова и словосочетания: идентичность, этнические миграционные сообщества, интеграция, ксенофобия, национально-культурная политика.

УДК 323.1:316.32(470.44)

ББК 66.094+60.52(235.54)

К.С. Мокин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА*

Саратовская область является одним из ключевых элементов миграционного коридора «Восток – Запад». Через регион, только из республик Средней Азии, стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, в год проезжает более 260 тысяч инокультурных мигрантов. Большинство мигрантов следуют транзитом в центральные части России, однако свыше 15 тысяч человек ежегодно «оседает» в регионе [1].

Одной из существенных проблем, обусловленной притоком инокультурных мигран-

* Èñíèááíáíèá àùííèíáíí á ðáíèáð áðáíðà Ðíñíèèèíèíáí
áóíáíèðàðííáí íáó÷ííáí òííáà 12-33-01026 àí
«Äáíðèááðèíííúé áíáèèç ðáèòíðíá ýòíííðèáèííé
íáíðýæáíííñðè»

тов в Саратовскую область, становится нарастание этнофобий и ксенофобий. Хотя этот процесс фиксируется повсеместно и не только в России, особую озабоченность вызывают два обстоятельства: динамика и избирательность фобий местных жителей по отношению к определенным этническим группам [2].

Причины данного явления достаточно изучены: по результатам многочисленных исследований, негативное отношение к мигрантам, и особенно к иноэтничным иммигрантам, связывают с ростом преступности, распространением наркотиков, конкуренцией на рынках труда и жилья, осложнением санитарно-эпидемиологической обстановки, криминализацией бизнеса, нежеланием считаться с традициями и обычаями, бытующими среди жителей области [3, с. 200]. С одной стороны, этнофобии и ксенофобии, как и все фобии, являются производными от страха утраты ресурсов, с другой – выступают следствием опасений утраты собственной идентичности.

В целях анализа текущей этносоциальной ситуации в ноябре – декабре 2012 г. было проведено этносоциологическое исследование в 13 районах Саратовской области, направленное на изучение факторов, влияющих на трансформацию идентичности как мигрантов, так и принимающего населения. Выборка квотная, многоступенчатая, репрезентативная по полу, возрасту, уровню образования и занятости. Для расчета выборки использовались данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Объем выборки – 3800 человек. Погрешность исследования не превышает 3%.

На наш взгляд, именно ценностно-мотивационные, деятельностные установки лежат в основе конфигурирования системы социальных (в том числе и этнических) отношений.

Этнокультурная самоидентификация индивидов – одна из важнейших характеристик человека, определяющих для него многие ориентиры в современном мире. У людей чувство общности так долго ассоциировалось с родным языком, культурой, национальными корнями, историей рода, что теперь очень сложно приспособить эту унаследованную идентичность к новым реалиям современной жизни, когда под прессом миграции меняется (иногда достаточно стремительно) структура населения не только отдельных городов, но и районов, регионов и уходит в прошлое привычная национально-культурная однородность.

Возникающее новое региональное сообщество объединяет множество людей с разными этническими корнями и происхождением. Космополитизм, присущий большинству крупных городов (с их атомированностью социальной жизни, скоротечностью контактов, анонимностью отношений) продолжает развиваться. Крупные города по-прежнему остаются «культурным триггером», вырабатывающим общегородскую культурную идентичность [4, с. 45–48]. Однако малые города, муниципальные поселения, поселки городского типа и села с незначительной численностью населения и высокой индивидуализацией / персонализацией социальных контактов, яркой имущественно-территориальной дифференциацией до сих пор не способны выработать формулу толерантности, ориентированную на интегрирование новых этнических миграционных сообществ – носителей непривычных для местного населения инокультурных ценностей. Именно малые города, муниципальные поселения превращаются в со-

временной России, с одной стороны, в арену формирования новой национально-культурной политики, направленной на развитие общегражданской национальной идентичности, а с другой стороны – в площадку, где социальные этнические границы не просто реифицируются, но и становятся более чем реальными в бизнесе (в сферах занятости, формируя «расколотый рынок»), доступе к власти, социальным и образовательным ресурсам.

Таким образом, обратной стороной современной национально-культурной политики большей части регионов России стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения «привычной картины мира» и устоявшейся системы социальных ориентиров. Новое национально-культурное разнообразие, неосвоенное и не трансформированное в социальный капитал, становится опорой деструктивных процессов, почвой для социальных, межэтнических конфликтов. Волна этнокультурного самовыражения еще недавних мигрантов вызывает острую реакцию у большинства местных жителей, замешанную на обидах и многочисленных фобиях.

Необходимо признать, что расширение культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов в первую очередь) стало одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество. Большинство населения, по результатам проведенного исследования, оказалось не в состоянии проявить толерантность и принять в свое сообщество новых членов – носителей иных культурных ценностей, заведомо находящихся на более низкой социальной ступени, предоставить им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности.

При этом ключевым элементом, на который ориентируется государственная региональная национально-культурная политика, становятся общины диаспор, зарегистрированные как национально-культурные организации, объединения. Будучи контрагентами региональной власти в сфере реализации национально-культурной политики, диаспоры воспринимаются как конечные пункты социального, политического и экономического воздействия, вместо того чтобы рассматривать диаспору как общественную модель, создающую идентичность, которая может предложить некие коллективные ориентиры и создать общественные институты. Это вытекает из известного тезиса о том, что стиль диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов отношений – диаспоры, принимающей страны и страны исхода [5, с. 207–236]. Поскольку внутри принимающего общества социальная группа, принадлежащая к диаспоре, является всегда инородным телом, дальнейшее рассуждение должно идти об отдельных отличительных факторах, характерных для данной группы и отграничивающих ее от общества в целом.

Ключевым аспектом, требующим обязательного учета в анализе динамического процесса взаимодействия диаспоры со странами исхода и приема, выступает идентичность. Идентичность в чужой стране (стране приема) представляет собой процесс категоризации и оценки, который касается не только членов диаспоры, но и обществ исхода и проживания. Управление идентичностью в

диаспоре означает способность усиливать, скрывать или манипулировать собственными этносоциальными и этнополитическими признаками, чтобы создавать определенные впечатления, настроения и действия, создающие преимущества группе или минимизирующие вред в ходе ее взаимодействия с другими группами. Другими словами, управление идентичностью направлено на то, чтобы защитить свои интересы и свой собственный стиль жизни. В рамках диаспоры этот вопрос носит особенно сложный характер, поскольку стиль жизни и видение собственной группы постоянно находятся под вопросом.

Современные национальные государства, в том числе и Россия, представляют собой гетерогенные государства и сложные общества, которые расслоены статусно, мировоззренчески и этнически. Возникшие в связи с этим фрагментация мировоззрения и мультиэтническая дифференциация приводят к ситуации, для которой характерно критическое рассмотрение (и сомнения в оценке) собственной идентичности, что вызывает страх декультурации. Положение диаспоры затруднительно еще и потому, что ее члены из страха диффузии идентичности и «культурного онемения» вынуждены развивать свою собственную идентичность (идентичность диаспоры). В этом случае диаспора, по нашему мнению, организуется и сохраняется как защитное объединение. Тогда реактивируется коллективная память, и собственная история противопоставляется истории принимающего общества. Большинство отечественных и западных исследователей сходятся во мнении, что существование пространства диаспоры серьезно осложняет проблемы как принимающего сообщества, так и общества исхода [6; 7].

При этом местные жители не чувствуют потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывают дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, нарушающими их представления о «цивилизованных» нормах общения. Старожилы локальных сообществ воспринимают расширение культурного многообразия, как разрушение привычной картины мира, как внешние насилие и угрозу. В этих условиях возникает, скорее, потребность в самозащите, а не желание принять и защитить «иных».

Подобную реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты (особенно из числа прибывших из небольших поселений республик Средней Азии), пополняющие ряды общин диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с ее разнообразием, раскованностью, зачастую циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они просто шокированы состоянием «цивилизации», в которую планировали интегрироваться и с которой связывали будущее своих детей. У них свои взгляды и другие нормы, и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и использует массу культурных аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее.

Сложность ситуации определяется тем, что, по результатам собственных длительных исследований, существует устойчивая связь между разрывом социально-культурных и социально-экономических ожиданий этнических иммиграционных сообществ в отношении принимающей территории (местного населения, условий работы, интеграции в местное экономическое пространство

и т.д.) и результирующими социальными практиками местного населения в отношении инокультурных мигрантов. Существует также разрыв между ожиданиями местного населения по отношению к прибывающим мигрантам и социальным поведением (социальными практиками) инокультурных мигрантов. Уровень / структура разрыва между ожиданиями и фактической оценкой ситуации «здесь – и – сейчас», по сути, и является определяющим аспектом эффективности национально-культурной политики как на местном, так и на региональном уровнях.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование полностью подтверждает тезис, что существует устойчивая корреляция между уровнем / формами конфликтной активности (окрашенной в этнические тона) населения конкретной территории и уровнем / структурой относительной этнокультурной депривации населения данного региона.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе необходим глубокий социологический анализ факторов и условий, влияющих на формирование депривационного разрыва в системе этнокультурных отношений между принимающим населением и этническими миграционными сообществами, что, в свою очередь, воздействует на рост этносоциальной напряженности и ксенофобии, с одной стороны, и требованиями «особого» отношения – с другой.

Следует исходить из понимания, что ксенофобия – «естественная» реакция модернизирующегося общества на ослабление и / или ломку прежних этнотерриториальных, социальных и конфессиональных барьеров, разрушение аскриптивных границ, интенсивные процессы социальной мобильности и перемещения населения, усиление социальной и культурной дифференциации [8]. По сути, ксенофобия – это реакция жителей на воображаемые или реальные угрозы в ситуации, когда у них, по их мнению, ограничены ресурсы выживания или ограничены возможности сохранения своих позиций либо интересов.

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности рассматриваются объективированные и необъективированные притязания как принимающего населения, так и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обуславливает формирование претензионной депривации и, по нашему мнению, определяет характер этносоциальной напряженности.

Реализация данного подхода в системе регионального управления этносоциальными и этнополитическими процессами способна существенно повысить его эффективность, гибкость и оперативность. Декомпозиция «окна возможностей», формируемых принимающим населением в отношении мигрантов по социальной, культурной, экономической, политической плоскостям, и соответственно, встречная декомпозиция «окна желаний», формируемых инокультурными мигрантами, позволяет очертить как спектр возможных взаимных стратегий по (взаимной) интеграции, так и выявить с достаточной степенью досто-

верности проблемные точки взаимодействия, в которых происходит аккумуляция этносоциальной напряженности.

Так, исследование показало, что реальный уровень толерантности местного населения является невысоким. Местные жители (родившиеся в области или прожившие в регионе более 25 лет) в подавляющем большинстве своем сводят «возможности проявления» иммигрантов исключительно в сфере обслуживания, в области применения низкоквалифицированной рабочей силы, с минимальным уровнем оплаты труда и без права участия в социальной, культурной, политической жизни местных сообществ.

Иммигранты же, прибывая в регион, ожидают уважительного отношения к себе, как к равным партнерам, приемлемых условий труда и быта, возможности реализации своих культурных потребностей, пользования социальными лифтами (особенно это важно для тех, кто планирует остаться жить в России на длительный срок или на ПМЖ). Однако, начиная с пересечения границы, они испытывают на себе значительный законодательный, социальный и культурный пресс, что приводит к росту фрустрации, а в ряде случаев – к конфликтам с принимающей стороной.

Таким образом, можно сделать вывод, что совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения позволяет оценить потенциальные «болевы точки» как коллекторы этносоциальной напряженности. При этом одним из ключевых показателей станет «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности / [само]идентификации не как статичного объекта, а как процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ этнокультурной идентичности индивидов, как и [ре]конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества, в современных условиях неизбежно. Сегодня важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой адаптировались и интегрировались не только бы инокультурные иммигранты, но и местные жители были бы готовы к необратимому процессу расширения культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы этого процесса. В систему регионального управления национально-культурной политикой необходимо привнесение понимания, что интеграция – это двустороннее шоссе, что без активного участия населения Саратовская область не станет иммиграционно привлекательным регионом, что обратный процесс вкупе с серьезными демографическими рисками включает риски и репутационные.

Библиографический список

1. Данные УФМС России по Саратовской области. URL: www.ufms-saratov.ru/press
2. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Факторы восходящей социальной мобильности представителей мигрантских этнических меньшинств в российских локальных социумах. М., 2006.
3. Мокин К.С. Саратовская область: местное население VS иммигранты // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В. Степанова, В. Тишкова. М., 2008.
4. Вендина О.И. Культурное многообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Институт Кенана; под ред. Ж.А. Зайнчиковской. М., 2009.

5. Тишков В. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3(12).
6. Доклад о развитии человека. 2009 // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ. М., 2009.
7. Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries / Central European University. Odessa, 2010.
8. Мокин К.С., Барышина Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.

O.Yu. Tarskaya, K.P. Afrikantov
Socio-Economic Consequences
of the Regional Population Ethnic
Composition Changes through
Migration (by the Example
of the Saratov Region)

Changes of the ethnic composition of the Saratov Region population in the years 2002–2011 are considered. The role of ethnic migration in the changes is revealed. The migratory situation in the Saratov Region and its peculiarities, prospects and consequences are analyzed.

Key words and word-combinations: migration, demographic situation, ethnic migration, social changes.

Рассматриваются изменения в этническом составе населения Саратовской области за 2002–2011 гг. Выявляется роль этнической миграции в данных изменениях. Анализируется миграционная ситуация в Саратовской области, ее особенности, перспективы развития и последствия.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, демографическая ситуация, этническая миграция, социальные изменения.

УДК 316.34 (470.44)
ББК 60.54 (235.54)

О.Ю. Тарская,
К.П. Африкантов

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
В РЕЗУЛЬТАТЕ МИГРАЦИИ
(на примере Саратовской
области)**

На современном этапе мирового развития миграция стала одной из наиболее актуальных по важности и остроте проблем, поскольку является в числе других значимой причиной перемен, происходящих сегодня в глобальном пространстве. Размах и интенсивность миграционных процессов в мире и значимость социальных изменений, которые в результате их действия привносятся в экономическую, политическую и социокультурную сферы общественной жизни – все это предопределяет повышенный интерес к теме миграции в современной науке.

Саратовская область находится на своеобразном «перекрестке» транспортных коммуникаций – воздушных и речных путей, железных и автомобильных дорог, соединя-

ющих центральные субъекты России с государствами Средней Азии и Закавказья. Вследствие своего экономико-географического местоположения регион регулярно испытывает трудности, связанные с миграцией, в числе которых необходимо отметить и увеличение потоков нерегулируемой и нелегальной трудовой миграции, что связано с недостаточным контролем за государственной границей и будоражащими общество изменениями, происходящими в этнодемографической структуре населения региона.

Процесс трансформации этнической структуры населения следует рассматривать, на наш взгляд, в контексте определения, данного ему Н.М. Теваняном, как изменение этнической структуры населения на определенной территории в результате миграционного перемещения на нее лиц другой национальности [1, с. 5].

Сегодня в пределах Саратовской области проживают представители более чем 130 национальностей. К числу наиболее многочисленных среди них относятся русские – 87,6%, казахи – 3,1%, татары – 2,2%. Из других национальностей, доля которых в общем населении не превышает 2%, следует выделить украинцев (1,7%), армян (1%), азербайджанцев (0,6%), чувашей (0,5%). Из группы 10 национальностей, численность представителей которых в регионе превышала 10 тыс. человек, по результатам переписи 2010 г. вышли немцы (7,6 тыс. человек) и белорусы (8,5 тыс. человек) [2]. По отношению к итогам переписи населения 2002 г. отмечается увеличение доли в общей численности населения русских, казахов и армян, а также снижение доли украинцев, чувашей, мордвы [3]. При этом представленные данные не являются точными в силу методики подсчета, поскольку отражают только количественный состав постоянного населения, не учитывая при этом нелегальных мигрантов.

Внешние миграционные потоки в области складываются из миграции населения между регионами России и зарубежными странами, куда включаются страны СНГ и ближнего зарубежья. Эти потоки носят разнонаправленный характер. В миграционном обмене с другими регионами России Саратовская область выступает в качестве донора: миграционная убыль за 9 месяцев 2012 г. составила 2259 человек [4]. Миграционный прирост был зафиксирован только с территории зарубежных стран (3893 человек). Наибольшее количество мигрантов прибыло из Казахстана (25,8%), Узбекистана (23,1%), Армении (14,7%) Азербайджана (10,2%), Киргизии (8,5%), Украины (6,1%), Таджикистана (5,5%) [5].

Саратовская область обладает значительной привлекательностью для мигрантов в силу наличия большого производственного потенциала, достаточно развитой инфраструктуры, относительной политической стабильности и благоприятного климата. Притягательность региона определяется также не в последнюю очередь отсутствием действенной конкуренции в отдельных сферах на рынке труда, состоянием текущей социально-экономической ситуации в регионе, что способствует развитию отраслей экономики, представляющих для мигрантов возможность получения достаточно стабильного дохода. К таким отраслям прежде всего необходимо отнести строительство, сельское хозяйство и коммерцию.

Как и любые значимые социальные явления, миграционные процессы, активно происходящие в настоящее время, имеют неоднозначные последствия для всей социально-экономической сферы региона.

Сегодня миграция постепенно становится одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на структуру рынка труда региона. Современная демографическая ситуация в области объективно способствует дополнительному привлечению трудовых ресурсов извне для поддержания развития региональной экономики. Население региона по-прежнему ежегодно сокращается, и, по данным за девять месяцев 2012 г., число умерших в 1,3 раза превысило число родившихся [3]. Быстро компенсировать дефицит рабочей силы можно исключительно за счет мигрантов.

Негативным последствием активного привлечения иноэтничных мигрантов является формирование на территории региона системы особой этносоциальной стратификации, негласно закрепляющей отдельные сферы экономики за представителями определенных национальностей. Например, в сфере торговли и общепита трудятся главным образом азербайджанцы и армяне, в строительстве – таджики, в сельском хозяйстве – узбеки. Из государств так называемого дальнего зарубежья на территории региона находятся граждане Вьетнама, Турции, Китая, которые заняты в сферах производства продуктов питания, строительства, транспортных перевозок. Таким образом, самая многочисленная категория мигрантов – мигранты из ближнего зарубежья – нашла на рынке труда свою нишу чернорабочих с низкооплачиваемыми специальностями, не требующими особых знаний и квалификации и не пользующимися спросом у коренного населения области. С точки зрения Е.В. Тюрюкановой, тем самым мигранты выполняют важную функцию, поскольку для местных жителей заполнение подобных вакансий, неминуемо означает «деквалификацию, снижение социального статуса и, в конце концов, профессиональную деградацию» [6, с. 289]. Одновременно концентрация мигрантов в отдельных областях экономики (розничная торговля, строительство и ремонт, общественное питание) приводит к монополизации этих сфер, усложняет доступ на рынки местных мелких производителей. Оформление «мигрантских» ниш занятости особенно отмечается в крупных промышленных центрах (Саратов, Балаково) и приграничных территориях области.

Важным последствием миграции в сфере трудовых отношений становится установление демпинговых расценок на труд, что приводит к выдавливанию коренного населения из отдельных сфер экономики, поскольку обесценивает труд местных жителей. Можно говорить о формировании на территории региона слоя предпринимателей, ориентирующихся в своем бизнесе на использование иностранной рабочей силы (не пренебрегая даже нелегалами) в силу меньшего объема необходимых затрат. Подобному выбору способствуют и такие трудовые качества мигрантов, как мобильность и работоспособность, что в совокупности с характерным этническим единством, выступающим как средство выживания в окружающем иноязычном обществе, зачастую являются причиной высокой конкурентоспособности мигрантов по сравнению с коренным населением региона.

В то же время, несмотря на то что дешевый труд мигрантов стимулирует развитие отдельных видов бизнеса, он содействует определенной стагнации и сдерживанию модернизации, сохраняя экстенсивный тип развития производ-

ства [7, с. 672]. В ситуации, когда можно обойтись увеличением контингента работников-мигрантов для выполнения необходимой работы, работодателям оказывается невыгодно вкладывать средства в приобретение дорогого оборудования, отличающегося высокой эффективностью.

Этнические миграции оказывают влияние и на криминальную сферу, причем большинство исследователей объясняют этот факт не преступной специализацией и характеристиками отдельных этносов (хотя национальная культура и вносит свой вклад), а современными условиями жизни в регионе [8]. Это касается не только нелегальных мигрантов, по объективным причинам потенциально представляющих собой категорию лиц, условия жизни которых благоприятствуют развитию криминала, но и легальных этнических мигрантов, для которых трудовые отношения зачастую регулируются не столько нормативно-правовыми документами, сколько их культурными традициями. В целом, по официальным данным, число совершенных мигрантами преступлений не так велико и составляет всего 1,6% от общего числа всех совершенных в 2012 г. преступлений на территории области, однако данный показатель не снижается [9]. С учетом же официально признаваемых недочетов в работе правоохранительных органов с мигрантами можно утверждать, что в действительности это число все-таки выше.

Региональный бюджет несет значительные потери в результате занятости значительной части мигрантов в теневом секторе экономики. Официально в 2012 г. трудовые мигранты, работающие легально, принесли в областную казну 123 млн руб. в виде одного только налога на доходы физических лиц [10]. При этом они незначительно обременяют бюджет региона из-за отсутствия предоставляемых им значительных социальных гарантий. Так, затраты на оказание различной помощи мигрантам составили 15 млн руб. [10]. Однако эта статистика касается только официальных и легальных мигрантов, в то время как влияние нелегальных мигрантов на финансовые показатели не так позитивно. Последние способствуют развитию теневого сектора экономики, поскольку их работодатели получают выгоду в результате экономии материальных средств за счет невыплаты необходимых налогов, уменьшения фонда заработной платы. Так осуществляется переход «в тень» рынка товаров и услуг и сдерживается формирование цивилизованного рынка труда.

Компактное расселение мигрантов, отличающихся своей культурной и профессиональной самобытностью от местного населения, может стать причиной дестабилизации ситуации в области в результате возможного появления очагов социальной и межэтнической напряженности [11]. Этому может способствовать появившаяся в последние годы тенденция к тому, что многие проблемы на практике зачастую рассматриваются в контексте национально-этнических отношений [12].

Однако нельзя целиком и полностью возлагать всю ответственность на «плохих мигрантов» за возникновение негативных социальных явлений в жизни региона – в этом есть определенная доля вины и принимающего сообщества. Такие факторы, как дискриминация мигрантов со стороны коренного населения региона, нарушение их основных прав и свобод, негативное отношение в обществе к мигрантам, низкий уровень доверия мигрантов к институциональ-

ным каналам защиты, неотрегулированность проблем миграции, создают благоприятную базу для развития социальной эксклюзии и маргинальности. При этом права мигрантов нарушаются даже на предприятиях, находящихся в муниципальной собственности [13]. Все это в перспективе может привести к росту социальной напряженности. Пока же на протяжении нескольких лет подряд фиксируется настороженное отношение местного населения к иноэтничным мигрантам [14].

Ситуация, сложившаяся сегодня в социально-экономической сфере Саратовской области в результате миграции населения, не может быть определена как критическая и крайне сложная. Но при этом следует помнить, что этнический состав населения региона определяется не только уровнем рождаемости, смертности и миграции в прошлом, но и во многом сам определяет уровень рождаемости, смертности и миграции в будущем. Существуют прогнозы, утверждающие, что на фоне сокращения численности коренного населения региона значительно возрастет число мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии и, соответственно, численность диаспор этих народов, а принимая в расчет многодетность традиционной мусульманской семьи, в перспективе ожидается удвоение их численности в ближайшие 15–20 лет, что станет серьезной проблемой, предвидеть которую необходимо уже сегодня.

Последствия этнических миграций в политической сфере носят пока скрытый характер, находя выражение в серии происходящих на территории России конфликтов, где участниками выступают мигранты и местное население. Однако исследователи рассматривают возможность того, что в перспективе можно будет столкнуться с политическими последствиями миграции [15, с. 8–9]. Так, В.А. Динес и А.Н. Николаев считают, что на современном этапе для мигрантов приоритетной считается чисто экономическая задача – занять место в сферах, обеспечивающих быстрое получение прибыли. Пока мигранты не рассматривают возможностей активного вмешательства в легальную политическую жизнь в регионах путем образования собственных партий и не ставят амбициозных целей на политическом поприще.

На уровне субъектов Федерации мигранты используют такую форму политического участия, как отстаивание своих индивидуальных и групповых интересов в органах исполнительной власти, зачастую прибегая к коррупционным способам воздействия. Публичные формы политического представительства мигрантов выражаются в активизации деятельности национальных ассоциаций, объединений, землячеств по поддержке своей этнической группы. Несмотря на то что эти организации должны функционировать главным образом в культурно-просветительской области, часть из них уже воспринимаются как действенные центры политического влияния.

Дальнейший рост числа мигрантов повысит их роль в экономической области на территории отдельных регионов Российской Федерации, впоследствии можно ожидать их активизацию в сфере политики. В связи с этим органы власти в регионах должны направить политическую активность мигрантов в законные рамки публичной политики.

Масштабная миграция, формирование общин мигрантов, их замкнутое раз-

витие и функционирование приводят к росту ксенофобии и национализма среди сообщества принимающей территории, а также активизации ультраправых партий и организаций, требующих от коренного населения действий по защите своей национальной принадлежности. В связи с этим следует обратить особое внимание на процессы социальной и культурной адаптации мигрантов, призванные обеспечить максимальный уровень их интеграции в принимающее общество.

Российский исследователь процессов миграции А.О. Булатов полагает, что иммигрантов можно разделить на три основные группы [8, с. 15]:

1. Мигранты, имеющие целью построить карьеру и реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал. Эта категория характеризуется ярко выраженной вертикальной социальной мобильностью на принимающей территории. В относительных и в абсолютных показателях их доля в общем количестве мигрантов мала.

2. Трудовые мигранты, имеющие целью заработать больше, чем на родине. Они составляют подавляющее большинство в любой этнической диаспоре. Для этой категории характерна главным образом горизонтальная мобильность, что не исключает случаев проявления мобильности вертикальной.

3. Маргинальные мигранты, имеющие противозаконные намерения еще до прибытия в выбранную ими страну. В силу сложившихся тяжелых жизненных обстоятельств они выбирают на новой территории путь совершения преступлений или пополняют ряды социальных люмпенов.

Основная задача органов власти на принимающей территории заключается в создании необходимых условий для всяческого поощрения восходящей вертикальной мобильности мигрантов. Человеку, который успешно преодолел непростой процесс адаптации к новому окружению и смог воспользоваться сполна предоставленными возможностями для самореализации, есть что терять. Именно такие люди станут достойными членами принявшего их общества.

В большинстве субъектов РФ органы власти, столкнувшись с нарастанием потоков мигрантов из Средней Азии и Закавказья и возникающими в связи с этим проблемами, все больше внимания уделяют формированию толерантности как у приезжих, так и у местных жителей, развитию национального образования, поддержке родных языков и общественных этнокультурных организаций, национальных СМИ. Так, в Саратовской области накоплен значительный позитивный опыт проведения национальной политики, важным инструментом реализации которой стало осуществление региональных целевых программ. Так, действующая долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области на 2011–2013 годы» нацелена на системную работу по сохранению этнокультурного развития народов региона, на воспитание населения в духе толерантности и уважения к другим культурам, на стабильное и благополучное взаимодействие всех этносов, проживающих на территории области [17].

Особо следует отметить, что руководством муниципальных образований области хорошо осознается необходимость корреляции между этническими и миграционными процессами и не проводится искусственного разграничения

представителей этнических меньшинств на «своих» и «чужих». Органы власти активно контактируют с национальными меньшинствами.

Система расселения этносов, складывающаяся в настоящее время в регионе, в том числе под сильным влиянием миграционных потоков, характеризуется значительными по протяженности площадями их смешанного проживания. На этих территориях активных межнациональных взаимодействий проявляется действие двух противоречивых процессов. С одной стороны, там происходит ослабление и смягчение характеристик этнической принадлежности. С другой стороны, наблюдается повышенный интерес к сфере национальной идентичности, этническим чертам характера, характеризующимся повышенной эмоциональностью, что, в свою очередь, также влияет на межнациональные отношения.

В связи с этим для сохранения гармонии в межнациональных отношениях представляется крайне важным поддерживать всеми доступными средствами развитие процессов первого рода, нивелируя крайности организацией культурной деятельности национальных диаспор, формированием национально-культурных автономий и т.д. Так, большая часть крупных национальных диаспор в Саратовской области представлена их общественными организациями, основными целями функционирования которых являются максимально возможное выражение потребностей и запросов представляемых ими народов в оказании помощи в развитии национальной культуры и родного языка, сохранении уникальных традиций и самобытности, активное вовлечение этнических групп в социокультурное пространство региона. Всего, по данным Управления Министерства юстиции России, на территории Саратовской области по состоянию на 13 февраля 2013 г. зарегистрированы в качестве юридических лиц и осуществляют свою деятельность 14 национально-культурных автономий [18]. В последние годы наблюдается четко выраженная тенденция роста количества районных отделений региональных национальных общественных объединений в районах с компактным проживанием различных этнических групп населения. Только за период 2009–2011 гг. отделения и филиалы областных национально-культурных объединений были зарегистрированы в 11 муниципальных районах области [17].

Саратовская область показывает пример многонационального, поликонфессионального и миграционно привлекательного субъекта РФ, и общественно-политическая ситуация на ее территории до настоящего времени отличалась стабильностью и отсутствием конфликтов на межнациональной почве. История формирования благоприятного межнационального фона в регионе складывалась в условиях многовекового совместного проживания и взаимодействия представителей разных народов на территории области.

Трансграничное перемещение людей – это и неизбежный процесс в рамках происходящей глобализации, и экономическая необходимость как для всей России, так и для Саратовской области. Но, тем не менее, необходимо помнить, что последствиями миграции являются изменение структуры общества; возникновение социальных, экономических, политических и культурных проблем; дополнительная нагрузка на межнациональные отношения. Таким образом, миграцию следует обязательно принимать во внимание при разработке и осуществлении мер политики по развитию регионов и страны в целом. Необходим

комплексный подход со стороны властей всех уровней к решению многогранной и сложной проблемы при всестороннем учете интересов как собственных граждан, так и иммигрантов. При этом опыт государств, принимавших большие массы мигрантов в прошлом, свидетельствует о том, что успешная интеграция иммигрантов в принимающее общество возможна при условии, с одной стороны, признания ими правил поведения и социальных ценностей принявшей их стороны и, с другой стороны, наличия механизмов обеспечения законных прав иммигрантов и толерантного к ним отношения коренного населения.

Библиографический список

1. *Теванян Н.М.* Миграционный обмен между Закавказьем и Россией и его этнодемографические последствия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
2. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения-2010 по Саратовской области. Первый блок. URL: http://srtv.gks.ru/VPN/vpn/itogi_1bl.pdf
3. *Уставицкова С.В.* Изменение этнического состава населения области и толерантность студентов Саратовского госуниверситета // Известия Сарат. ун-та. Сер.: Науки о Земле. 2007. Т. 7, № 2. С. 19–25.
4. Официальный сайт Саратовстата: Демографическая ситуация. URL: <http://srtv.gks.ru/digital/region1/2007/%D0%9A%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BB.htm>
5. Саратовстат: За год в регионе зарегистрировано почти 60 тысяч мигрантов. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2012/12/18/saratovstat—za-god-v-regione-zaregistrirvano-pochti-60-tysyach-migrantov.html>
6. *Тюрюканова Е.В.* Управление трудовой миграцией: долгосрочные тенденции и оперативные решения // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции: сб. науч. статей / под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М., 2009. С. 284–293.
7. *Эргешбаев У.Ж.* Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2009. Вып. 4, ч. 1. С. 670–674.
8. *Маслов П.А.* Миграция как фактор социального риска: причины и последствия // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10. С. 104–108.
9. *Кравчина М.* Миграция под контролем // Сарат. областная газета. 2013. 24 янв., № 9 (3135). С. 3.
10. Соколова: Доходы казны от мигрантов составили 123 миллиона, а траты – 15. URL: <http://www.4vsar.ru/news/33150.html>
11. *Ведяйкин Д.В.* Община диаспоры как элемент этнополитической системы региона // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 149–154.
12. *Рустейко В.Б.* Функции национально-этнических отношений в российском обществе: потенциал социологического анализа // Вестник ПАГС. 2011. № 3. С. 57–61.
13. Общественники проверили общежитие мигрантов. URL: <http://news.sarbc.ru/main/2013/02/14/132662.html>
14. *Витковская Г.С.* Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 2: ПФО: мат-лы регион. семинара, 10–11 апр. 2003 г. Чебоксары / под ред. Ж. Зайончковской; Центр миграционных исследований; ИНИ РАН. М., 2004. С. 13–59.
15. *Динес В.А., Николаев Н.А.* Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации // Власть. 2010. № 12. С. 5–9.
16. *Булатов А.О.* Современные проблемы адаптации внутренних мигрантов – выходцев с Северного Кавказа // Кавказские научные записки. 2011. № 4 (9). С. 6–18.
17. О долгосрочной областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы (с изм. от 24 сент. 2012 г.) // СЗ Саратов. области. 2010. Окт., № 29; СЗ Саратов. области. 2012. Сент., № 35.
18. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях в Саратовской области. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>

O.A. Litsenberger
The Interethnic Situation
in the Saratov Region
in Perception of Youth

The level of youth's ethnic phobias is assessed, and the analysis of the conflict-generating factor presence in the youth environment is carried out. Possible ways to increase the interethnic tolerance of contemporary youth are considered.

Key words and word-combinations: youth, interethnic relations, tolerance, interethnic tensions.

Оценивается уровень этнических фобий молодежи, дается анализ наличия конфликтогенного фактора в молодежной среде. Рассматриваются возможные пути повышения уровня межэтнической толерантности современной молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, межнациональные отношения, толерантность, межэтническая напряженность.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

О.А. Лиценбергер

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрение межнациональных проблем через призму восприятия молодежи представляет бесспорный интерес. Молодое поколение современной России, с одной стороны, является носителем социальной энергии, обладает значительным инновационным потенциалом. С другой стороны, в процессе взросления, обучения, вхождения во взрослую жизнь молодые люди выстраивают взаимоотношения с представителями других народов, культур и религий. Именно в этом возрастном периоде не только активно складывается этническое самосознание, но и происходит формирование этнических стереотипов, обобщенных и устойчивых образов этнических групп, регулирующих восприятие их представителей.

По оценкам аналитиков Центра изучения проблем ксенофобии и экстремизма, идеи национализма разного рода привлекают 51–53% населения современной России, в частности молодежь [1, с. 18]. Широкое распространение национализма в молодежной среде, в том числе радикального, – явление весьма характерное для современного российского общества. Согласно результатам новейших социологических исследований российская молодежь обладает низким иммунитетом к национализму, а откровенно националистические призывы и лозунги стали заметным атрибутом социального пространства [2, с. 22].

Изучению отношения молодежи г. Саратова к межнациональным проблемам было посвящено авторское исследование, проведенное в октябре – декабре 2012 г., некоторые результаты которого представлены далее. Пилотажное исследование было выполнено в Саратове методом самозаполнения опросных листов среди студентов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина в возрасте 17–30 лет. Всего опрошено 170 человек.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение, что на отношения между представителями отдельных национальностей в молодежной среде оказывает влияние уровень межэтнической конфликтности в городе и стране в целом. С одной стороны, учитывая относительную стабильность межэтнических отношений в Саратовской области на современном этапе, уровень межнациональной толерантности в молодежной среде в Саратове должен быть достаточно высоким. С другой стороны, Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии. С 2009 г. в Саратове и крупных районных центрах довольно часто можно увидеть молодых людей, танцующих лезгинку прямо на улицах под громкую музыку, доносящуюся из автомобилей [3, с. 235]. Реакция различных молодежных кругов, властей и общественности на «этнодансинг» неоднозначна. Лезгинка привлекла пристальное внимание различных средств массовой информации, обсуждение темы активно ведется на Интернет-сайтах, в молодежной среде и нередко воспринимается лишь как очередной повод для нагнетания мигрантофобии, вызывая межэтнические конфликты. Часто возрастная агрессивность, создающая питательную среду для конфликтов среди молодежи, трансформируется в столкновения на национальной почве, причины которых кроются также в неудовлетворенности жизнью и неустойчивости молодежи.

Первый вопрос, адресованный респондентам, звучал следующим образом: *«Как Вы считаете, существуют ли в Саратовской области межнациональные конфликты?»*. 18,2% опрошенных указали, что «массовые конфликты безусловно существуют». Большинство опрошенной молодежи, а именно 71,8%, считает, что «встречаются только отдельные конфликты между отдельными представителями разных национальностей». Следовательно, в молодежной среде широко распространено мнение о том, что наличие подобных конфликтов напрямую связано с культурными, религиозными и этническими различиями. Лишь 2,1% опрошенных ответили на поставленный вопрос отрицательно и указали, что «таких конфликтов не существует». Еще 7,9% респондентов затруднились с ответом.

Особого интереса заслуживают ответы на вопрос *«Сталкивались ли Вы сами с конфликтными ситуациями на национальной почве за последний год?»*. Так, почти 42,7% опрошенных выбрали вариант ответа «нет, я с такими ситуациями не сталкивался». Однако 17,7% респондентов отметили, что «с такими ситуациями сталкивались мои родные, близкие, знакомые». Еще 21,0% опрошенных ответили, что «были свидетелями, очевидцами таких ситуаций». 14,5% студентов указали на то, что «являлись участниками таких ситуаций». 4,1% опрошенных затруднились с ответом.

Многие респонденты в ходе проведения опроса проявляли озабоченность и упоминали о конкретных конфликтах, свидетелями или участниками которых

они стали. Подобные, пусть и немногочисленные, факты формируют отношение молодых россиян к межнациональным проблемам в целом. Полученные данные заставляют взглянуть на проблему не в упрощенных координатах «межнационального конфликта», а под иным углом – с точки зрения доминирующих социальных процессов, которые формируют молодежный радикализм и соответствующее отношение к власти и обществу в целом. Важно подчеркнуть, что разрастание молодежного радикализма особенно заметно в пограничных областях России – на фоне значительного увеличения на этих территориях миграционного населения, в том числе молодежи.

В целом данные, полученные в результате проведения опроса в Саратове, коррелируют с опросами крупнейших социологических центров. Так, в ходе опроса «Об отношении россиян к людям разных национальностей и о межнациональных отношениях», проведенного Фондом общественного мнения в июле 2012 г., наличие межнациональных конфликтов подтвердили 34% опрошенных, а каждый десятый респондент заявил, что сам подвергался дискриминации по национальному признаку [4].

С нашей точки зрения, представлялся интересным и следующий вопрос, предложенный нами респондентам: «*Межнациональная ситуация в Саратовской области спокойная, благополучная или напряженная, неблагополучная?*». Процент выбравших диаметрально противоположные ответы оказался примерно одинаков. Ответ «безусловно спокойная, благополучная» выбрали 39,2% опрошенных, а ответ «скорее спокойная, благополучная» – 6,7%, что свидетельствует о наличии значительного потенциала толерантности в российском обществе. Однако 39,0% студентов предпочли вариант ответа «скорее напряженная, неблагополучная», а 7,4% – «безусловно напряженная, неблагополучная». Еще 7,7% респондентов затруднились с ответом. Анализируя распределение ответов по возрасту респондентов, можно сделать вывод, что при ответе на данный вопрос вариант «ситуация скорее спокойная, благополучная» выбрали только молодые люди в возрасте 17–18 лет, не имеющие богатого социального опыта. Вариант ответа «безусловно напряженная, не благополучная» выбрали респонденты более старшего возраста.

Между тем неверие в стабильность межнациональной ситуации и отсутствие высокого уровня межнациональной терпимости, видимо, отражают состояние общественного сознания в молодежной среде. Безусловно, данное исследование не претендует на полноту выводов относительно системы ценностей и социальных ориентиров молодежи, однако заставляет обратить внимание на тот факт, что, судя по всему, в российском обществе давно назрел вопрос о необходимости создания продуманной системы воспитания толерантности в молодежной среде, в том числе в российских вузах. Полученные данные подтверждают мысль о том, что этнографическое просвещение и воспитание межэтнической и межрелигиозной терпимости, безусловно, задачи крайне важные в поликонфессиональном российском обществе.

В связи с этим задачи образования, рассматриваемые в контексте обозначенной темы, видятся в следующем: обеспечивать расширение сферы межкультурного взаимодействия, перейти на новый уровень развития общей культуры

молодежи, способствовать приобщению каждого этноса к российским достижениям, формировать установки толерантного поведения, проявляя непримиримость в отношении ксенофобии и расизма.

Один из путей формирования толерантного мировоззрения может быть связан с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин, внедрением в программу обучения инновационных курсов по государственному регулированию этноконфессиональных отношений, этнологии, межкультурной коммуникации, историческим и культурным основам мировых религий. Именно через образовательные программы, включающие изучение истории, этнографии, языков, культурологии, культурно-нравственных аспектов религии, этнопсихологических особенностей разных народов, происходит преодоление стереотипов, формирование иммунитета к ксенофобии.

В российской системе образования должна присутствовать идея глобальности мира, наполненного диалогом языков, культур разных народов. Следовательно, необходимо актуализировать проблемы гражданственности, патриотизма и толерантности в социально-гуманитарных дисциплинах. Именно эта прерогатива должна стать фундаментом образовательной политики в вузах.

Учитывая специфику молодежи, особенно студенчества, необходимо отметить, что возможность формирования негативного восприятия той или иной этнической общности или мнения об исключительности своей национальной группы опасна вдвойне, поскольку в дальнейшем носителем негативных, интолерантных установок в межэтнических отношениях может стать интеллектуальная элита общества. В связи с этим первостепенное значение имеет недопущение распространения радикальных экстремистских настроений среди молодежи, тем более что наличие экстремистских проявлений, межэтнических и религиозных конфликтов является дестабилизирующим фактором для поступательного социально-экономического и этнокультурного развития страны [5, с. 6]. Таким образом, результаты социологического исследования фиксируют наличие «конфликтного потенциала» в сознании молодежи и свидетельствуют о необходимости целенаправленных усилий по преодолению межэтнической разобщенности и этнофобий.

Библиографический список

1. Митрохина Т.Н., Самсонова Е.А. Социальная неустойчивость российской молодежи как основа агрессивных поведенческих реакций // Молодежный радикализм провинциального социума в условиях трансформирующегося общества: сб. науч. статей. Саратов, 2010.
2. Романов М., Степанов В. Беспорядки на Манежной площади в восприятии молодежи // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга, 2010 г. / под ред. В. Тишкова, В. Степанова. М., 2011.
3. Лиценбергер О.А. Вопросы регионального развития: восприятие властью этнокультурного и религиозного самовыражения // Вестник российской нации. 2011. № 4/5.
4. Фонд общественного мнения: [Официальный сайт]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10544>
5. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения // Сборник материалов по результатам социологического исследования. М., 2008.

Yu.A. Aleksandrova
Political Culture of Interaction
between Power and Society
in Russia in Conditions
of Postmodernity

The analysis of specifics of interaction between political power and society in modern Russia from the standpoint of post-modernist methodology is presented. Forms of political relations and degree of their manifestation are defined.

Key words and word-combinations: political power, civil society, forms of political relations, Postmodernity.

Представлен анализ специфики взаимодействия политической власти и общества в современной России с позиций постмодернистской методологии. Определены формы политических отношений и степень их проявления.

Ключевые слова и словосочетания: политическая власть, гражданское общество, форма политических отношений, постмодерн.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Ю.А. Александрова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

Одними из ключевых принципов развития политической и общественной систем в условиях постмодерна являются гетерогенность и вариативность, проявляющиеся в возможности выбора формы личностного поведения, сочетании различных ценностных приоритетов и идеологических конструктов, принятии управленческих решений в зависимости от сложившейся ситуации и комбинировании способов управленческого воздействия. В связи с этим политическая культура, понимаемая как отношения системы «власть — общество», в условиях постмодерна не может быть охарактеризована исключительно в рамках политического властвования, управления, менеджмента или сетевых отношений, поскольку на различных этапах формирования государственности она может включать в той или иной степени элементы практически всех видов взаимодействия.

Во взаимодействии политической власти и общества в России, по мнению многих ученых, доминирующее положение на протяжении 22 лет занимала политическая власть, определявшая не только основные нормы и правила взаимоотношений, но и степень допустимого участия институтов гражданского общества в политическом процессе. В настоящее время сформировались две позиции относительно степени соответствия деятельности органов государственной власти и общества постмодернистским основам. Сторонники первой, в том числе А.Г. Дугин, считают, что политическая власть в современной

России отличается большей восприимчивостью к постмодернистским новациям по сравнению с модернистским обществом. Приверженцы второй, М.Д. Прохоров, А.Л. Кудрин, В.С. Мартыанов, напротив, подчеркивают развитие общества в соответствии с постмодернистскими тенденциями, в то время как политическая власть сохраняет модернистский характер.

Между тем модернистские и постмодернистские принципы деятельности присущи как государству, так и обществу, хотя проявляются они в различной форме и с разной степенью интенсивности. Тем более что с изменением общественно-политической ситуации в стране с начала 1990-х годов (развитием конкурентной политической среды, увеличением форм общественной активности) появились предпосылки для поиска новой формы отношений политической власти и общества. При этом как в 1990-е, так и в 2000-е годы достаточно отчетливо прослеживались две тенденции: декларирование необходимости развития институтов гражданского общества и привлечения общественности к процессу принятия политических решений и контроля за их исполнением, с одной стороны, и увеличение роли государства в процессе организации диалога власти и общества, с другой стороны. В этом проявился симулятивный характер российской политической системы.

В частности, анализ посланий Президента РФ Федеральному Собранию на предмет определения позиции политической элиты по ключевым вопросам развития государства и общества, в том числе организации диалога между ними, выявил ориентацию на декларирование политической властью необходимости развития в России гражданского общества. Признается важность развития политических партий, профсоюзов, НКО, ассоциаций, благотворительных фондов, органов местного самоуправления, поддержания общественных инициатив и деятельности общественных объединений, а также межнационального и межконфессионального мира, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ.

Вместе с тем если в первых посланиях Б.Н. Ельцина данная позиция проявляется преимущественно в форме одной из целей деятельности, причем без указания конкретных механизмов ее достижения, то начиная с 1996 г. наряду с формулированием общего перспективного плана развития гражданского общества политической властью предлагаются меры его реализации: расширение возможностей общества в процессе контроля за деятельностью Вооруженных Сил (1996 г.), за избирательным процессом, а также проведение общественных консультаций при принятии политических решений (1999 г.).

Соответственно происходили изменения и в понимании роли общества в политической системе. Так, в посланиях Б.Н. Ельцина гражданское общество представлено как элемент политической системы, необходимый для укрепления демократических основ государства, а во властном дискурсе В.В. Путина иницируется становление гражданского общества полноценным партнером государства посредством формирования сильных соперников в лице конкурентоспособных политических партий для сильной власти, развития действительно независимых от финансово-промышленных групп СМИ, осуществления эффективной деятельности профсоюзов, развития сети общественных палат.

В посланиях Д.А. Медведева было отражено не только признание значительной роли гражданского общества в организации общественно-политических процессов, но и возможность непосредственного участия граждан в политическом процессе, в частности в рамках проекта «Россия без дураков». Кроме того, если в посланиях Б.Н. Ельцина и В.В. Путина акцент делался на коллективизме, необходимости сплочения и совместного преодоления проблем, то в дискурсе Д.А. Медведева нашла отражение постмодернистская ориентация граждан на индивидуализм и самостоятельность в решении многих вопросов и проблем.

Иными словами, если первые два президента допускали возможность участия граждан и общественных институтов в политическом процессе исключительно в форме обсуждения предлагаемых властью решений, то Д.А. Медведев инициировал расширение способов практического осуществления гражданского участия в общественно-политической жизни страны. Однако в Послании В.В. Путина 2012 г. акцент сделан на необходимости осуществления гражданского контроля за деятельностью политической власти, что можно рассматривать в качестве индикатора изменения представлений власти о значении гражданского общества в политической системе России: в начале 2000-х годов ему отводилась роль партнера государственных институтов, в 2012 г. – контролера.

Несмотря на признание необходимости и приоритетности развития гражданского общества во избежание «приобретения государственной властью деспотического, тоталитарного характера» [1] и даже последующее представление общества в качестве некоего «контролера» над государством, ключевая роль в процессе организации общественно-политических отношений, тем не менее, отводилась государству. Именно институты государственной власти как в 1990-е, так и в 2000-е годы формулировали и продолжают формулировать легальные и легитимные формы общественной активности.

Так, несмотря на то, что с начала 1990-х годов в обществе начали активно развиваться процессы общественной самоорганизации (стали создаваться многочисленные религиозные, экологические, профсоюзные, благотворительные, спортивные и другие общественные объединения и организации, в 1991 г. было зарегистрировано 4613 общественных объединений, в 1996 г. – 58 075) [2], в соответствии с Указом Президента РФ № 310 от 23 марта 1995 г. деятельность любого института гражданского общества могла быть приостановлена в случае нарушения прав человека и гражданина или совершения действий, направленных на возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а также пропаганды фашизма и экстремизма [3]. В 2002 г. был принят Закон «О противодействии экстремистской деятельности», в статье 9 которого также закреплено, что общественные организации и объединения могут быть ликвидированы в случае, если их деятельность признана экстремистской, в результате чего были нарушены права и свободы человека и гражданина, причинен «вред личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству» [4].

Однако помимо того что органы государственной власти регулируют основы функционирования институтов гражданского общества, их представители так-

же принимают непосредственное участие в процессе создания и организации деятельности общественных организаций. К примеру, некоторые институты гражданского общества либо были созданы по инициативе первых лиц государства (Общественная палата в 2005 г., институт Уполномоченного по правам бизнесменов в 2012 г. – по предложению Президента В.В. Путина), либо в состав их руководства входят действующие или бывшие высшие государственные чиновники: председатель Российского исторического общества – Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей – бывший заместитель Председателя Правительства А.Н. Шохин, председатель Комитета гражданских инициатив – бывший министр экономики А.Л. Кудрин, председатель политической партии «Единая Россия» – Премьер-министр Д.А. Медведев. Деятельность всех политических партий также регламентировалась представителями политической власти посредством принятия Закона «О политических партиях» и поправок к нему.

Кроме того, упомянутая ранее инициатива развития системы общественного обсуждения законопроектов и предложения поправок, так же, как и организация проекта «Россия без дураков» в рамках создания Открытого правительства, была предложена Президентом Д.А. Медведевым. Рекомендации о создании Народного фронта, как и о разработке и принятии «Концепции формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тысяч граждан Российской Федерации в течение одного года» были озвучены Президентом В.В. Путиным.

В то же время существует практика создания и функционирования институтов гражданского общества и объединений граждан, деятельность которых ориентирована как на решение проблем и задач в конкретной сфере, так и на расширение возможностей участия их членов в управленческих процессах, более активное взаимодействие с представителями политической власти. Так, в 2010 г. были проведены акции протеста против телевизионного показа реалити-шоу «Дом-2» и сериала «Школа». Широкое распространение получила практика проведения флеш-мобов (к числу которых некоторые ученые, в частности В.В. Бурматов, причисляют акции «Pussy Riot»), в том числе политического характера. На выборах Президента РФ в 2012 г. была создана Лига избирателей и корпус наблюдателей из студентов юридического факультета МГУ. После завершения избирательной кампании, так же, как после выборов предыдущих годов, прошли массовые акции протеста.

По мнению Ю.Н. Дорожкина, приведенные примеры общественной активности в совокупности с другими формами проявления гражданских позиций можно рассматривать в качестве «импульсов к оживлению политического процесса и проведению политической модернизации в России», которые «сегодня задает не власть, а гражданское общество, причем не в организационно институционализированных формах, а через уличные требования и протесты» [5, с. 12–13].

В случае если та или иная форма общественной активности создается и развивается без явного участия представителей власти, то ее результаты не все-

гда совпадают с поставленными целями. Так, несмотря на общественный протест против телетрансляции «Дома-2» и сериала «Школа» оба проекта не были сняты с эфира (к примеру, с 15 по 21 октября 2012 г. «Дом-2» выходил в эфир 20 раз, общая продолжительность показа составила 22,5 часа). Флеш-мобы и акции протеста, проводившиеся в послевыборный период, носили несистемный характер и оказали незначительное влияние на политическую ситуацию в стране. Согласно данным опроса ВЦИОМ и «Эксперта», участниками уличных протестов 2011–2012 гг., являющихся для Ю.Н. Дорожкина индикатором «решающей роли» гражданского общества в политическом процессе, изначально были молодые люди, студенты (Москва, Болотная площадь, 10 декабря 2011 г.) и люди с высшим образованием (Москва, проспект Сахарова, 24 декабря 2011 г.), впоследствии – преимущественно представители маргинальных групп («ОккупайАбай», митинг на Баррикадной) [6].

При этом общественно-политическая активность россиян отличается несистемным характером возникновения общественного запроса на соблюдение и реализацию политических прав, а также участием граждан в большинстве случаев в единичных акциях и мероприятиях (например, в защиту Химкинского леса, против монетизации льгот, сноса домов в Южном Бутово в Москве и поселке «Речник» и т.д.). Хотя развивается деятельность и постоянно функционирующих общественных объединений и организаций. Как следствие, взаимодействие политической власти и общества в России «превращается в тушение «лесных пожаров», возникающих то там, то тут» [7, с. 12].

Принятие политических решений, в той или иной степени удовлетворяющих конкретные общественные запросы, в большинстве случаев происходит только в том случае, если обратное может спровоцировать массовые общественные протесты или беспорядки. В условиях отсутствия предпосылок для их возникновения доминирующей формой взаимоотношений власти и общества остается политическое управление, хотя в дискурсе В.В. Путина и Д.А. Медведева стали появляться элементы политического регулирования. При этом в обществе в 2000-х годах начал постепенно формироваться запрос на осуществление взаимоотношений с органами власти и должностными лицами посредством политического регулирования (как в практической, так и в дискурсивной форме).

Элементы властвования, менеджмента и сетевых отношений можно выделить в определенных областях деятельности (за исключением властвования, которое было характерно для первых этапов формирования государственности и не проявляется в современной российской политической системе). К примеру, методы политического менеджмента весьма эффективно используются политической властью в процессе проведения избирательных кампаний, а также при необходимости обеспечения общественной поддержки конкретного политического решения. Сетевые отношения в обществе проявляются при организации массовых мероприятий (флеш-мобов) и благотворительных акций, в сфере государственных отношений – во взаимодействии с различными странами в рамках международных организаций. Иными словами, сетевые отношения присутствуют как в пространстве об-

щественных, так и властных отношений, но не представлены во взаимоотношениях политической власти и общества. На принципах политического регулирования основана деятельность политических партий, являющихся одновременно и институтом гражданского общества, и структурным элементом системы органов государственной власти.

Таким образом, в политической культуре современной России можно выявить признаки практически всех форм общественных отношений, что служит подтверждением ее постмодернистского характера. Однако и в 1990-е, и в 2000-е годы взаимодействие политической власти и общества осуществлялось и продолжает осуществляться (с некоторыми отличиями, не оказывающими принципиального воздействия на общий характер взаимодействия) преимущественно в рамках политического управления.

Библиографический список

1. Об укреплении Российского государства: Послание Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ от 24 февр. 1994 г. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1994.htm>
2. Российская Федерация: от нового Закона «О свободе вероисповеданий» к новой Конституции 1990–1993 гг. URL: http://www.rusoir.ru/president/works/255/index.html#_ftn1
3. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 в ред. от 3 ноября 2004 г. // СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1127.
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 29 апр. 2008 г. // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
5. *Дорожкин Ю.Н.* Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. 2012. № 10.
6. *Фадеев В.А.* Исторически возвышенный постмодерн // Эксперт. 2012. № 2 (785).
7. Общество и граждане в 2008–2010 гг. / под ред. М. Липман, Н. Петрова // Рабочие материалы. 2010. № 3.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

I.S. Palgova

**Political and Legal Basis of Local
Government Activities
in the System of Regional Policy**

Features of political and legal bases for the activities of local government, and social and national grounds affecting the formation of local government as an institution of civil society are revealed.

Key words and word-combinations: local government, legal policy, political system modernization.

Выявляются особенности политико-правовых основ деятельности местного самоуправления и социально-национальные основания, влияющие на становление местного самоуправления как института гражданского общества.

Ключевые слова и словосочетания: местное самоуправление, правовая политика, модернизация политической системы.

УДК 352/353
ББК 66.3(0),124

И.С. Пальгова

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Современная система региональной политики находится в состоянии формирования. В рамках Конституции РФ и других законодательных актов заложены политико-правовые основы современного регионализма. Однако его развитие во многом сдерживается отсутствием должной взаимосвязи по линии *государство – регион – местные органы власти*. В этом плане заслуживает внимания опыт Европы, где в условиях конкуренции повышается роль регионов в принятии целого ряда решений. Согласно прогнозам Еврокомиссии был разработан специальный сценарий под названием «Сотни цветов», отражающий запросы современного гражданского общества. Ответом на вызовы Евросоюза могла бы стать разработка модели местного самоуправления применительно к современным реалиям России. Для решения данной задачи необходимо исследовать механизмы

политико-правовой деятельности на уровне субъектов Федерации и органов местного самоуправления.

Первоначально сущность местного самоуправления в современной России была определена в 1995 г. Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с ним устанавливалась новая форма отношений между центром и регионами. На место прежней системы *приказ – подчинение* пришли отношения правовой зависимости [1, с. 45].

Второй этап в становлении законодательства в области местного самоуправления был продиктован прежде всего политическими мотивами и связан с принятием в 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. Политическая составляющая данного закона состоит в ликвидации противоречий между правовыми нормами субъектов Федерации и Конституцией РФ, а также в создании условий обеспечения стабильности регионального развития, урегулирования отношений центра с регионами.

Политическая сущность органов местного самоуправления заключается в том, что они, по сути, соединяют государственную и региональную власть, позволяют более радикально формировать институциональную структуру гражданского общества. Учитывая многообразие подходов к определению сути местного самоуправления [3; 4], следует подчеркнуть, что по своей природе его органы выступают, с одной стороны, органами народовластия, а с другой – институтом гражданского общества. К сожалению, в законодательном отношении менее прописанными являются формы реализации местного самоуправления как института гражданского общества.

По данным исследований, в современной России не менее 70% работы местных органов занимает решение вопросов, связанных с осуществлением государственных функций в различных отраслях хозяйства [5, с. 32]. Это свидетельствует не только о взаимодействии государства и местных органов, но и об определенной зависимости институтов гражданского общества от государства. Соотношение, на наш взгляд, должно осуществляться на паритетных началах. В принципе законодательная база позволяет решить данную проблему.

Основные положения региональной политики в Российской Федерации рассматривают местное самоуправление в качестве дополнительного механизма в отношениях между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ [6]. При этом утверждается, что органы местного самоуправления должны быть самостоятельными, независимыми в организационном, финансовом и правовом отношении при реализации региональной политики, учитывающей потребности населения. Однако на практике такая самостоятельность устанавливается с трудом, и причиной тому выступают не только сложности переходного периода, но и несовершенство самих «положений региональной политики», утвержденных Указом Президента. Так, определение компетенции местного самоуправления, согласно данному документу, должно исходить из принципа дополнительности, предусматривающего возложение субъектом РФ и Российской Федерацией на органы местного самоуправления такого объема полномочий, которые они в состоянии испол-

нить. Следовательно, налицо противоречие, сковывающее деятельность органов местного самоуправления как самостоятельного сектора региональной политики, которое следует ликвидировать. С этой целью деятельность органов местного самоуправления необходимо планировать на основе запросов граждан, и сами органы местного самоуправления вправе определить круг вопросов, которые можно решить самостоятельно и которые следует передать для решения субъекту РФ или федеральному центру.

Необходимо иметь в виду, что правовое оформление региональной политики предусматривает не только создание федеральных законов, но и правотворчество, осуществляемое в регионах. Главное требование к региональным законам состоит в том, чтобы они не противоречили Конституции РФ. Местные власти должны признавать суверенную власть центра, а центр, в свою очередь, должен признавать легитимность правовых документов и определять круг полномочий местных властей. Принцип взаимности наиболее полно проявился в условиях кризиса, когда на федеральном уровне была принята Программа антикризисных мер, предусматривающая выделение 43,7 млрд рублей на региональные программы снижения напряженности на рынке труда [7, с. 6].

С учетом состояния регионального рынка местные органы власти определяли субсидии по поддержке предпринимателей малого и среднего бизнеса, малоимущих граждан. Одним из приоритетов региональной бюджетной политики стало обеспечение прав граждан на бесплатную медицинскую помощь. В приоритетном порядке оказывалась помощь центра регионам, обеспечивающим выполнение законодательства Российской Федерации. Таким образом, кризис обусловил неукоснительное соблюдение правовых предписаний, что во многом дисциплинировало власти на местах.

Для регионов с национальной спецификой стала традиционной разработка программ национально-культурного развития. В Саратовской области, учитывая ее этническое многообразие [8, с. 208], комплексное планирование национально-культурного развития начало осуществляться уже с 1998 г. Динамика программирования национально-культурного развития в Саратовской области демонстрирует совершенствование программных установок. Так, если в 1998–2001 гг. акцент делался преимущественно на сохранении и развитии культур народов области, то в 2003–2006 гг. повысилось внимание к роли общественных объединений, созданию институтов самоорганизации этнических групп в процессе формирования гражданского общества.

Программирование национально-культурных отношений дало толчок к развитию политической активности этносов, образованию национально-культурных автономий, созданию общественных организаций; сделало более интенсивной политическую жизнь в регионе. Уже в ходе выполнения программы 1998–2001 гг. в области было создано более 30 национальных объединений и культурных центров. Первыми стали объединение российских немцев и городская национально-культурная автономия татар [9, с. 3, 4].

Наряду с формированием правовой основы возрастает политическая значимость органов местного самоуправления. Будучи важным звеном гражданского общества, местное самоуправление оценивается по целому ряду критериев, поз-

воляющих судить о развитии важнейших механизмов взаимосвязи власти и народа. Среди них наиболее значимыми, на наш взгляд, являются следующие: интересы; осуществление властных полномочий; формирование политической идентичности; системы ценностей; управленческая деятельность; использование молодежного ресурса.

Так, политический интерес базируется в основном на трех взаимосвязанных идеях: качество жизни, возможность самоорганизации, нужды региона. Как политическая категория интерес предполагает опосредованное отношение человека к власти. При помощи интереса человек определяет пути достижения собственных целей, реализует свои потребности. Зарубежный опыт убедительно свидетельствует о том, что развитие демократии было связано прежде всего с интересами личности, социальных групп [10, с. 234]. С учетом многонационального состава Саратовской области выражение интересов сосредоточилось в национально-культурных объединениях.

Своеобразной формой выражения интересов граждан и отдельных социальных групп стала подготовка наказов депутатам во время выборов, а также встречи депутатов с населением, сельские сходы по решению наиболее значимых вопросов местного самоуправления, качества жизни населения. Согласование интересов не только позволяет видеть перспективу в их реализации, но и способствует укреплению отношений власти и общества. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований в Саратовской области. Например, свое доверие к местным органам власти высказали 21,1% граждан, и хотя эта цифра в принципе невелика, но в сравнении с отношением к другим властным структурам она выглядит более достойно. Так, согласно проведенному в 2002 г. исследованию Правительству России доверяют 18,2%, а Федеральному Собранию РФ – 9,7% [11, с. 118].

Одним из важнейших механизмов, стимулирующих единение власти и народа, является формирование политической идентичности. В начале 1990-х годов эта идея активно использовалась в качестве региональной самоидентификации. Наиболее яркой мифологемой того времени был лозунг: «Саратов – столица Поволжья». Не учитывая популистскую составляющую, можно отметить в данном лозунге желание подчеркнуть важную административную значимость и культурную роль Саратова [12, с. 159]. Следовательно, поиск критериев идентичности привел к отрицанию идеологического контекста и замене его «месторазвитием». Наилучшее толкование данному термину дал Г.В. Вернадский: под месторазвитием человеческих обществ он понимал «определенную географическую среду, которая наложит печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» [13, с. 21]. Для органов местного самоуправления идея месторазвития в современных условиях еще не стала руководством к действию, однако население в основном ее интуитивно положительно воспринимает, о чем свидетельствуют многочисленные социологические исследования [14].

Идея месторазвития может стать еще привлекательнее в сочетании с системой ценностей, принятой в определенном регионе. Социологические исследования показывают, что 6% россиян ставят на первое место в системе жизненных ценностей религию, 6% – лозунг «Россия для русских» и 8% – свободу

и демократию. Базовыми ценностями современных россиян выступают уровень жизни и ее качество, благосостояние, безопасность, здоровье, образование [15, с. 214]. Именно эти ценности, на наш взгляд, должны быть включены в планы и программы по развитию местного самоуправления.

Важным условием реализации региональной политики становится управленческая деятельность. Однако решение этой проблемы существенно сдерживает отсутствие кадров. Как отмечал в своей диссертации губернатор Саратовской области В.В. Радаев, трудно найти желающих работать на посту главы сельской администрации. Масштабы потребности в таких кадрах впечатляют. В современной России насчитывается более 24 тысяч муниципальных образований [16, с. 10].

Опыт Саратовской области демонстрирует творческий подход к выбору оптимальных форм управленческой работы. Наиболее плодотворным в политическом плане является диалог управленцев с населением. По результатам социологических опросов, 91% работников органов власти в Саратовской области убеждены, что местные власти должны вести диалог с населением, даже если сами граждане не инициируют разрешение своих насущных проблем [16, с. 18].

Вызывает много вопросов разрабатываемый Министерством труда РФ законопроект, согласно которому госслужащие ежегодно будут проходить аттестационную комиссию. При этом предполагается, что Россия может взять за основу одну из программ Евросоюза, направленную на стандартизацию работы всех госслужащих. В таком случае в российские государственные структуры могут быть направлены западные эксперты, которые в течение двух лет будут обучать чиновников непосредственно в министерствах и ведомствах [17, с. 2].

На наш взгляд, такая инновация является слишком дорогостоящей и не совсем соответствует менталитету россиян, особенно в области местного самоуправления. Для оценки деятельности чиновников в этой сфере достаточно других показателей, среди которых уровень жизни в регионе, оценка граждан и т.д. И совсем не обязательно, чтобы их оценивала подчас весьма сомнительная аттестационная комиссия. Такой подход, с нашей точки зрения, приведет к вымыванию из системы опытных кадров, а также затруднит пополнение властных структур молодежью. Более приемлемыми механизмами совершенствования кадрового потенциала госслужащих могли бы стать конкурсы, стажировки, обучение в специализированных учреждениях, социологические опросы населения о рейтингах чиновников, обмен опытом работы, в том числе и на международном, федеральном и региональном уровнях.

Современные исследования показывают, что инновационная управленческая деятельность не всегда адекватно воспринимается населением. Среди показателей, которые высоко оценивают граждане, оказались в основном демократические идеи (многопартийность, выборность органов власти, свобода слова и печати). Либеральные же ценности (свободная конкуренция, предельно низкая регулирующая роль государства, активизация механизмов рыночной экономики) не получили должной поддержки. Видимо, в управленческой деятельности следует учитывать традиционализм и этатизм общественного сознания [18, с. 171].

Таким образом, политико-правовые основы деятельности органов местного самоуправления заложены в Конституции РФ, Законе «Об общих принципах орга-

низации местного самоуправления в Российской Федерации» и других законодательных актах федерального уровня. Однако вопросы компетенции органов местного самоуправления остаются неурегулированными. Налицо противоречивость законодательной базы и роли органов местного самоуправления на практике. Вместо декларируемых самостоятельности и независимости они выступают своеобразным придатком государственной власти. В связи с этим представляется целесообразным утверждение паритетных начал в правотворчестве центра и регионов. Опыт Саратовской области показывает, что органы местного самоуправления активно используют такие механизмы, как формирование наказов избирателей, составление планов и программ национально-культурного развития, осуществление диалога власти с населением центров. Такой подход обеспечивает трансформацию органов местного самоуправления в подлинный институт гражданского общества.

Библиографический список

1. Местное самоуправление: теория и практика. М., 1997.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Рос. газ. 2003. 8 окт.
3. *Берг О.В., Сергеев А.А.* Федеральное законодательство о местном самоуправлении: научно-практический комментарий. М., 2002.
4. *Зарипов Ф.В.* Организационно-правовые вопросы формирования и развития местного самоуправления (на материале республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002.
5. *Казакова Л.С.* Правовые основы деятельности системы органов местного самоуправления, участвующих в реализации прав несовершеннолетних // Юридический мир. 2011. № 6.
6. Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2756.
7. Программа антикризисных мер // АИФ. 2009. 25–31 марта.
8. В Саратовской области насчитывается 111 этносов / Каткова М.А., Пишков А.М. Роль неформальных институтов в развитии Поволжского региона // Народы Саратовского Поволжья: история, этнография, современность. Саратов, 2006.
9. О культуре: Закон Сарат. обл. от 28 июля 2010 г. № 118-ЗСО. Саратов, 2005.
10. *Позовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И.* Политическая наука в США: История и современность. Ростов н/Д, 2003.
11. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000–2001 годы. М., 2002.
12. *Шестов Н.И.* О специфике политической регионалистики // Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья. Саратов, 1999.
13. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М., 1907.
14. *Медведев Р.* Смена элит в России // Вестн. аналитики. 2005. № 2 (20).
15. *Егоров С.С.* Всякую власть вручает народ // Парламентская газ. 2009. 5 июня.
16. *Радаев В.В.* Стратегия социального управления муниципальным образованием в транзитивном обществе: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.
17. *Ляднев А., Сивкова А.* Чиновники пройдут тест на соответствие своей должности // Известия. 2012. 14 сент.
18. *Зелетдинова Э.А.* Политическая культура и политические ценности жителей российской провинции // Всероссийский конкурс политологов, изменения в политике и политика изменений: стратегия, индикаторы, акторы. 20–22 ноября. 2009 г. Астрахань, 2009.

S.N. Yeliseeva
**Corruption in the Political
System of Russia: the Main Lines
of Anti-Corruption Policy**

Corruption is regarded as one of the challenges of public and social development. Various aspects of combating this phenomenon are covered. Conclusions about the effectiveness of anti-corruption policy are made.

Key words and word-combinations: corruption, social phenomenon, civil society, anti-corruption activity.

Коррупция рассматривается в качестве одного из вызовов государственному и общественному развитию. Освещаются различные аспекты противодействия данному явлению. Делаются выводы об эффективности антикоррупционной политики.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, социальное явление, гражданское общество, антикоррупционная деятельность.

УДК 354:342.5
ББК 66.3(0), 123

С.Н. Елисеева

КОРРУПЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время коррупция в России представляет собой большую социальную угрозу и является одним из негативных факторов, препятствующих эффективному развитию государства.

Коррупция выступает серьезным вызовом человеческому развитию. Это проявляется в том, что коррупция не только подвергает риску суверенитет и безопасность государства, но и подрывает сами устои человеческой цивилизации, нарушает нормальное развитие всех сфер жизни граждан, снижает уровень их нравственности и материального благосостояния, а также усугубляет один из самых опасных как для нормальной человеческой жизни, так и для ведения бизнеса кризисов – кризис доверия.

В современной научной литературе представлены два основных подхода к определению понятия коррупции. В узком (собственно юридическом) смысле коррупция рассматривается как совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве Российской Федерации и отличающихся таким важным квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. Среди существующих определений коррупции наиболее лаконичная и в то же время точная характери-

стика этого сложного социального явления дана в справочном документе ООН: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [1].

Анализ показывает, что легальные определения коррупции несомненно способствуют борьбе с ней. Определение коррупции позволяет очертить сферу отношений как предметную область, в рамках которой могут быть выбраны антикоррупционная государственная политика, соответствующие средства и инструменты противодействия, в том числе правовые. С нашей точки зрения, решению таких задач противодействия коррупции соответствует следующее доктринальное определение: коррупция – это противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставления другими лицами такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний.

Реализация общенациональной антикоррупционной политики должна подкрепляться подготовкой и принятием нормативных актов, охватывающих различные сферы регулирования, так или иначе связанные с посягательством на принцип равенства всех граждан перед законом. Борьба с коррупцией требует системного подхода, поскольку данное явление – нарушение порядка управления государством. Помимо разработки плана борьбы с ней, необходимы усилия не только органов государства, но и гражданского общества для обеспечения принципа равенства граждан перед законом и судом. Следует отметить, что для российского общества проблема коррупции приобрела особую значимость, поскольку ее масштабы в стране достигли уровня социального бедствия.

В Национальном плане противодействия коррупции, утвержденном Президентом РФ 31 июля 2008 г., констатируется, что коррупция является неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства. Она по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики. Коррупция вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений выступает одним из главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности Российской Федерации [2].

В связи с этим разработка мер по противодействию коррупции, прежде всего в целях устранения ее коренных причин, и реализация таких мер в контексте обеспечения развития страны в целом становятся настоятельной необходимостью.

Характеризуя Федеральный закон «О противодействии коррупции» [3], важно подчеркнуть, что в значительной мере это не только нормативно-правовой, но и программный документ. Он определяет основные направления государственной деятельности в сфере борьбы с коррупцией, устанавливает сферу применения антикоррупционной политики (в первую очередь как сферу служебных отношений), фиксирует социальные ожидания в данном виде деятельности.

Именно с этих позиций следует оценивать критику, последовавшую после его принятия и касающуюся предполагаемых сложностей с его реализацией.

Будучи нормативным актом программного характера, указанный Закон действительно требует для своего осуществления принятия ряда развивающих его положения документов. В силу этого он выступает актом систематизации различных норм права, имеющих целью борьбу с коррупцией.

Принятие Федерального закона является важным шагом по нормализации общественных отношений в данной сфере. Безусловно, помимо карательных функций государство и право должны обеспечивать профилактику, предупреждение коррупции, для чего требуется целый комплекс мер, позволяющих обеспечить недопущение коррупционного поведения, а также своевременное выявление и пресечение фактов подобных действий.

В общую стратегию противодействия коррупции в полной мере вписывается реализация федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)», утвержденной Указом Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 [3]. В качестве важнейшей задачи она определяет создание надежных механизмов предупреждения коррупции в системе государственной службы.

В Программе определены меры по противодействию коррупции, направленные на разработку и введение антикоррупционных стандартов в виде установления для государственной и муниципальной службы единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, что, в свою очередь, будет направлено на предупреждение коррупции, а также на выявление и разрешение конфликтов интересов на государственной службе. Важными шагами являются создание системы контроля деятельности государственных служащих со стороны институтов гражданского общества; совершенствование механизма, обеспечивающего соблюдение государственным служащим общих принципов служебного поведения; разработка мер по предотвращению конфликта интересов, в том числе после ухода государственного служащего с государственной службы. Однако для реализации данных мер должны быть определены процедуры, обеспечивающие проведение служебных расследований случаев коррупционных проявлений со стороны государственных служащих. Необходимо совершенствовать работу, направленную на приоритетное применение мер по предупреждению коррупции и борьбе с ней на государственной службе.

Важную роль в борьбе с коррупцией играют конкретные меры, способные снизить число коррупционных проявлений в государстве и обществе, выявить и наказать лиц, замешанных в коррупции. Так, в большинстве органов исполнительной власти созданы службы собственной безопасности, пресекающие деятельность коррупционеров внутри министерств, ведомств и их территориальных подразделений во всех регионах России. Простой и достаточно эффективной мерой является обязательная ежегодная отчетность чиновников (должностных лиц органов исполнительной власти и депутатов) о доходах и имущественном положении. Декларации о доходах указанных лиц (а также их детей и супругов) находятся в открытом доступе в сети Интернет, освещаются в официальных СМИ, проверяются контрольными и надзорными органами [5].

Антикоррупционная политика в Российской Федерации прошла сложный

путь от практически полного своего отсутствия до создания вполне адекватных сложившейся ситуации правовых основ системной деятельности по противодействию коррупции на всех уровнях государственной власти, во всех сферах общественной и государственной жизни. Во исполнение Национального плана противодействия коррупции в России создана законодательная база в сфере противодействия коррупции, приняты соответствующие организационные меры по предупреждению коррупции, активизирована деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней. В то же время по-прежнему в этой области основной упор делается на борьбу с последствиями коррупции, а ее причины остаются практически без внимания, хотя эта проблема безусловно требует к себе особого подхода, сочетающего различные меры и средства.

Поскольку коррупция в России приобрела характер системного явления, эффективная борьба с ней возможна только при использовании комплекса экономических, политических, правовых, социальных и информационно-пропагандистских мер. Как социальное явление коррупция требует не только внимательного и тщательного научного исследования ее причин и проявлений, но и мобилизации усилий органов государства и институтов гражданского общества по преодолению условий и последствий ее существования.

Надлежит отметить, что в сфере противодействия коррупции нельзя ограничиваться лишь совершенствованием законодательства – необходимо предпринимать и другие меры. В первую очередь следует усилить контроль за применением законов, поскольку правоприменение остается пока одним из слабых мест в российской антикоррупционной системе. В современных условиях возрастает роль и парламентского контроля за деятельностью органов исполнительной власти. В арсенале парламента существуют такие мощные инструменты, как парламентские расследования, депутатские и парламентские запросы, заслушивание ежегодных отчетов членов Правительства РФ в рамках «правительственных часов». На наш взгляд, это серьезная возможность для реального влияния на качество работы исполнительной власти, которую необходимо активно использовать. В настоящее время прорабатываются меры по усилению таких полномочий.

Коррупцию, конечно, нельзя считать исключительно российской проблемой: она не признает государственных границ, а причины и условия, ее порождающие, во многом схожи и присутствуют практически во всех странах. Следовательно, меры, предпринимаемые на национальном уровне, должны сочетаться с консолидированными действиями в международном масштабе.

Библиографический список

1. Лунеев В.В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 81.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.
3. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: утв. Указом Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 // Рос. газ. 2009. 12 марта.
5. Панова А.Г., Яценко Б.В. Что такое коррупция и как с ней бороться. М., 2010.

O.S. Sotskova
State and Legal Regulation
of the Liability of the Carrier
under the Contract
of the International Air
Transportation of the Passenger
and Baggage

A unified approach to determine "the liability period of the carrier" was proposed. The criteria for the calculation of monetary compensation to victims are investigated. Russian and foreign practice of determining liability of the carrier is analyzed.

Key words and word-combinations: liability, international air transportation, compensation.

Предложен единообразный подход к определению периода ответственности перевозчика. Исследуются критерии расчета денежной компенсации пострадавшим. Анализируется российская и зарубежная практика определения ответственности перевозчика.

Ключевые слова и словосочетания: ответственность, международная авиаперевозка, компенсация.

УДК 341.96
ББК 67.932.112

О.С. Сотскова

ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОЗЧИКА ПО ДОГОВОРУ МЕЖДУНАРОДНОЙ АВИАПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА И БАГАЖА

Вопрос об ответственности авиакомпании перед пассажиром является одним из наиболее актуальных в международном воздушном сообщении. Это связано с различными подходами к определению условий и критериев ответственности, выработанных практикой различных государств.

В контексте оснований ответственности перевозчика и условий ее возникновения следует отметить, что в большинстве международных соглашений ответственность возлагается на перевозчика только при наличии его вины, которая презюмируется.

Одним из оснований возникновения ответственности перевозчика является причинение вреда жизни и здоровью пассажира. Согласно ст. 17 Варшавской конвенции перевозчик отвечает за вред в случае смерти, ранения или телесного повреждения пассажира. Такая формулировка в тексте Монреальской конвенции существенных изменений не претерпела (исключено лишь слово «ранения», поскольку «телесное повреждение» включает в себя это понятие) [1].

Положения Гватемальского протокола 1971 г., расширяющие объем ответственности авиаперевозчика, определенный Варшавской конвенцией, предусматривали ответственность авиаперевозчика не за телесные

повреждения, а за «личные» (в англ. тексте слова «bodily injury» были заменены на «personal injury»). Имелось в виду возложение на него ответственности за нанесение психоэмоциональной травмы пассажиру при авиаперевозке. В 1997 г. в ходе индикативного голосования на 30-й сессии Юркомитета ИКАО (от англ. ICAO – International Civil Aviation Organization) абсолютное большинство делегаций высказалось против такой конструкции в Гватемальском протоколе.

Между тем вопрос о возмещении вреда, вызванного «психическими» повреждениями здоровья пассажиров, ни в коей мере не был снят с повестки дня. В результате компромисса основной рабочей группой, включавшей представителей делегаций стран с различными интересами, было разработано общее понимание сущности телесного повреждения, состоявшее в следующем. К телесным повреждениям относятся также психические повреждения, связанные с наличием телесных, и психические повреждения при отсутствии телесных, однако оказывающие значительное отрицательное воздействие на здоровье пассажира. Такое понимание термина «телесное повреждение», зафиксированное в протоколах, рабочих документах, докладе международной конференции по воздушному праву на 157-й сессии Совета ИКАО, должно стать ориентиром и при решении вопросов о компенсации морального вреда [2, с. 320]. Следует добавить, что практика иностранных государств не раз сталкивалась с трудностями, связанными с присуждением возмещения морального вреда, что по сути должно решаться по правилам национального права, применяемого в отсутствие соответствующих норм конвенций [2, с. 354].

В связи с этим уместно привести пример из российской практики. А. обратилась в суд с иском к ОАО АК «ТРАНСАЭРО», ЗАО «Коммерческое агентство аэропорта «Домодедово» о возмещении вреда здоровью, компенсации морального вреда. В обоснование требований истица указала, что в 2006 г. между ней и ОАО АК «ТРАНСАЭРО» заключен договор воздушной перевозки пассажира из Новосибирска в Москву для дальнейшего перелета в Прагу. По прибытии в Москву, спускаясь по скользкому трапу в аэропорту Домодедово, она упала и получила ушиб правой ноги. Определив причинно-следственную связь между падением истицы с трапа самолета и установлением ей второй группы инвалидности, суд обоснованно установил вину ОАО АК «ТРАНСАЭРО» в причинении вреда здоровью истицы. Вина выражается в необеспечении безопасности пассажира А. при осуществлении высадки из воздушного судна. В результате полученной травмы она понесла значительные физические и нравственные страдания и просила взыскать с ответчика в свою пользу материальный ущерб в сумме 313 946 руб., компенсацию морального вреда в размере 5 000 000 руб. и расходы за производство экспертизы в сумме 7 020 руб. Решением Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 8 июня 2011 г. с ОАО АК «ТРАНСАЭРО» в пользу А. взысканы утраченный заработок в сумме 283 763 руб., компенсация морального вреда в сумме 500 000 руб. и расходы за производство экспертизы в сумме 7 020 руб. – всего 790 783 руб. В остальной части в иске было отказано. Определением Новосибирского областного суда данное решение оставлено без изменений [3].

Перевозчик несет ответственность за причинение вреда пассажиру в резуль-

тате происшествия, случившегося на борту воздушного судна либо во время любых операций по посадке или высадке. Единого мнения по поводу того, что считать «любой операцией по посадке или высадке», нет. Зарубежная практика все же выработала критерии этого понятия. Согласно фабуле дела *MacDonald v. Air Canada* истец упал в зону для получения багажа и потребовал компенсации. Суд, интерпретировав ст. 17 Варшавской конвенции, указал, что местонахождение пассажира в момент травмы исключает ответственность перевозчика, поскольку он достиг безопасной точки терминала. Наглядным примером французской судебной практики может служить дело *Mache v. Air France*. При переходе через взлетно-посадочную полосу в сопровождении двух стюардесс пассажир упал в люк. Суд установил, что инцидент произошел не по вине перевозчика, и отказал в иске [4]. Иной подход изложил Брюссельский апелляционный суд в 1986 г. в решении по делу *Adler v. Austrian Airlines*, когда за вред, причиненный в результате падения пассажира на лед при выходе из автобуса для посадки на самолет, перевозчик понес ответственность [5].

Подобную позицию, законно применив п. 2 ст. 117 Воздушного кодекса РФ, занял Железнодорожный районный суд г. Новосибирска в указанном решении по делу № 33-6882/2011: «Воздушная перевозка пассажира включает в себя период с момента прохождения пассажиром воздушного судна предполетного досмотра для посадки на воздушное судно и до момента, когда пассажир воздушного судна под наблюдением уполномоченных лиц перевозчика покинул аэродром».

Другим нарушением обязательств, за которое перевозчик несет ответственность по договору международной воздушной перевозки, является несохранность груза, багажа, ручной клади и иных вещей пассажира, следующих с ним на воздушном судне. Согласно ст. 18 Варшавской, ст. 17 и 18 Монреальской конвенций перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае уничтожения, утери или повреждения багажа, личных вещей пассажира, а также груза, принятого к перевозке. Терминология российского законодательства (ст. 118 ВК РФ) несколько иная: «утрата, недостача, повреждение (порча)». Представляется, что различия эти не вызывают особых проблем на практике. В отношении всех указанных ситуаций ГК РФ (ст. 796) использует обобщающий термин: «несохранность» груза и багажа [6, с. 243].

Чтобы признать багаж утраченным, п. 3 ст. 17 Монреальской конвенции устанавливает 21-дневный срок. Варшавская конвенция, российское законодательство, Правила перевозок не предусматривают в этом случае каких-либо сроков. Термин «недостача» означает наличие разницы в весе или количестве багажа, принятого к перевозке и выданного пассажиру по одному перевозочному документу, и по сути своей является частичной «утратой». Эта довольно специфическая категория, используемая российским правом, скорее всего также вписывается в применяемые Конвенциями понятия частичного «уничтожения и утери». Понятие «повреждение (порча)» означает несоответствие качества прибывшего багажа качеству багажа, принятого к перевозке, и, как правило, совпадает по смыслу во всех правовых системах. На основании ст. 119 ВК РФ за утрату багажа при международной воздушной перевозке перевозчик несет ответственность в соответствии с международными договорами. Варшавская конвенция (п. 2 ст. 22) ответственность перевозчика при перевозке зарегистрированного багажа ограничивает вполне конкретной суммой –

250 французских франков за 1 кг веса. Для российских авиаперевозчиков эта сумма определена в размере 20 долл. за 1 кг веса [6, с. 210].

Кроме этого, чтобы защитить права пассажиров на транспорте, ст. 795 ГК РФ введена ответственность перевозчика за задержку отправления и прибытия пассажира в пункт назначения. В соответствии со ст. 120 ВК РФ за просрочку доставки пассажира, багажа или груза в пункт назначения перевозчик уплачивает штраф в размере 25% установленной Федеральным законом минимального размера оплаты труда за каждый час просрочки, но не более чем 50% провозной платы, если не докажет, что просрочка произошла вследствие непреодолимой силы, устранения неисправностей воздушного судна, угрожающей жизни или здоровью пассажиров воздушного судна, либо иных обстоятельств, не зависящих от перевозчика.

Изложенное свидетельствует о том, что соглашения о международных перевозках пассажиров содержат критерии ответственности перевозчика только по вопросам причинения вреда здоровью пассажира, несохранности багажа и просрочки его доставки. Ответственность же за ручную кладь, по нашему мнению регламентируется в недостаточной степени [7, с. 81; 8].

В рамках проблемы ответственности перевозчика следует рассмотреть вопрос о компенсации в случае причинения ущерба пассажирам. Сегодня россияне и иностранцы имеют разные права на компенсацию, даже если летят в одном самолете. Это связано с тем, что Россия пока остается одной из немногих стран, продолжающих формально руководствоваться положениями Варшавской конвенции, принятой в далеком 1929 г., в то время как с 1999 г. представители уже ста государств руководствуются Монреальской конвенцией, ставящей интересы пассажиров выше интересов перевозчиков и фактически утверждающей презумпцию виновности авиакомпаний. «Варшавская система» устанавливает ограничение перевозчика по сумме выплат: ответственность перевозчика за смерть или нанесение ущерба здоровью пассажира в большинстве случаев ограничивается суммой 10 000 \$ США.

Монреальская конвенция, заключенная под эгидой ИКАО в 1999 г. и вступившая в силу 4 ноября 2003 г., отменила лимиты, установленные Варшавской конвенцией по выплатам пострадавшим в авиакатастрофе и их родственникам. Эта конвенция ввела двухуровневую систему ответственности. На первом уровне, сразу же после наступления страхового случая, авиакомпания (или ее страховщик) должна выплатить около 135 000 \$ США каждому пострадавшему, даже если вина перевозчика не доказана. Если же авиакомпания будет признана виновной в происшествии, наступит второй уровень ответственности, при котором сумма выплат ущерба вообще не ограничивается. Увеличена также ответственность перевозчика за багаж пассажиров.

Официально Россия пока не присоединилась к новому документу. Тем не менее некоторые перевозчики, особенно частные, уже начали увеличивать свои расходные статьи в соответствии с новыми международными стандартами.

Очевидно, что для Российской Федерации давно назрела необходимость в ратификации Монреальской конвенции 1999 г., предусматривающей значительное повышение ответственности авиакомпаний и упрощающей механизм получения компенсаций. Затягивание этого процесса неуклонно будет способствовать утрате позиций отечественных авиаперевозчиков на мировом рынке. Однако даже в самых развернутых и подробно расписанных международных

соглашениях всегда будут присутствовать вакуумы, подлежащие восполнению с помощью норм национального права.

Библиографический список

1. Харрис Г.Дж. Влияние Монреальской конвенции на права пассажира // Российский ежегодник международного права. 2004.
2. Остроумов Н.Н. Договор перевозки в международном воздушном сообщении. М., 2009.
3. Определение Новосибирского областного суда от 4 октября 2011 г. по делу № 33-6882/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Fordham Law Review: Варшавская конвенция – ответственность авиакомпаний за травмы, полученные пассажирами в терминале: электрон. журн. 1976. № 45. URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol45/iss2/3>
5. Legal Issues in Business: Liability in Air Travel for Real Estate Agents: электрон. журн. 2000. № 79. URL: <http://www3.austlii.edu.au/au/journals/LegIssBus/2000/10.html>
6. Шиминова М.Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданско-правовое регулирование. М., 1979.
7. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 6-е изд., перераб. М., 2009.
8. Садиков О.Н. Правовое регулирование международных перевозок. М., 1981.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

S.M. Fedyunina
Social Practices of Cross-Ethnic
Tolerance Development
as a Component
of the Regional Ethnic Policy

The sociological concept of “tolerance” is considered in the context of regional ethnic policy and migration processes. The potentialities of social practices in cross-ethnic tolerance development to answer the purpose of ethnic conflicts prevention are revealed.

Key words and word-combinations: social practices, cross-ethnic tolerance, ethnic conflict, migration, ethnic policy.

Рассматривается социологическое понятие «толерантность» в контексте региональной этнополитики, миграционных процессов. Раскрывается потенциал социальных практик формирования межэтнической толерантности с целью предупреждения региональных этноконфликтов.

Ключевые слова и словосочетания: социальные практики, межэтническая толерантность, этноконфликт, миграция, этнополитика.

УДК 323.11(470.44)
ББК 66.3(0)5(235.54)

С.М. Федюнина

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

В условиях формирования в России гражданского общества, интенсификации транснациональных перемещений и межнациональных контактов, миграционных процессов межэтнические и межкультурные взаимодействия приобретают новую специфику. Конструктивное взаимодействие социальных групп любого государства, имеющих различные ценностные и религиозные ориентации, достигается за счет выработки норм толерантного поведения и навыков межэтнического взаимодействия. Формирование установок толерантности, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной и многоконфессиональной России особую актуальность и, безусловно, должны являться составляющей этнополитики на региональном уровне.

Межэтническая толерантность формиру-

ется через систему социальных практик, детерминированных социальной средой и обладающих способностью к трансформации социальной действительности. Необходимо рассмотреть ряд проблем, связанных с вопросами толерантности в контексте межэтнических отношений, а также обозначить видение проблемы формирования межэтнической толерантности посредством социальных практик в регионе.

Термин «толерантность» неоднозначно трактуется в различных междисциплинарных областях. В частности, при переводе с английского языка на русский декларации ЮНЕСКО термин «толерантность», истолкованный как «терпимость», внес некоторую терминологическую путаницу в понятийную базу российских гуманитарных наук, так как термин приобрел не свойственную ему на языке оригинала коннотацию [1, 2]. Хорошо известно, что слово «терпимость» в русском языке имеет такие коннотативные характеристики, как «пассивность», «смирение с обстоятельствами», «следование чужой воле» и т.д. В декларации же «толерантность» понимается как активная установка на принятие чужого: образа жизни, веры, традиций, обычаев. Межэтническая толерантность в нашем понимании – это сложное ментальное образование, отражающее установку на активное сотрудничество с представителями иного этноса. Формирование толерантных практик, толерантного отношения к «инаковости» подвержено воздействию различных факторов на макро- и микроуровнях.

К макроуровням можно отнести этнополитические явления и социально-экономические преобразования в мире, государствах, регионах, институциональных образованиях. На микроуровне психологические особенности личности, вероисповедание, социальный статус, принадлежность к социальному слою, субкультуре, референтной группе обуславливают толерантное либо интолерантное поведение индивида. Как справедливо отмечает Н.Г. Анциферова, интолерантность может быть сформирована под действием негативной исторической памяти, массового неприятия потрясений, перенесенных большей частью общества по вине или с участием «иного» [3]. Крайней формой проявления интолерантности является экстремизм – действия, направленные против инаковости и в обход принципов уважения человеческого достоинства. Как показало исследование, проведенное П.В. Масычевым, понятие «экстремист» у жителей Саратова полностью отождествляется с понятиями «националист», «бандит», «террорист» [4].

Проблемы межэтнической толерантности неразрывно связаны с проблемами миграции. Международная трудовая миграция является, как известно, неизбежным следствием глобализации. Саратовская область – привлекательный регион для иностранной рабочей силы, что обусловлено целым рядом причин. Среди них выделяется, во-первых, геополитическое положение области, в частности граница с Казахстаном, благодаря которой в Саратовский регион прибывают различные категории трудовых мигрантов из Казахстана, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и т.д. Аналитиками отмечается, что именно в Саратовском регионе остается значительная часть различных категорий трудовых мигрантов. Во-вторых, Саратовская область привлекает мигрантов как благоприятное место жительства из-за климатических условий [4]. Немаловажными факторами являются развитие коммерции, строительства, наличие большого коли-

чества высших учебных заведений. Регион характеризуется относительной социально-политической стабильностью: отсутствие каких-либо «громких» проявлений ксенофобий, экстремизма, расизма и прочих интолерантных практик также является привлекательным фактором для приезжих.

Однако в ситуации происходящих экономических перемен и преобразований социальной сферы ключевые аспекты новой национальной и региональной политики зачастую становятся предметом острых научных, политических и идеологических дискуссий, усугубляемых политическими спекуляциями на тему демографии, миграции, экономических и территориально-политических конфликтов, российской идентичности. Этнические противостояния, ситуации интолерантности связываются зачастую в представлениях населения регионов именно с ситуациями трудовой миграции. Дискриминационное социальное пространство достаточно явно проступает в дискурсе современных СМИ, в научных и публицистических печатных изданиях, которые по своему прямому назначению должны выступать рупором формирования национального самосознания, самоутверждения этнической общности.

В качестве примеров остановимся на результатах социологических исследований. Так, проведенный нами контент-анализ трех наименований профессиональной периодики с пошаговой выборкой: «Государство и право», «Правоведение», «Милиция» (всего проанализировано 110 выпусков и 206 релевантных цели исследования проблемно-аналитических публикаций за период с 1990 по 2004 г.) – показал, что в профессиональной юридической периодике присутствует дискурс толерантности и прав человека, что соответствует современной политической риторике и находит отражение в развитии юридической теории и в правоприменительной практике. Наряду с этим, зафиксированы свидетельства интолерантности и тенденция к усилению правоконсервативного дискурса. Примечательно, что статьи, публикуемые в академических изданиях и адресованные интеллектуалам, более ориентированы на макроуровень процессов и явлений, включая международные, межгосударственные отношения.

Материалы прикладного характера, рассчитанные на работников органов внутренних дел, зачастую направлены на микроуровень, что обуславливает более высокую эмоциональную насыщенность публикаций, конструирование взаимоотношений по схеме «свой–чужой». Очевидно, что авторы ориентированы на вполне определенную аудиторию – реальных и потенциальных участников представляемых ими событий, а также на вполне определенную задачу – конструирование образа «наших» (бойцов, героев –защитников правопорядка, миротворцев-гуманистов) и «противников» (бандитов, преступников, насильников). Антидискриминационные суждения форматованы соответствующим образом – за защиту коренного населения от притеснений со стороны мигрантов [5].

В экспертном опросе, проведенном В.Н. Ярской, среди респондентов были преподаватели и аспиранты двадцати российских вузов, социологи из независимых исследовательских центров. Опрос состоялся летом 2011 г., общее число опрошенных 48 человек, 29 женщин и 19 мужчин: 43 человека в возрасте от 23 до 50 лет, 5 человек старше 60 лет). Респонденты отмечали, что расизм при-

сутствует в политике, образовании, армии, молодежной политике, проявляется в утверждении принципа превосходства одной расы над другой. В практике социальных коммуникаций, в сети Интернет, в речи политиков нередко проскальзывает неприязнь к «лицам кавказской национальности», появился новояз «лица славянской внешности». «Расизм институционален: он коренится не только в мировоззрении людей, но и в социальной политике, риторике представителей государственных институтов, проявляется в стигматизации и наклеивании ярлыков посредством языковых практик» [6, с. 47]. Как отмечает В.Н. Ярская, респонденты ссылаются на зарубежные практики преодоления дискурса расизма. Политически корректными, по мнению автора, являются попытки *«избавиться от расистских выражений и сленга, когда упоминаются представители этнических групп, мигранты, дискурс аборигенных студентов в университетах сдвигается от тематики проблем и барьеров к тематике успеха»* [6, с. 47].

В исследованиях, посвященных трудовой миграции, отмечается, что приращение миграционным процессам этнической окраски, формирование негативных этностереотипов у населения в Саратовском регионе не имеет под собой достаточных объективных оснований. Официальная статистика свидетельствует, что на рубеже XX и XXI вв. за счет миграции наибольший прирост численности населения области наблюдался среди русских. Второе место занимают украинцы, миграционный прирост которых оказался в 2000 г. в 7 раз меньше, чем русских. На третьем месте – армяне, на четвертом – казахи и азербайджанцы, на пятом – татары. Прирост численности остальных этнических групп был весьма незначительным либо отрицательным [7].

Этнический состав области, большую часть которого составляют русские, не был подвержен серьезным изменениям. Однако, согласно опросу населения, осуществлявшемуся Центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, коренные жители Саратовской области наибольшую угрозу стабильности в регионе видят в представителях народов Кавказа (31% опрошенных). Эту группу назвали все респонденты, вообще выразившие негативное или крайне негативное отношение к каким-либо этническим группам. Исследование также показало, что если доминирующей этнической компонентой являлась кавказофобия, то нарастающей – негативная реакция на приток центральноазиатских мигрантов [8], причем отношение к вынужденным мигрантам окрашено коннотациями сочувствия, а в трудовых мигрантах видится наибольшая угроза в плане негативных социальных изменений.

Истоками мигрантофобии, поддерживаемыми, как указывалось, различными СМИ и заинтересованными политическими силами, являются стереотипы, связанные с личным опытом общения с мигрантами, менталитет и историческая память населения, связанная с конфликтами и войнами на Кавказе, а кроме этого, различные культурные традиции и поведенческие паттерны мигрантов, их нежелание хотя бы формально уважать нормы и ценности принявшего их региона.

Не только среди населения формируются стереотипные представления о «чужих–своих». Так, респонденты целевой выборки проведенного нами социологического опроса сотрудников силовых структур трех областей (Саратовской, Пензенской, Самарской, N=343) в качестве основных причин конфликтов на почве национальной неприязни указывали наличие приезжих, мигрантов.

Негативное влияние мигрантов на общую ситуацию в месте проживания полагают очевидным 70% сотрудников органов внутренних дел. Многонациональный состав населения России считали позитивным фактором лишь 60% респондентов; отдельные национальные группы, проживающие в регионе, вызывали ощущение раздражения и неприязни у 30% опрошенных [9]. Как показали проведенные нами исследования, сотрудники органов внутренних дел по своим служебным обязанностям чаще остальных россиян сталкиваются с проявлениями межэтнических конфликтов. Это же обстоятельство порой мешает объективно воспринимать причины и внутренние механизмы динамики ситуации.

Таким образом, совершенно очевидно, что интолерантные отношения к «чужим» у различных групп населения, профессионалов во всех отраслях, включая сотрудников правопорядка, представителей СМИ, политиков и государственных служащих, создают предрасположенность к возникновению интолерантных практик противостояния и представляют угрозу для возникновения экстремистских ситуаций.

Поволжье исторически формировалось как мультиэтнический, мультиконфессиональный регион, поэтому добрососедство различных этнических групп и наличие разных конфессий являются исторически сложившейся нормой для Саратовской области. В современных условиях, как представляется, наибольшую угрозу безопасности и отрицательный (конфликтогенный) потенциал имеет не сама миграция, в том числе трудовая, а нелегальное положение мигрантов. На территории Саратовской области, по данным УФМС, в последние годы в зависимости от сезона фиксируется от 6 до 10 тысяч нелегальных мигрантов [10]. С учетом перечисленных обстоятельств проблемы формирования социальных практик межэтнической толерантности в области приобретают особую остроту.

В основе категории социальной практики, раскрывающей широкий спектр явлений современной действительности, лежат концепции социального действия, разработанные М. Вебером, Т. Парсонсом, Э. Гидденсом, П. Бурдьё. Социальные практики имеют ряд характеристик, основными из которых являются воспроизводимость, нормативность, устойчивость (Э. Гидденс), двойственность структуры (П. Бурдьё).

В методологии современных российских исследователей имеются два противоположных подхода к толкованию социальных практик. В основе первого подхода лежит понимание социального института как устойчивого типа социальной практики. Во втором подходе социальные практики рассматриваются как формы функционирования социальных институтов [11]. Согласимся с точкой зрения, что в современном понимании социальная практика предстает «как совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и в пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов» [11]. Указанные характеристики дают возможность обозначить уровни формирования межэтнической толерантности в регионе посредством социальных практик.

На региональном уровне, в институтах власти, социальные межэтнические практики должны приобрести осмысление с точки зрения законодательной базы на основе анализа нормативных правовых актов Российской Федерации и регио-

нальных документов и заключаться в целенаправленном формировании правовой культуры в сфере межэтнической толерантности. Предоставление рабочих мест мигрантам, их социальная защита и одновременно социально-экономическая защита интересов жителей области должны занять приоритетные позиции. В этом отношении уже намечаются положительные сдвиги. Так, в настоящее время в Саратовской области открыто 28 тысяч вакансий. Если в течение двух месяцев после открытия рабочее место не занимают местные жители, на него могут претендовать иностранцы. УФМС выдало в 2012 г. 14 тысяч разрешений на труд в Саратовской области из поступивших 20 тысяч заявок.

Следующий институциональный уровень формирования межэтнической толерантности, на наш взгляд, должен быть в первую очередь связан социокультурными практиками. Это касается прежде всего институтов образования, социального обеспечения, культуры и различных конфессий. Положительным примером подобных практик могут служить адаптационные курсы для мигрантов, проводимые в соответствии с программой, разработанной на основе соглашения УФМС России по Саратовской области и Саратовской митрополии Русской Православной Церкви. Граждане Узбекистана, Азербайджана, Армении, Грузии и Украины прошли обучение по четырем основным направлениям, включающим в себя духовно-культурный компонент, основы русского языка, сведения о национальной политике в области [12].

В 2001–2005 гг. успешно действовала Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», миссией которой была консолидация гражданского общества, поддержка разнообразия, утверждение права всех людей быть разными. Благодаря программе в вузах, школах, на предприятиях проводились уроки толерантности, которые можно отнести к разряду успешных социокультурных практик. Инструментальная ценность программы состояла в разработке ключевых методик и принципов изучения и формирования толерантности как важнейшей ценности и социальной нормы гражданского общества, проявляющейся в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; в уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Однако эта положительная инициатива, к сожалению, не получила дальнейшего развития.

Личностный уровень межэтнической толерантности предполагает сформированность социально-психологических установок к гармонизирующему взаимодействию с представителя различных народов, отсутствие этнических фобий и негативной исторической памяти. Формирование данного уровня является либо результатом семейного воспитания, либо результатом социальных и социокультурных практик, усвоенных на двух предыдущих уровнях.

Таким образом, межэтническая толерантность является продуктом социальной коммуникации в поликультурном обществе, и ее эффективное построение требует разработки стратегии и реализации социальных практик как составляющей этнополитики региона.

Библиографический список

1. Федюнина С.М. Проводник ценностей мультикультурализма // Высшее образование в России. 2006. № 6.
2. Федюнина С.М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе // Власть. 2012. № 3. С. 34–38.
3. Анциферов Н.Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
4. Масычев П.В. Этнорелигиозный экстремизм: враги и друзья радикального православия // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 38–43.
5. Федюнина С.М. Мультикультурализм: политика репрезентаций и практика повседневной жизни. Саратов, 2005.
6. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46–53.
7. Плохова Н.В. Портрет трудового мигранта Саратовской области. URL: <http://sartsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal2-24/Plokhova.pdf>
8. Витковская Г.С. Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область. URL: http://migrocenter.ru/acrobat/privol_v202.pdf
9. Федюнина С.С. Толерантность к межэтническим взаимодействиям с мигрантами в учреждениях сотрудников силовых структур // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 151–158.
10. Четвертая власть: Интернет-издание. URL: <http://www.4vsar.ru/news/33148.html>
11. Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Общественные науки. 2009. № 4 (70).
12. Бизнес-среда: информационный портал г. Балакова. Адаптационные курсы для мигрантов // URL: <http://businessreda.ru/biznes-novosti/item/891> (дата обращения: 16.11.2012).

A.B. Shipitko
Methodological Bases of Research
of Social Partnership for Economic
Organizations

The essence and principles of modern social partnership are revealed. The necessity of social partnership development in the context of market relations improvement in the Russian society is grounded.

Key words and word-combinations: social partnership, social and economic interests, trust, social responsibility.

Выявляются сущность и принципы современного социального партнерства. Обосновывается необходимость развития социального партнерства в контексте совершенствования рыночных отношений российского общества.

Ключевые слова и словосочетания: социальное партнерство, социально-экономические интересы, доверие, социальная ответственность.

УДК 658.114
 ББК 65.292

А.Б. Шипитько

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В условиях совершенствования рыночных отношений хозяйственные организации все более ориентируются на удовлетворение потребностей экономических субъектов и конкретных социальных нужд общества. Ме-

няется характер взаимодействия субъектов хозяйствования, трансформируется система экономических и социальных факторов экономического роста общества. В новых условиях актуализируется новая партнерская форма отношений между хозяйственными организациями и организационными структурами предпринимателей, профессиональными союзами работников, государственными структурами, внешними потребителями и поставщиками.

Социальное партнерство хозяйственных организаций – это особый тип социального взаимодействия хозяйственной организации с экономическими субъектами и институтами внешней среды, нацеленный на максимальное согласование и учет интересов всех участников данного социального процесса. В социологических исследованиях представлены различные (порой противоречивые) методологические подходы исследования данного явления.

В различных научных парадигмах представлены относительно независимые теоретические разработки по выявлению сущности и содержания социального партнерства хозяйственных организаций. Методологические разработки по проблеме социального партнерства хозяйственных организаций можно условно разделить на три группы: 1) междисциплинарные концепции; 2) социально-управленческие социологические теории; 3) социально-экономические социологические парадигмы.

Так, первая группа исследований в работах В. Михеева, С. Перегудова, О. Иванова, Д. Гавра представляет проблемы развития социального партнерства хозяйственных организаций на междисциплинарном уровне. В рамках данного направления уточняются сущностные основы социального партнерства. Доказывается, что социальное партнерство представляет собой междисциплинарное явление, характеризующее систему общих общественных и социально-экономических отношений в социальной, а также социально-трудовой сфере хозяйствования, строящихся на основе согласования, коррекции и защиты социальных и экономических интересов социальных субъектов. При этом авторы традиционно выделяют основные субъекты социального партнерства – работников, структуры государственной власти, организации местного самоуправления, работодателей, ассоциации бизнеса. В качестве инструментов реализации партнерского взаимодействия представляют договора, совместные социальные и экономические проекты, формальные соглашения и достижения компромисса, согласования и уточнения по ранее имеющимся практикам сотрудничества, договоренности по экономическим, социально-экономическим, социально-культурным проблемам деятельности.

В соответствии с междисциплинарным подходом выделяют важнейшие сущностные черты социального партнерства: во-первых, субъекты социального партнерства (работники; органы государственной власти, местного самоуправления; работодатели) имеют как общие, так и различные социальные, социально-экономические и экономические интересы; во-вторых, социальное партнерство включает в себя не только процессы координации и коррекции целей и задач его субъектов, но и достижение взаимовыгодных результатов как в экономической, так и в социальной и социально-культурной сферах; в-третьих, социальное партнерство – важнейший интегральный фактор в обществе, объединяю-

щий общество, формирующий социальный капитал, институционализирующий интересы субъектов экономического действия; в-четвертых, социальное партнерство является основным механизмом демократизации социальных и социально-экономических отношений в обществе.

Таким образом, в рамках междисциплинарного методологического подхода выявлено содержание социального партнерства, уточнены общие принципы его проявления, раскрыты его сущностные черты. Важным теоретическим положением здесь выступает доказательство связи развития социального партнерства и процессов демократизации в обществе и в отдельных его подсистемах. Между тем в контексте общетеоретических парадигм не уточняется специфика социального партнерства хозяйственных организаций, не выявляется механизм его реализации.

Вторая группа исследований – социально-управленческие концепции – представлена в работах Т. Баландиной, А. Живлаковой, Ю. Тена, Т. Соломанидиной, Э. Шейна. Социальное партнерство здесь характеризуется как объект социального управления. Т. Баландина в связи с этим отмечает, что в рамках социального макроуровневого подхода объект управления является системным. Объект управления как системное целое – это результат целевого управленческого воздействия, выполняющий управленческие решения и обеспечивающий в итоге реализацию миссии, направленной на оценку различных форм социального действия, в том числе и социального партнерства как системного проявления совместных практик населения, основанных на равных правах и обязанностях и нацеленных на достижение совместных разработок, планов, проектов, задач [1, с. 53].

В соответствии с данным подходом социальное партнерство характеризуется устойчивым социальным взаимодействием населения с организациями, представляющим собой комплекс коммуникативного партнерского обмена сообщениями, знаниями, информацией для решения общеуправленческих социальных задач, целей, стратегий. Социальное партнерство на уровне отдельной организации выступает как универсальная социальная система добровольного и равноправного сотрудничества работников, управляющих, собственников (работодателей). Данная система воспроизводит упорядоченность управленческого социального взаимодействия, организует и актуализирует процесс совместных деятельных практик работников и населения, определяющих достижение общих не только социальных, но и экономических, а также политических задач [2, с. 30]. Социальное партнерство в управленческом контексте является формой межкультурной социальной коммуникации как неизбежный атрибут существования современных партнерских социальных групп, объединений, общностей. Последних следует рассматривать, с одной стороны, как носителей определенной культуры в современных социально-управленческих процессах; с другой стороны – как определенный вид социально-управленческих отношений, характеризующих процесс равновесия обновляющихся и совершенствующихся социально-экономических интересов всех его субъектов.

Практически каждая хозяйственная организация оказывается вовлеченной в круговорот мощнейших изменений общества в его экономической, политической и культурной сферах. Наиболее важной тенденцией сегодняшнего дня

является формирование на основе принципа справедливости партнерского социокультурного и социально-управленческого взаимодействия как во внутренней, так и во внешней среде организации. Социальная справедливость выступает важнейшим принципом системы социального управления партнерскими отношениями.

Таким образом, в рамках социально-управленческого подхода выявлена внутриорганизационная сущность социального партнерства как интегрированная система внутренних и внешних социально-управленческих отношений. Здесь социальное партнерство проявляет себя в качестве универсального социального комплекса, организующего и актуализирующего внутренние и внешние организационные процессы совместных деятельных практик работников, управляющих, собственников (работодателей) и субъектов внешней среды организации. Между тем в контексте общетеоретических парадигм не раскрываются социально-экономические и социально-правовые основы механизма партнерского взаимодействия.

Третья группа исследований – социально-экономические парадигмы – представлена в работах Ю. Быченко, Т. Кривошеева, В. Митрофанова, А. Палади. В рамках данных исследований недостатки рассмотренных ранее концепций частично преодолеваются. В. Кривошеев доказывает, что эффективные социально-экономические отношения современной организации возможны только в условиях развитого института социального партнерства как основы идеологии социального рыночного хозяйства. Именно социальное партнерство способствует достижению согласия и социальной ответственности: «Социальное партнерство позволяет преодолеть “синдром неэффективного собственника” и управлять занятостью на рынке труда при условии активной роли государства и развития социального механизма лоббирования как опосредованной формы взаимодействия. Лоббизм выполняет роль своеобразного института, обеспечивающего более полное участие интересов заинтересованных групп населения, в том числе и некоммерческих организаций, в государственном управлении» [3, с. 217]. Автор отождествляет отношения организационного партнерства и социально ответственного взаимодействия работников, указывая на то, что социальное партнерство в новых условиях должно быть распространено не только на внутриорганизационные трудовые отношения, но и на политическую, культурную и духовную сферу общества, а также на международные отношения.

При данном методологическом подходе недостаточное внимание уделяется изучению процессов становления нормативной правовой базы, определяющей формирование партнерских отношений, регулирующей социально-трудовые, социально-культурные, социально-управленческие отношения социального партнерства. Ю. Быченко в связи с этим указывает, что в новых условиях первоочередное внимание необходимо уделить регулирующим нормативно-правовым механизмам социального партнерства. Здесь механизм социального развития рассматривается как три подсистемных комплекса: 1) механизм целевого развития человеческого потенциала; 2) механизм потребительного саморазвития человека; 3) «интегрирующий адаптивный механизм развития человеческого потенциала, обеспечивающий формирование и регулирование гибкого рынка

труда, регулирование трудовых отношений» [4, с. 33]. Третий комплекс и призван обеспечивать условия развития социального партнерства в системе хозяйственных организаций.

Следует отметить, что социальное партнерство развивается с учетом как международного правового поля (законодательная база Международной организации труда – МОТ, Европейского Союза), так и законодательных и нормативных актов государств, отдельных хозяйственных организаций. При этом используются принципы трипартизма и многоуровневого сотрудничества, суть которых изложена в документах Международной организации труда. Представляется важным, что в рамках международного правового поля ответственность за реализацию условий и практик социального партнерства лежит полностью на социальном государстве. Именно государство в современных условиях должно реализовывать роль социального партнера и брать под контроль возможности партнерского взаимодействия; способствовать подписанию межорганизационных договоров и соглашений, связанных с сотрудничеством, оплатой, характером, условиями труда, тенденциями изменения занятости, реализацией социальной защиты и профессионального обучения работников.

Таким образом, в контексте социально-экономического подхода выявлены внешние проявления феномена социального партнерства. Исследователи доказывают, что социальное партнерство реализуется на различных уровнях – международном, общественном, региональном, организационном, причем развивается в результате функционирования механизма социального развития. Социальное партнерство строится на основе принципов трипартизма и многоуровневого сотрудничества.

Здесь социальное партнерство проявляет себя как универсальная социальная система, организующая и актуализирующая внутри- и внеорганизационный процесс совместных деятельных практик работников, управляющих, собственников (работодателей) в рамках правового поля. Государство представляет собой основной субъект социального партнерства. Оно призвано брать на себя основные функции организации и контроля по достижению соглашений и договоров партнерского взаимодействия. Вот почему общественные социально-экономические интересы в системе социального партнерства являются основными. Важнейшая задача социального партнерства хозяйственной организации связана с осуществлением сотрудничества на основе проведения консультаций между государственными структурами, предпринимателями, профсоюзами, общественными организациями. Можно констатировать, что в рамках социально-экономического подхода социальное партнерство – это прежде всего модель взаимоотношений субъектов хозяйственного взаимодействия на всех общественных уровнях: в отдельной организации, по отдельным отраслям, по региону, в рамках общенационального взаимодействия в целом.

Различные концепции социального партнерства по-разному рассматривают его содержание, с различных позиций исследуют его проявления. При этом в новых условиях необходимо разработать обобщенный подход к данному феномену. В рамках синтезирующей доктрины социальное партнерство – это многоуровневый конструкт, характеризующий систему общественных отношений по проблемам согласования, коррекции и защиты социальных и экономичес-

ких интересов субъектов экономического действия, рассматривающихся в расширенном контексте: мировое сообщество, структуры государственной власти, органы региональной власти и местного самоуправления, работодатели, ассоциации бизнеса, общественные организации, объединения населения, профсоюзы, трудовые организации.

В контексте новой доктрины социального партнерства, с одной стороны, важно признание различия социально-экономических интересов населения, государства, хозяйственных организаций, трудовых социальных групп, отдельных слоев; с другой стороны, необходимо учитывать, что в процессе функционирования и партнерского взаимодействия отдельные субъекты не могут существовать и действовать друг без друга. Следовательно, главная задача партнерского взаимодействия не в нивелировании или подавлении различных социально-экономических интересов субъектов хозяйствования, а в осуществлении оценки и анализа нужд, потребностей и мотивов акторов, в поиске компромиссов и взаимовыгодных путей сотрудничества, в формировании договорных соглашений путем взаимных уступок, направленных на достижение согласованного совместного сотрудничества.

Эффективное социальное партнерство призвано сглаживать, а порой и предотвращать конфликтные ситуации, способствовать активизации социального и экономического развития за счет использования демократических преимуществ, реализации возможностей учета и обмена опытом в процессе социального взаимодействия. Новая система помогает приходить к эффективным управленческим решениям посредством согласовывания мнений и позиций, ведения переговоров, заключения обоснованных и взвешенных договоров и соглашений.

По нашему мнению, важным принципом социального партнерства в новых условиях является доверие: оно составляет социальный капитал организации. При этом формирование доверительных отношений требует, с одной стороны, социально ответственной деятельности; с другой стороны – систематизации партнерских контактов и обновления соглашений и договоров. Системный характер партнерских контактов позволяет строить устойчивые отношения, планомерно оценивать и корректировать деятельность, своевременно вносить необходимые изменения и обновления для адаптации к трансформационным сдвигам во внешней социальной среде. Важно отметить, что реализация современных принципов партнерства предусматривает необходимость постоянного роста человеческого капитала всех экономических субъектов хозяйствования, развитие их инновационных качеств и свойств.

Библиографический список

1. Бalandина Т. Социология управления. Саратов, 2005.
2. Живлакова А.Е. Стратификационная вариативность парламентских партий России в системе коммуникативного взаимодействия общества и власти // Власть. 2010. № 11.
3. Кривошеев В.Т. Управление занятостью трудовых ресурсов в системе социального партнерства. Саратов, 2004.
4. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социальная политика как механизм развития социального потенциала российского общества // Вестн. Саратов. гос. социально-экономического ун-та. 2012. № 1.

O.L. Sharova
The Significance
of the Secondary Vocational
Education for the Formation
of Value System of the Society

The significance and peculiarities of personality value system development by means of vocational training process is considered. It is noted that the socio-cultural factor is of paramount importance in a transitional period.

Key words and word-combinations: professional education, values transformation, social groups.

Рассматриваются особенности и значение формирования ценностной системы личности посредством процесса профессионального образования. Отмечено, что социокультурный фактор имеет первостепенное значение в период трансформаций.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональное образование, трансформация ценностей, социальные группы.

УДК 316.32:377.5
ББК 60.52+74.57

О.Л. Шарова

ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Проблема социокультурного изменения ценностной системы личности в настоящее время обусловлена в целом трансформационными процессами, затронувшими современные культуры и общества. Не является исключением и Россия, население которой, оказавшись в эпоху интеграционных и трансформационных процессов без средств интерпретации прошлого и ориентиров на будущее, по мнению Б.М. Фирсова, «не смогло критически оценить достоинства и недостатки заимствуемых извне форм жизни. Отсюда поиск ценностей» [1, с. 159].

На современном этапе развития происходит структурная перестройка культуры, в том числе – смена ее базовых феноменов. На смену ценностям могут прийти только ценности, хотя они и будут иметь иной вид, структуру, функции, возможно, это более сложные, чем ценности, феномены культуры. Например, полистилистическая культура способствует появлению новых систем и программ поведения в форме социальных практик повседневной жизни. Центральное условие общественной практики – совместная деятельность. Основопологающим моментом в осуществлении любой совместной деятельности является, если не совпадение, то хотя бы частичное пересечение индивидуальных ценностных областей. Изменение традиционной системы ценностей предопределяет

возникновение сложностей в оценке поведения, но при этом система ценностей не исчезает, она изменяется.

Вместе с тем ценности – это не продукт индивидуального производства и индивидуального пользования. Они – принадлежность общества, конкретного периода пространства-времени. С точки зрения символического интеракционизма, ценностная среда существования людей – результат деятельности и взаимодействия этих же людей. Особенностью функционирования культуры сегодня можно назвать то, что социальные нормы и ценности нормируют жизнь, но не являются нормами в их традиционном понимании. Поведение индивида напрямую ценностям не подчиняется, оно скорее согласуется с нормами (и в этом состоит нормированность ценностной системы общества) и следует неким культурным директивам или противостоит им. В современном обществе существуют несколько ценностных систем, а потому есть и некое взаимное непонимание у людей – носителей этих ценностных систем. Культурный фактор имеет первостепенное значение в период трансформаций, обеспечивая терпимость по отношению к изменениям, равно как и к сохранению традиций и опыта предшествующих поколений. Особенно возрастает значение данного фактора применительно к молодежи. Формирование ценностей возможно различными путями, один из которых – образование.

Система образования всегда была нацелена на формирование определенной системы ценностей. Функциями образования остаются сохранение и воспроизведение нужного обществу образца поведения индивида, передача культурных традиций, формирование у личности привычки согласовывать свои мотивы поступков с теми ценностями и нормами, которые приняты в социуме. В связи с этим встает вопрос о понимании общественных ценностей и норм.

Под ценностями здесь понимаются «представления индивидов или групп людей о том, что желательно, приемлемо, хорошо или плохо. Различия в ценностях являются ключом к пониманию культур. На индивидуальные ценности сильное влияние оказывает специфика данной культуры» [2, с. 348]. Единой системы ценностей в нашем обществе пока не существует в силу целого ряда социально-психологических, экономических, политических и иных причин. Нет единства и среди ученых в понимании этого социального явления, в общественных науках существуют различные точки зрения на сущность ценностей и их функционирование.

Так, В.И. Толстых полагает, что система базовых ценностей исчерпала себя, и это не только общероссийское, это мировое явление. В.Н. Сагатовский утверждает, что в современном мире произошла подмена базовых ценностей, и она является одним из страшных пороков нашего общества. Р.Х. Симонян, разделяя в целом позицию о разрушении понятия ценностей общества, видит одну из причин данного явления в девальвации образования, в том состоянии всеобщей некомпетентности, которое царит в стране [3, с. 134–135; 4]. Полагаем, что девальвация царит и в организации процесса социализации. Он состоит в формировании личности, адекватной обществу, в свою очередь, и общество должно также адекватно вознаграждать своих членов за одобряемые образцы поведения.

Функция социализации в образовательном учреждении любого уровня, и

среднее профессиональное не является исключением, реализуется через образовательный и воспитательный компоненты образовательного процесса. Важный момент обучения и воспитания – установление идентичности личности через ценности и идеалы, усвоенные в процессе социализации. В связи с этим перед образовательной структурой встает вопрос о наличии у личности ценностей, воспринятых еще в школе.

Основное содержание профессионального образования заявлено в самом названии: это, прежде всего, профессиональные компетенции в сфере выбранной профессии, которые потребуются выпускнику учебного заведения при дальнейшем трудоустройстве и формирование определенных качеств, мировоззренческих ориентиров у будущего специалиста. Очевидно, что в современной России рабочие профессии не пользуются особой популярностью у молодежи. Определенная часть студентов считает учебу в СПО не только не соответствующей своим потребностям и способностям, но и непрестижной, тем самым уменьшая или сводя для себя ценность образования к минимуму. Объяснения этому самые разные: от того, что с дипломом СПО невозможно устроиться на работу, до утверждения, что в среднем профессиональном образовании вообще нет необходимости.

Ю. Zubok и В. Чупров на основании данных исследований, осуществленных в первом десятилетии XXI века, делают вывод о стремительном росте негативных отношений к образованию вообще и среднему профессиональному в частности. Особенную тревогу вызывают отрицательные настроения среди юношей в возрасте 18–20 лет, учащихся выпускных классов школ или студентов техникумов, живущих на окраинах мегаполисов или в сельской местности [5, с. 42]. Такое отношение к образованию чаще всего закладывается в семье через мнение родителей о своей профессии.

А.В. Очкина, изучая роль культурного капитала семьи в становлении профессиональной и образовательной карьеры, проанализировав истории профессионального образования и жизни в профессии и с профессией, делает однозначный вывод о том, что «сознательное формирование интереса к профессии, к делу формируется в семье. Это формирует сознательное отношение к выбранной профессии, что способствует более успешному усвоению профессиональных знаний и более эффективной реализации образования» [6, с. 31].

Процесс образования как получение привлекательной профессии требует определенной мотивации, труда и понимания перспектив профессии, связанных с интересом к ней, с ее социальной ценностью. Ориентация же в профессии только на получение благ может обернуться разочарованием, «профессиональным и даже жизненным фиаско» [6, с. 38].

Организованная должным образом воспитательная работа со студентами может способствовать снижению негативных настроений и, как следствие, социальному оздоровлению, включению юношей и девушек в осознанный процесс обучения. Необходимым аспектом функционирования среднего профессионального образования в настоящее время является формирование или удовлетворение уже имеющегося, прежде всего познавательного, интереса, потребностей в личностном развитии и повышении общего уровня культуры обучающихся в колледжах и техникумах.

При организации воспитательной работы в среднем профессиональном учебном заведении следует учитывать процессы расслоения молодежи и ценности разных социальных групп. Сложность в данном случае состоит в том, что, во-первых, воспитательной функции образования не уделялось должного внимания на протяжении последних двадцати лет. Во-вторых, в настоящее время необходимость реализации воспитательного компонента подготовки, осуществляемой в учреждениях СПО, подвергается сомнению.

Так, В.В. Путин предлагает на базе полноценного среднего образования, получаемого в школе, обучать прикладным квалификациям, срок обучения сократить до шести – двенадцати месяцев. «Профлицей и колледжи станут многопрофильными центрами, где проводится обучение широкому набору таких программ, ведь это не только подготовка кадров для экономики, но и важнейший фактор социального развития общества, формирования объединяющих нас ценностей» [7].

Возникает вопрос о том, возможно ли за столь короткий срок воспитать у обучающихся объединяющие ценности, тем более что процесс обучения должен будет спонсироваться бизнесом, который отвергает воспитательную функцию профессионального образования [8]. Отказ государства от воспитательного компонента профессионального образования может нанести непоправимый вред обществу, спровоцировать в недалеком будущем серьезные социальные конфликты.

Студенческий возраст предполагает дифференциацию, кроме того, молодежь вовлечена еще и во всероссийский процесс социального расслоения: «в России наблюдается многократное расширение андеркласса, состоящего из безработных, неполных и многодетных семей с очень низким уровнем жизни» [5, с. 44]. По данным социологических опросов, проведенных Институтом социально-политических исследований, за последние 20 лет выросло поколение, которое ориентируется на две противоположные системы ценностей. Одной присуща система социалистических ценностей, другой – либеральных [5, с. 45]. Как правило, это тесно связано с образом жизни и образованием, которые характерны для каждой из обозначенных групп молодежи.

В социологической науке существует точка зрения, что определенные социальные условия способствуют воспроизводству такой же социальной жизни и формированию особого, свойственного только этому слою общества мировоззрения. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление [5]. Ряд отечественных ученых, анализируя социальный состав студентов СПО, свидетельствуют, что наибольшее количество студентов СПО – это дети рабочих, крестьян, служащих [9, с. 123–124; 10, с. 255]. То есть сами родители чаще всего имеют общее, начальное профессиональное или среднее профессиональное образование, семьи проживают в сельской местности, малых городах и на рабочих окраинах мегаполисов, имеют низкий уровень жизни. Происходит воспроизводство такого же уровня образования и культуры, как у родителей, а, возможно, и жизненного пути. Среди студентов ссузов распространена точка зрения, что от них жизненные обстоятельства не зависят, а раз это так, то и пытаться что-либо изменить бессмысленно.

Образовательное учреждение призвано стимулировать самообразование, приучать к самостоятельному приобретению и совершенствованию знаний и уме-

ний. Успешность человека определяется его общей культурой: уровнем развития мышления, владения родным и иностранным языками, компьютерной грамотностью. В среде же студентов СПО считается зазорным хорошо учиться, но нормальным – пользоваться трудами того, кто хорошо учится. Студенты слабо владеют математическими понятиями, плохо знакомы с русской и зарубежной литературой, историей, географией, иностранными языками, но не стремятся ликвидировать пробелы, а считают многие науки просто бесполезными (философию, математику, психологию, социологию, иностранные языки), следовательно, убеждение в ценности знаний у них не сформировано.

Причина указанных явлений – лабильность сознания, проявляющаяся в отсутствии твердых и четких нравственных ориентиров. Но разрушение прежней социализирующей системы и отсутствие единой воспитательной и образовательной политики современного общества усугубляют негативные явления в молодежной среде.

Таким образом, профессиональное образование, и в частности его социокультурный фактор, имеет первостепенное значение в период трансформаций, обеспечивая толерантность по отношению к изменениям, сохранению традиций и опыта предшествующих поколений, в формировании ценностной системы личности и общества. Ценностные ориентиры, сформированные во время учебы в учреждениях СПО, будут помогать выпускникам в последующей профессиональной, общественной и личной жизни. На государственном уровне важно признать, что среднее профессиональное образование в условиях существующего социального и экономического расслоения людей приобретает особое значение для выходцев из малообеспеченных слоев населения, расширяя их социокультурные, образовательные и социально-адаптационные возможности, обеспечивая не только получение профессии, но и приобщение к ценностям образования и культуры.

Библиографический список

1. *Фирсов Б.М.* Культура и трансформационный процесс // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
2. *Гидденс Э.* Социология / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л. Гурьевой, Л. Посилевича. М., 1999.
3. *Сагатовский В.Н.* Философия развивающейся гармонии: (философские основы мировоззрения): в 3 ч. // Антропология. СПб., 1999. Ч. 3.
4. *Симомян Р.Х.* Непреодолимое искушение социальными миражами. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id>
5. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008.
6. *Очкина А.В.* Социальные механизмы социального воспроизводства культурного капитала семей в провинциальном российском городе // Общественные науки и современность. 2010. № 1.
7. *Путин В.В.* Справедливое устройство общества, экономики – главное условие нашего устойчивого развития в эти годы // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.
8. *Прохоров М.В.* Стенографический отчет о совместном заседании Государственного совета и Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, 31 авг. 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8786>
9. *Константинов А.С.* Динамика жизненных ориентаций выпускников средних школ Архангельска (1985–2005) // Социологические исследования. 2007. № 2.
10. *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М., 2008.

E.S. Smetanina
Sociological Analysis of the Birth
Rate Problem in a Modern
Russian Family

Basic causes of depopulation in modern Russia are considered. Measures to implement the state demographical policy are proposed.

Key words and word-combinations: family, birth rate, causes of depopulation.

Рассматриваются основные причины депопуляции в современной России. Предлагаются меры по реализации государственной демографической политики.

Ключевые слова и словосочетания: семья, уровень рождаемости, причины депопуляции.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

Е.С. Сметанина

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

Россия в последние годы пережила революционные преобразования практически во всех сферах социальной, политической и экономической жизни. В подобных условиях благополучие и социальное самочувствие семьи претерпевали серьезные изменения, причем далеко не всегда позитивные. Многие исследователи утверждают: статус и престиж семьи неуклонно снижаются; происходит размывание социальных норм, определяющих жизненные ориентации; меняется отношение современных людей к семье, браку и рождению детей.

В процессе исторического развития менялись условия жизни, становились иными формы семьи. Современную семью принято называть малой или нуклеарной (от лат. nucleus – ядро). Считается, что нуклеарная семья получила широкое распространение в 30-е годы XX в. Молодые люди стали проживать, как правило, отдельно от родителей, а дети оказались главным богатством такой «стандартной» семьи [1, с. 11]. Процесс развития и изменения семьи как социального института чаще всего связывают с вопросами стабильности общества, видя в ней основное условие трансляции социальных ценностей от поколения к поколению и / или единственную легитимную социальную норму организации сексуальных практик и воспроизводства [2, с. 167].

В последние десятилетия как отечествен-

ные, так и зарубежные исследователи зафиксировали трансформацию устоявшихся представлений о семье, деградацию этических норм, нестабильность и уменьшение численности браков, рост числа нерегистрируемых союзов и неполных семей, преобладание малодетных семей и распространение добровольной бездетности, снижение роли семьи в социализации детей [3; 4, с. 65]. Европейский демограф Дирк ван де Каа, рассуждая о втором демографическом переходе (Second Demographics Transition), сформулировал перечень важнейших изменений в состоянии семьи: переход от «золотого века» брака к конкубинативному (от лат. *concubinatus* – внебрачное сожительство, конкубинат) союзу; переход от пары «ребенок-король с родителями» к паре «королей с ребенком»; переход от контрацепции в целях предохранения к контрацепции как самовыражению; переход от однородного хозяйства к плюралистическим типам семьи и домашнего хозяйства [5].

В научной литературе широкое распространение получил термин «кризис семьи». Как правило, кризис семьи связывают с ухудшением социально-экономической ситуации в стране, материальной необеспеченностью, плохими жилищными условиями, отсутствием развитой семейной инфраструктуры. Но на практике уже давно было замечено: чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем больше семейных проблем возникает в обществе. Так, высокий уровень материального благосостояния не всегда способствует высокой рождаемости. А. Смит и другие представители классической школы в экономике сформулировали закон обратной связи: с увеличением дохода семьи уменьшается число детей [6, с. 266.]. Таким образом, проблемы семьи не всегда следует связывать с трудными социально-экономическими условиями; актуальным становится вопрос изменения ценностных установок и нравственных ориентиров современного человека.

Система ценностей в современном обществе выделяет прежде всего личные достижения, индивидуальную свободу, право на самореализацию, профессиональный рост. По этой причине создание семьи и рождение детей молодежь сегодня откладывает, как правило, на более поздний период. В сложившихся условиях приемлемыми становятся так называемые альтернативные формы семьи (гостевой брак, пробный брак, открытый брак, сожительство, фиктивный брак), которые получают все большее распространение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из общего числа супружеских пар 13% (4,4 млн) состоят в незарегистрированном браке, тогда как в 2002 г. этот показатель был равен 9,7% (3,3 млн) [7, с. 5].

В России, в отличие от развитых стран Западной Европы и США, речь идет скорее об откладывании официального брака, чем о полном его игнорировании. Проводимые исследования свидетельствуют о том, что свыше половины опрошенных в возрасте до 25 лет полагают, что перед регистрацией первого брака следует «пожить вместе» год-два и проверить свои чувства [8, с. 3].

Широкое распространение альтернативных форм семьи и лояльное отношение к ним в обществе приводят к сокращению числа браков, легкости их расторжения, падению рождаемости, малодетности, росту внебрачной рождаемости – все это оказывает негативное влияние на демографическую ситуацию в стране.

Современная семья становится все чаще однодетной, что приводит к паде-

нию простого воспроизводства населения. С 1992 г. в России началась депопуляция (преобладание смертности над рождаемостью), наиболее выраженная в центральных и западных областях [9, с. 58]. По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости² – число детей в расчете на одну женщину – в 2011 г. составил 1,61, что значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,15) [10].

Традиционно низкий уровень рождаемости связывают с тяжелыми материальными условиями жизни современной семьи. Казалось бы, создав необходимые условия (льготы, пособия, единовременные выплаты и пр.), государство обеспечит тем самым естественный прирост населения. Но меры экономического стимулирования не принесли ожидаемых результатов ни в одной стране. Падение рождаемости происходит не только в условиях экономического кризиса, но и в условиях экономического подъема. В 2006 г. заведующий сектором Института социологии РАН В. Мукомель высказал мнение, что «и зарубежный, и советский опыт демонстрирует: попытки материально стимулировать рождаемость вызывают отклик либо у маргинальных групп населения, либо у представителей этнических групп, которые и так образуют многодетные семьи; для среднего класса это не мотивация...» [11].

Таким образом, результатом экономического стимулирования становится лишь непродолжительный эффект от увеличения рождаемости, что не в состоянии изменить демографическую ситуацию в долгосрочной перспективе. По мнению британского демографа М. Саттеруэйт, «меры вроде единовременных постановлений правительства по стимулированию рождаемости подвигнут женщин, откладывающих рождение одного или двоих детей по причинам финансовой неустроенности, завести их уже завтра, но это вряд ли как-то отразится на конечном количестве детей, ими рожденных» [12].

Распространена точка зрения, что уровень рождаемости связан с особенностями культуры в обществе, где на первое место ставят семейные ценности. Вместе с тем на практике это мнение не получило весомого подтверждения. Исследователи отмечают, что чрезвычайно низкий уровень рождаемости может сочетаться с чрезвычайно сильной ориентацией на крепкую семью [13].

Большое значение в оценке репродуктивного поведения современной семьи имеет социально-психологический показатель потребности в детях. Если раньше потребность в детях была достаточно высокой и помимо социально-психологической мотивации имела экономическую, то сегодня система пенсионного обеспечения возложила на себя функцию обеспечения старости, что уменьшает заинтересованность семьи в наличии большого количества потомков. Таким образом, из экономической «прибыли» большая семья превращается в экономические «потери». Подавляющее большинство многодетных семей имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, обременены существенными жилищными проблемами. Отношение общества к многодетным семьям зачастую негативное, а попытки государства повысить престиж многодетности сводятся на нет. За последние десятилетия желаемое количество детей в семье сильно сократилось сначала

до двух детей; позже во многих семьях стал желателен только один ребенок, а некоторые семьи не хотят иметь детей (сообщества чайлдфри от англ. *childfree* – свободный от детей, бездетный; *childless by choice* – добровольная бездетность). В целом малодетную семью в качестве идеальной для себя модели определяют сегодня 70,2% городских семей и 57,1% – сельских [14, с. 96].

Количественное несоответствие между мужчинами и женщинами представляется одной из причин низкой рождаемости в России и Западной Европе. В странах, где численность мужчин выше, чем численность женщин (Китай, Индия, Республика Корея, Узбекистан, Таджикистан), наблюдается стабильный положительный прирост населения [15]. В России, по данным переписи 2010 г., на 1000 мужчин приходится 1162 женщины [10]. Множество женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) обречены на одиночество; их возможности завести семью, рожать детей и воспитывать их в полной семье резко снижены. Численное преобладание женщин увеличивает вероятность развода, ведет к росту числа внебрачных рождений, неполных семей.

Существует определенная зависимость рождаемости от уровня образования женщин. Все страны с высоким образовательным уровнем у женщин имеют низкие показатели рождаемости, и наоборот, в странах – лидерах по рождаемости живет в большинстве своем неграмотное население.

Одной из косвенных причин низкой рождаемости называется распространение доступных средств контрацепции. Существует точка зрения, согласно которой сегодня ведется своеобразная война против населения с целью отстаивания геополитических и экономических интересов. Еще в 1974 г. госсекретарь США Г. Киссинджер направил в силовые и другие ведомства США запрос о влиянии роста мирового народонаселения на безопасность и международные интересы США. В появившемся секретном (ныне преданном гласности) меморандуме Совета по национальной безопасности США утверждалось: «Быстрый рост населения в развивающихся странах... создаст политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США... Нужно распространение служб планирования семьи для продвижения простых, дешевых, эффективных, безопасных и продолжительно действующих и приемлемых методов предупреждения беременности... Это жизненно важный аспект для любой программы по контролю за мировым народонаселением» [16].

Вызывает опасение ухудшение экологической ситуации и рост числа бесплодных пар. Ежегодно в России увеличивается число бесплодных женщин.

Проблема падения престижа традиционного брака также не способствует увеличению количества детей в семье. Антисемейная идеология «живет и побеждает», потому что она проще и легче усваивается на животнo-инстинктивном уровне; когда подрастающему поколению пропагандируется «свободная любовь» без обязательств, когда брак рассматривается как нечто обременительное, а рождение детей – материально и морально затруднительное. Данная информация ежедневно рекламирует с экранов телевизоров, в сети Интернет и других СМИ все «прелести» гедонистического образа жизни, в рамках которого семья с ее сложностями представляется второсте-

пенным, а порой и ненужным элементом. Многие рекламные кампании нацелены на холостяцкий образ жизни. Приобретение дорогой одежды, новейших технических достижений, посещение дорогостоящих клубов – все это может позволить себе свободный от семейных забот человек.

Дети, особенно подростки, впитывают демонстрируемые современными СМИ ценности на подсознательном уровне и воспринимают их как норму жизни. Вот почему родители, а в определенной степени и общественность, должны оградить подрастающее поколение от пагубного влияния. С 1 сентября 2012 г. вступил в силу Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно которому нежелательные для просмотра детей телевизионные передачи должны отмечаться специальным знаком, но одного этого явно недостаточно [17, с. 48]. Главная ответственность ложится все-таки на родителей за то, какие духовные ценности они прививают своим детям.

Таким образом, причин низкой рождаемости существует достаточно много. Разовых мер по стимулированию рождаемости явно недостаточно – необходим комплексный подход и разработка мер социальной политики, в том числе создание необходимых условий для рождения и воспитания здорового поколения. У молодой семьи должны быть потребность, желание и возможности для рождения детей. Затраты, связанные с реализацией политики, направленной на поддержку семьи, будут компенсированы в будущем, поскольку затраты, связанные с депопуляцией и старением населения, значительно снизятся.

В настоящее время отмечаются устойчивые тенденции вырождения населения страны, тогда как для решения государственных задач необходима обратная тенденция. Такая тенденция может возникнуть и прогрессировать только в условиях социально здорового общества, в котором институт семьи занимает особое место и служит важнейшим приоритетом в стратегических планах реализации государственной идеологии.

Библиографический список

1. Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1. С. 5–26.
2. Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 166–176.
3. Дармодехин С.В. Семья и государство // *Мониторинг социально-экономического потенциала семей*. 2000. № 3.
4. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // *Социс*. 2004. № 5. С. 65–73.
5. Dirk J. van de Kaa. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. Washington D.C., 1987. Vol. 42, № 1.
6. Медков В.М. Демография. М., 2004.
7. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // *Вопросы статистики*. 2012. № 2. С. 3–9.
8. Архангельский В.Н., Антонова О.И., Никитин С.Ю. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» // *Вопросы статистики*. 2006. № 10. С. 3–5.

9. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 58–65.
10. URL: <http://www.gks.ru>
11. Профессия – мать // *Итоги*. 2006. 9 окт.
12. *Самтеруэйт М.* Россия, застрявшая в переходе // *Эксперт*. 2006. № 35.
13. *Castles F.G.* The world turned upside down: below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries // *Journal of European Social Policy*. 2002. Vol. 13 (3).
14. *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // *Социс*. 2003. № 7. С. 92–100.
15. *Москаленко А.С., Белогуров Д.Д.* Причины демографического кризиса в России и пути его преодоления // *Экономическая наука и практика: мат-лы междунар. заоч. науч. конф.* Чита, 2012. С. 180–182.
16. *Медведева Н.Я., Шишова Т.Л.* Спецмиссия антихриста. М., 2009.
17. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ // *СЗ РФ*. 2011. № 1.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.N. Krakhmalov
Municipal Employees' Work
Efficiency Assessment

The essence and the criteria of municipal administration efficiency are considered. The author's classification of approaches to the development of criteria and indicators of municipal employees' work efficiency assessment is given.

Key words and word-combinations:
labour, municipal employee, efficiency.

В статье рассматривается сущность и критерии эффективности муниципального управления. Дается авторская классификация подходов к разработке критериев и показателей оценки эффективности труда муниципальных служащих.

Ключевые слова и словосочетания:
труд, муниципальный служащий, эффективность.

УДК 331
ББК 65.241

А.Н. Крахмалов

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В условиях реформирования российской государственности и становления системы местного самоуправления первостепенное значение для муниципальных образований приобретает проблема объективной оценки и повышения эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления, способных профессионально решать вопросы местного значения.

Вопрос оценки эффективности профессиональной деятельности муниципальных служащих является достаточно сложным, так как в этом случае необходимо иметь четкое представление о степени соответствия достигнутых результатов поставленным целям, задачам муниципального управления и принятым управленческим решениям.

Множество подходов к изучению эффективности, с одной стороны, подчеркивает важность разрешения проблемы ее достижения, с другой стороны – способствует определению ее сущности.

По мнению В.Н. Парахиной и Л.И. Ушвицкого, эффективность в общем виде – «ре-

зультативность чего-либо (производства, управления, труда). Чаще всего эффективность оценивается на качественном уровне и выражается динамикой объемных и качественных показателей: производства продукции, товарооборота, издержек производства и обращения, прибыли и других, отражающих результаты деятельности коллектива предприятия в целом» [1, с. 383]. С точки зрения Б.М. Генкина, «в практической деятельности эффективность часто употребляется как синоним результативности» [2, с. 156]. Ясно, что четкое разграничение понятий «эффективность» и «результативность» в приведенных определениях не представлено.

С нашей точки зрения, эффективность представляет собой соответствие полученных результатов поставленным целям и задачам деятельности, а результативность – это результаты труда, которые могут быть запланированными или незапланированными, то есть позитивными или негативными. Следовательно, труд может быть неэффективным, но результативным; с позиции эффективности поставленные цели могут быть не достигнуты, но определенный результат будет получен в любом случае.

В дальнейшем под эффективностью труда муниципальных служащих понимаются положительные, то есть запланированные результаты деятельности, соответствующие целям и задачам муниципального управления.

В.Б. Зотов полагает, что эффективность муниципального управления невозможно оценить каким-либо одним показателем; ее следует определять с учетом экономической и социальной эффективности, где «экономическая эффективность – количественная оценка отношения эффекта к затратам, а социальная эффективность – качественная оценка деятельности, выражающая соответствие цели органа власти потребностям населения» [3, с. 443].

А.И. Радченко считает, что в научной литературе по управлению в социально-экономических системах эффективность целесообразно рассматривать с точки зрения эффективности самой социально-экономической системы (широкая эффективность) и с позиций подсистемы управления (узкая эффективность) [4, с. 207].

Проблема обеспечения эффективной деятельности муниципальных служащих обусловила наличие нескольких подходов к определению эффективности труда муниципальных служащих, в том числе следующие:

1. Подход, опирающийся на систематическую цепочку «затраты – результаты». Характерной особенностью данной модели является выделение затрат и результатов, фактически полученных с помощью имеющихся ресурсов, и максимальных результатов, которые можно было бы получить с их помощью [5]. Данный подход имеет недостаток, связанный с тем, что на практике при попытках связать объем полученных результатов с объемом затрат возникают многочисленные проблемы и сложности, вызванные, в частности, количественным определением объема затрат ресурсов, способов их измерения и оценки [6, с. 198].

2. Подход, предполагающий тесную взаимосвязь эффективности труда муниципальных служащих и муниципального управления с государственным управлением; тогда эффективность муниципального управления может измеряться по тем же критериям, что и государственного управления [7].

3. Подход, согласно которому эффективность труда муниципальных служа-

щих определяется с точки зрения достижения «общественных целей» [8]. Опыт доказал разумность такого подхода, ибо он позволяет формулировать критерии эффективности на основе идентификации типичных целей органов местного самоуправления [9].

Несмотря на разные подходы к разработке критериев и показателей оценки эффективности труда муниципальных служащих, они обязательно предполагают сопоставление полученного результата с затраченными средствами и поставленными целями муниципального управления. Подобная структура оценки труда муниципальных служащих связана с использованием программно-целевого подхода в управлении муниципальными образованиями Российской Федерации, что предполагает описание целей и содержательную структуризацию задач, выступающих в роли движущих сил механизма управления социально-экономическим развитием местной территории. Подобного рода структуризация формирует ряд взаимосвязанных блоков, которые согласно логической формуле программно-целевого планирования «цели – средства – результат» сосредоточены на достижении основной цели, что позволяет оценить эффективность и отдельный вклад в управление органов и должностных лиц местного самоуправления.

Результаты труда муниципальных служащих детерминируют эффективность всей системы муниципального управления, по результатам которой можно косвенно оценить уровень эффективности труда муниципальных служащих по степени достижения целей аппарата управления муниципального образования.

Эффективность труда муниципальных служащих будет определяться конечными результатами профессиональной деятельности через систему косвенных показателей, например развития соответствующей территории муниципального образования, уровня и качества жизни населения, потому что они представляют собой основные индикаторы оценки деятельности всей системы муниципального управления.

Теоретическая неразработанность критериев оценки эффективности муниципального управления обусловила отсутствие необходимых нормативов оценки эффективности труда муниципальных служащих. В свою очередь именно критерии оценки труда муниципальных служащих содержат в себе глубокие резервы и возможности повышения его эффективности, следовательно и возможности комплексного социально-экономического развития муниципального образования, способствующего созданию необходимых условий роста благосостояния и качества жизни населения. Резервы повышения эффективности муниципального управления заключаются в особенностях и самом характере труда муниципальных служащих, а также в людях, занимающих должности муниципальной службы.

Нормативно-правовой основой оценки эффективности муниципального управления и труда муниципальных служащих является Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [10] и распоряжение Правительства РФ «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов”» [11], которым был утвержден

перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, включающий 53 группы показателей.

Основное внимание в данных нормативно-правовых актах уделено показателям, зависящим от деятельности органов местного самоуправления и характеризующим качество жизни населения, степень внедрения новых методов и принципов управления.

В области оценки эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления существует ряд проблем.

Значения указанных показателей рассчитываются как процент от числа опрошенных лиц. С одной стороны, оценка деятельности органов местного самоуправления на основе информации, полученной непосредственно от жителей муниципального образования, призвана повысить объективность анализа деятельности органов местного самоуправления. С другой стороны, не создан пока механизм, способный обеспечить достоверность результатов опроса [12].

Использование системы показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и труда муниципальных служащих позволяет сделать вывод о наличии некоторой разобщенности между показателями и полномочиями органов местного самоуправления. Например, число случаев смерти до 65 лет или удельный вес лиц, сдавших единый государственный экзамен, от числа выпускников муниципальных общеобразовательных учреждений не находятся в прямой зависимости от действий органов местного самоуправления [12]. Следовательно, ряд показателей носят исключительно информационный, статистический характер и зависят от системы внешних факторов.

Муниципальные образования обладают различным ресурсным и инфраструктурным потенциалом, разным географическим положением, что вызывает сомнение в объективности оценок и сложности в достижении нормативов.

В свою очередь, Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» не предусматривает каких-либо мер ответственности руководителей органов местного самоуправления за уровень тех или иных показателей, так как на них влияет множество внешних факторов. Более того, Указом рекомендовано органам исполнительной власти субъектов РФ выделять из своих бюджетов гранты городским округам и муниципальным районам в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших показателей деятельности органов местного самоуправления. По статусу органов местного самоуправления они несут ответственность перед государством лишь за нарушение законодательства или своих обязательств по переданным государственным полномочиям, а за результаты своей деятельности по решению вопросов местного значения отвечают только перед избравшим их населением [13, с. 14].

Несмотря на то, что представленная нормативная методика оценки отражает отдельные аспекты деятельности муниципальных образований, она не охватывает весь круг предметов ведения и полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, минимально характеризует оценку роста жизненного уровня населения, не учитывает специфики социально-экономического развития конкретных муниципальных образований, имеющих различный потен-

циал роста. В целом данная методика оценки эффективности муниципального управления и труда муниципальных служащих является достаточно сложной и применяется на практике для оценки деятельности органов местного самоуправления только городских округов и муниципальных районов, усредняя или вовсе не учитывая значения и показатели деятельности органов и должностных лиц городских и сельских поселений.

В связи с этим актуальной представляется задача систематизации и разработки системы критериев оценки эффективности муниципального управления и труда муниципальных служащих для конкретных муниципальных образований всех видов, обладающих специфическими особенностями с учетом указанных регламентированных критериев и показателей оценки.

Поскольку деятельность муниципальных служащих направлена на реализацию комплекса мер, связанных с социально-экономическим развитием муниципального образования, удовлетворением потребностей и обеспечением роста качества жизни местного населения, то выделить однозначно экономические и однозначно социальные результаты их труда невозможно. Поэтому при оценке эффективности труда муниципальных служащих предлагаем определять экономические и социальные критерии широкой эффективности, связанные с реализацией достижения поставленных целей муниципального образования, и узкой эффективности, характеризующие достижение целей органов местного самоуправления.

Учет *широкой социальной эффективности* органов местного самоуправления предполагает оценку результатов труда муниципальных служащих по степени достижения основной цели территориального образования. В качестве такой цели может рассматриваться создание условий достойной жизни, ее производство и воспроизводство, а также свободное развитие человека [4, с. 436] посредством расчета показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере здравоохранения, общего и дополнительного образования, организации муниципального управления, дошкольного образования, физической культуры и спорта.

За общий критерий оценки *широкой экономической эффективности* труда муниципальных служащих необходимо принимать максимальный результат на единицу расхода или минимальный расход на единицу результата, например эффективность предоставления муниципальных услуг. Конкретное количественное выражение критерий обретает с помощью системы показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере экономического развития и жилищно-коммунального хозяйства.

Учет *узкой социальной эффективности* органов местного самоуправления предусматривает оценку результатов труда муниципальных служащих по степени достижения цели органа муниципального управления.

Критерий *узкой экономической эффективности* системы муниципального управления характеризует анализ экономии затрат, связанных с максимизацией конечного эффекта управленческого труда муниципальных служащих при минимальных затратах на содержание управленческого аппарата.

Таким образом, ключевые критерии оценки эффективности труда муниципальных служащих необходимо рассматривать в широком и узком смысле.

Широкая эффективность характеризует значения функционирования системы муниципального управления по экономическим и социальным параметрам развития территории муниципального образования в целом. Узкая социальная и экономическая эффективность определяет основные параметры функционирования подсистемы аппарата муниципальной службы с точки зрения достижения конкретных профессиональных целей деятельности муниципальных служащих и администрации муниципального образования, соотношение затрат и результатов, связанных непосредственно с их деятельностью.

Именно подобный подход позволяет учесть системный характер оценки труда муниципальных служащих, исходящий из позиции определения муниципальной службы как подсистемы, неразрывно связанной с системой муниципального управления и показателями ее функционирования, что повышает ответственность отдельных должностных лиц органов местного самоуправления за результаты их конечной профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Парахина В.Н., Ушвицкий Л.И. Основы теории управления: учеб. пособие. М., 2004.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учебник для вузов. 6-е изд., доп. М., 2006.
3. Зотов В.Б. Система муниципального управления: учебник для вузов. 4-е изд. СПб., 2008.
4. Радченко А.И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.; Ростов н/Д, 2007.
5. Ridley C., Simon H. Measuring Municipal Activities. ISMA: Chicago, 1938. P. 3.
6. Батчиков С.А., Глазьев С.Ю. Эффективность государственного управления / пер. с англ. М., 1998.
7. Атаманчук Г.В. Система государственного и муниципального управления: учебник. М., 2005.
8. Duncan R. Characteristics of Organizational Environments and Perceived Environmental Uncertainty// Administrative Science Quarterly. 1972. № 17.
9. How Effective are Your Community Services? / H.P. Hatry [et al.]; Urban Institute Press and International City Management Association. Washington, 1977.
10. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 28 апр. 2008 г. № 607 (в ред. от 13 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.
11. О реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»: распоряжение Правительства РФ от 11 сент. 2009 г. № 1313-р (в ред. от 13 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 2008. № 39. Ст. 4455.
12. Ежукова О.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.
13. Бабун Р.В. Современные проблемы местного самоуправления и задачи АСДГ // Вопросы местного самоуправления. 2008. № 3.

D.V. Fedorov
Comparative Analysis
of Approaches to the Formation
of Energy Policy Areas and
Energy Markets Models: Foreign
Experience in Management

The comparative characteristics of energy policy in the world context by five designed criteria are given. Models of energy markets are analyzed, and their similarities and distinctive features are highlighted.

Key words and word-combinations: energy policy, energy markets models, competition, monopoly.

Дается сравнительная характеристика энергетической политики в мировом разрезе по пяти сформированным критериям. Анализируются модели энергетических рынков, выделяются их сходные и отличительные признаки.

Ключевые слова: энергетическая политика, модели энергетических рынков, конкуренция, монополия.

УДК 338(100):338.45:621.38(4/9)
ББК 65.5:65.305.142(4/8)

Д.В. Федоров

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ НАПРАВЛЕНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И МОДЕЛЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЫНКОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

По оценке специалистов Международного валютного фонда (МВФ), в последние два года тенденция потребления энергии в развитых странах была стабильно одинаковой или уменьшалась [1]. Этому способствовало, в частности, глобальное падение темпов роста мировой экономики. В 2011 г. потребление первичной энергии в странах ОЭСР выросло на 3,5%, аналогичные темпы роста были зафиксированы десять лет назад. Потребление первичной энергии в странах, не входящих в ОЭСР, выросло на 7,5%. При этом развивающиеся страны, во главе которых – страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), характеризуются снижением потребления энергии на единицу ВВП, а общий спрос на энергию интенсивно увеличивается, несмотря на постоянный риск замедления роста мировой экономики в целом.

Указанные тенденции обуславливают дифференциацию в характеристике перспектив развития экономик в мировом масштабе. Данные различия прослеживаются также и в энергетической политике, внедряемой правительствами каждой из стран. Детерминация основных приоритетов развития энергетической политики государства зависит от

ряда факторов – ресурсной составляющей, роли государственного регулирования в развитии энергетической отрасли, корпоративного устройства и степени диверсификации энергокомпаний и т.д.

На основании отмеченных характеристик предлагается рассмотреть энергетическую политику в различных странах мира с целью выделения общих или отличительных особенностей, принимая во внимание возможности использования зарубежного опыта в отечественной практике.

Для проведения анализа были сформулированы следующие критерии оценки энергетической политики в отдельных странах мира:

1. *Характеристика корпоративного устройства.* Учитывает существование на рынке одной компании-монополиста или множества отдельных компаний, функционирующих только по одному направлению (генерация, передача, распределение энергии).

2. *Уровень диверсификации энергокомпаний.* Самый высокий уровень диверсификации означает, что энергокомпании (ЭК) страны производят электроэнергию всех видов (АЭС, ГЭС, ТЭС). При этом низкий уровень диверсификации характеризует узкоспециализированную функциональность отрасли.

3. *Направление деятельности энергетического сектора.* Показывает деятельность энергокомпаний в одной области энергетики или участие посредством приобретения активов во всех сегментах энергетического рынка.

4. *Принцип территориального разграничения.* В некоторых странах отмечается четкое разделение деятельности зон охвата энергокомпаний на основе принципа территориальности. Однако случается, что базовые зоны размыты по причине покрытия энергокомпаниями других районов. В этом случае следует фиксировать процесс сужения базовых зон.

5. *Государственное регулирование отрасли.* Характеризуется степень участия государства в регуляторных направлениях энергетической политики; отмечается соотношение частных и государственных компаний в стране.

На основе указанных критериев проведен сравнительный анализ мирового опыта реализации энергетической политики. Исследование доказало дифференцирование направлений и акцентов энергетической политики в разных странах мира, обусловленное в главной степени различным уровнем государственного регулирования отрасли, что и послужило причиной формирования ряда моделей энергетических рынков [2].

Во-первых, это *регулируемая естественная монополия* (отсутствие конкуренции). Здесь присутствуют вертикально интегрированные энергокомпании, охватывающие все сферы производства, транспорта, распределения и сбыта электроэнергии. Энергетическая политика на таком рынке полностью зависит от государства, однако есть риски лоббирования интересов компаний-монополий.

Во-вторых, это *модель «Единый покупатель»* (закупочное агентство). На таком рынке сфера производства разделяется на несколько электрогенерирующих компаний (ЭГК), которые начинают конкурировать друг с другом за поставки электроэнергии общему закупочному агентству. Последнее охватывает сферы транспорта, распределения и сбыта электроэнергии, оставаясь монополистом в отношении потребителей, в результате чего регулируется государством.

Энергетическая политика здесь направлена на регулирование отношений между участниками рынка посредством законодательного обеспечения их отношений.

В-третьих, это *конкуренция на оптовом рынке*. В данном случае сфера транспорта электроэнергии выделяется в самостоятельную регулируемую транспортно-сетевую компанию. Происходит дробление сфер распределения и сбыта электроэнергии по территориальному признаку, после чего образуются несколько распределительно-сбытовых компаний (РСК), монопольно обеспечивающих потребителей на своей территории. Организуется оптовый рынок электроэнергии с администрацией торговой системы, на котором конкурируют ЭГК и РСК. При этом государственное регулирование оптовых цен не происходит. Создается также независимый системный оператор, осуществляющий оперативно-диспетчерское управление. Ценообразование и регулирование на подобном рынке становятся прерогативой государства.

В-четвертых, это *конкуренция на оптовом и розничном рынках*. В этом случае существует дополнительное разделение сферы распределения и сбыта электроэнергии, когда образуются регулируемые распределительные компании (по территориям), а также множество независимых сбытовых компаний. Организуются также розничные рынки электроэнергии, где конкурируют друг с другом сбытовые компании (покупают электроэнергию на оптовом рынке) и потребители. На таком рынке прекращается регулирование розничных цен. Направления энергетической политики сосредоточены в сфере контроля и лицензирования деятельности энергетического сектора, а также экологического мониторинга.

Обычно «рынком» называют только последние две модели. Первые две являются регулируемыми рынками, остальные – конкурентными. Регулируемые рынки удобны для потребителей электроэнергии, поскольку в их рамках не допускается использование производителями монопольной власти и тарифы устанавливаются на уровне средних затрат производителей (по всей энергосистеме).

Конкурентные рынки, наоборот, выгодны производителям электроэнергии, поскольку они освобождаются от регулирования. Кроме того, на оптовом конкурентном рынке формируются такие равновесные цены, которые выше средних издержек производства в целом по системе.

В разных странах мира в тех или иных разновидностях реализованы все виды рынков: например, регулируемая монополия – в Японии, Франции, в некоторых штатах США; рынок «Единый покупатель» – в Южной Корее, Китае, Северной Ирландии, Мексике; конкурентные рынки – в Англии, Скандинавских странах, Австралии, в ряде штатов США.

Несмотря на указанные различия в организации рынков, электроэнергетика является наиболее важной отраслью любого государства, поскольку обеспечивает его экономическую и энергетическую безопасность. В связи с этим независимо от формы управления экономикой (плановой или рыночной), от преобладания видов собственности и степени дерегулирования рынка государство всегда участвует в управлении данной отраслью.

Наряду с данными особенностями энергетической политики многих промышленно развитых стран можно выделить и их общие черты в соответствии со сформулированными ранее критериями оценки.

Во-первых, большинство энергетических компаний являются акционерными обществами, но существуют страны, где они полностью находятся в управлении государства. При этом генерирующие ЭК чаще находятся в собственности государства, что связано с обеспечением энергетической безопасности. Структура управления интегрированных холдингов строится на основе бизнес-единиц. Тенденции по слиянию и поглощению, которые сопровождаются риском монополизации отрасли, нивелируются жесткостью антимонопольного законодательства.

Во-вторых, в отношении диверсификации можно сделать вывод, что в единой корпоративной структуре крупной ЭК промышленно развитых стран сочетаются мощности тепловой, атомной и гидроэнергетики. Это необходимо для обеспечения конкурентоспособности отрасли в долгосрочном периоде, поскольку аккумулируется управление мощностями, их износом, а также оптимизируется стоимость электроэнергии за счет регулирования нагрузки мощностей.

В-третьих, практически во всех промышленно развитых странах концептуально признается необходимость разделения конкурентной деятельности по производству и продаже электроэнергии и естественно-монопольной деятельности по ее передаче (системный оператор) и распределению (диспетчер). При этом в соответствии с законодательством требуется не столько переход права собственности на соответствующие активы, сколько возможность передачи управляющих активов посредством лизинговых операций (передача магистральных линий в доверительное управление).

В-четвертых, общей чертой энергетической политики промышленно развитых стран является наличие базисных регионов, где сконцентрированы основные мощности, а также вторичных регионов, агрегирующих зоны обслуживания, которые всегда шире зон расположения мощностей. Такой принцип «базисного охвата» в сочетании с принципом «вторичного расположения» был сформирован по причине экономической эффективности, а также необходимости укрепления энергетической безопасности страны.

В-пятых, большая часть энергетических компаний (даже имеющие в своей структуре АЭС и ГЭС) находятся в частной собственности, однако возможна миноритарная доля государства, осуществляющего свои контрольные и регулирующие функции не на правах собственника компании. Реализация вопросов обеспечения энергетической безопасности, предотвращения монополизации генерирующих компаний, регулирования естественно-монопольного сегмента по передаче и распределению электроэнергии в развитых странах осуществляется путем разработки и внедрения комплексной энергетической политики, формирования развитой системы законодательства в области регулирования и лицензирования энергетической деятельности, контроля по его соблюдению и посредством создания системы преимущественно экономического, нежели административного регулирования.

Агрегируя весь исследовательский спектр проведенных работ по изучению специфики энергетической политики в разных странах мира, следует отметить, что, несмотря на наличие многих общих характеристик, каждая страна имеет свои национальные отличия. При этом для развитых стран, активно внедряющих политику либерализации и дерегулирования рынка, данные особенности

не имеют решающего значения или слабо выражены. Исключение составляет Франция, энергетическая политика которой существенно специфична.

В тех странах, энергетический сектор которых находится на стадии реформирования (Китай, Корея, Россия), векторы трансформации направлены на сближение их энергетических политик с моделью промышленно развитых государств.

Для России на стадии трансформации существует необходимость государственного объединения всех видов энергетической деятельности, что обусловлено общей спецификой энергетического сектора, диктующей выбор единых принципов обеспечения устойчивого развития энергетической политики. Кроме того, с точки зрения общественных интересов, которые представляет государство, решение проблем только в отдельно взятом сегменте энергетического цикла или на одной из стадий обслуживающих процессов не позволит достигнуть эффективности как самого процесса государственного регулирования, так и энергетического сектора в целом.

Библиографический список

1. Перспективы развития мировой экономики: возобновление роста, сохранение рисков: докл. Международного валютного фонда (апрель 2012 г.). URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2012/01/pdf/texttr.pdf>
2. Хант С., Шаттлуорт Г. Конкуренция и выбор в электроэнергетике. М., 2010.

V.P. Gorbachev
**Directions to Increase
the Efficiency of Human
Resources Use
in an Organization**

Ways to implement of the value concept in the management of investments in human capital are characterized. Recommendations for the improvement of human resources use in an organization are given.

Key words and word-combinations: efficiency, investments, human resources, value approach.

Характеризуются пути реализации стоимостной концепции в области управления инвестициями в человеческий капитал. Приводятся рекомендации по повышению эффективности использования человеческих ресурсов организации.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность, инвестиции, человеческие ресурсы, стоимостной подход.

УДК 658.310.9
ББК 65.291.6

В.П. Горбачев

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ОРГАНИЗАЦИИ

В современных условиях развития отечественной экономики вопрос управления инвестициями в человеческий капитал становится все более актуальным. Прежде всего это связано с ужесточением конкурентной борьбы на внутренних и внешних рынках, обусловленной рядом причин. Среди них наиболее значимой является исчерпание источников экстенсивного экономического роста

(высокие и стабильные цены на нефть, девальвация национальной валюты). Кроме того, серьезный фактор риска усиления конкурентной борьбы – вступление России во Всемирную торговую организацию, сопряженное с появлением на отечественном рынке в большом количестве зарубежных товаров, превосходящих российские по соотношению «цена – качество».

Таким образом, для отечественных предприятий единственным путем дальнейшего развития является интенсификация производства на основе инновационных технологий. Однако возможности решения подобной задачи достаточно ограничены, что обусловлено физическим и моральным износом основных производственных фондов и отсутствием благоприятного инвестиционного климата, инфраструктурными проблемами, отсутствием эффективных государственных программ развития промышленности. Отечественная экономика несет бремя организаций бюрократического типа, доставшихся ей в наследство от планово-экономической модели советского периода, которые не способны динамично адаптироваться к быстро меняющейся внешней среде ввиду наличия большого числа уровней иерархии.

При этом у отечественных предприятий не так много материальных и финансовых ресурсов повышения конкурентоспособности. Наиболее перспективным источником конкурентных преимуществ является человеческий капитал, эффективное использование которого – необходимое условие совершенствования всех остальных составляющих потенциала организации.

Воздействие глобального экономического кризиса привело к резкому сокращению инвестиций в человеческий капитал, а также к высвобождению персонала, что далеко не всегда ведет к улучшению деятельности организаций. В подобных условиях наиболее актуальными представляются подходы, в рамках которых проводится оптимизация инвестиций в человеческий капитал, вовсе не означающие их сокращение или ликвидацию.

Анализ показывает, что во множестве случаев предприятия отказываются от необоснованных инвестиций в персонал в пользу методик, учитывающих экономический эффект от мероприятий по развитию кадров. Так, ряд японских фирм (Toyota, Canon), традиционно исповедующих философию управления персоналом как основополагающую в корпоративном менеджменте и, соответственно, отводящие главенствующую роль вложениям в развитие кадров, постепенно начинают отдавать предпочтение стоимостным подходам [1, с. 17].

Однако принятие решений об осуществлении инвестиций в человеческий капитал только на основе оценки соотношения приносимого ими эффекта и затрат также не является обоснованным. Так, А.Ф. Лысков считает, что «авторами такого подхода не принимаются во внимание уникальные свойства человеческого капитала. Решение об инвестировании в человеческий капитал не может приниматься лишь на основе оценки и сопоставления материальных выгод инвестирования. Основное свойство человеческого капитала, которое упускается из виду, – его самоопределяющая способность» [2, с. 46]. Иными словами, поскольку приоритетность инвестиций в человеческий капитал определяется тем, какие цели перед собой ставит персонал, при принятии решения следует учитывать социальный эффект, производимый вложениями в развитие кадров.

В связи с этим управление инвестициями в персонал должно переориентироваться на поиск оптимальной структуры затрат на развитие кадров, которая обеспечивала бы не только текущие кадровые бизнес-процессы и приращение человеческого капитала, но и экономическую эффективность инвестиций. Одним из приоритетных способов решения данной задачи, по мнению М.В. Гальцова, является «развитие бюджетирования расходов на персонал, подкрепленного контроллингом за использованием средств и аудитом качества человеческих ресурсов» [3, с. 3].

В современных условиях для предприятий большое значение приобретают стоимостно-ориентированные подходы, в рамках которых производится установление связи между направлениями расходов на развитие персонала и экономическими результатами деятельности организации. При этом приоритетным является решение ряда задач.

Во-первых, оценка затрат на персонал по всем категориям работников, что позволяет выявить неэффективные направления финансирования в области инвестиций в человеческий капитал в разрезе подразделений предприятия, так или иначе принимающих участие в управлении человеческими ресурсами организации.

Во-вторых, определение наиболее эффективных путей инвестирования при учете степени развития трудового потенциала работников и рисков капиталовложений.

В-третьих, разработка методик оценки результативности вложений в человеческий капитал, соответствующих современным условиям модернизации экономики и инновационного развития отечественных предприятий.

В наиболее общем виде стоимостный подход представляет собой модель окружающей действительности, построение которой предполагает следующие этапы: прогнозирование финансовых эффектов от определенного объекта инвестирования (чаще всего прогноз доходов от продаж), прогнозирование финансовых затрат на развитие объекта инвестирования. Кроме этого, дисконтирование денежных потоков, учитывающее риск, что реальные чистые денежные потоки, созданные данным элементом компании, окажутся ниже ожидаемых [4].

Стоимостный подход к управлению инвестициями в человеческий капитал предполагает построение системы достаточно жестких оценочных критериев, характеризующих прежде всего потенциальную и реальную возможность приращения прибыли организации за счет капиталовложений в развитие персонала. При этом первостепенное значение уделяется оценке размеров и направлений инвестиций, а также прогнозированию эффектов от их освоения.

Для оценки стоимости человеческого капитала применяются следующие методы: расчет прямых затрат на персонал, конкурентная оценка стоимости человеческого капитала, метод перспективной стоимости человеческого капитала, оценка стоимости человеческого капитала на основе испытаний в бизнес-среде.

Поскольку речь идет об измерении эффектов от инвестиций в человека, корректная оценка не может опираться только на расчет экономических параметров функционирования подсистемы развития персонала. Так, Ю.А. Калошина полагает, что «оценка эффективности капиталовложений в персонал организации должна состоять из двух аспектов: оценка социальной эффективности инвестиций в человеческий капитал, оценка экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал» [5, с. 10].

Ю.Г. Одегов, К.Х. Абдурахманов, Л.Р. Котова указывают на то, что для корректной оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал необходимо использовать показатели, «в синтетическом виде оценивающие эффективность и результативность труда работника, измеряемые до и после реализации инвестиционных проектов» [6, с. 57]. Среди наиболее важных критериев оценки можно выделить следующие: развитие социальной среды, психологический климат, уровень организации персонала, обеспечение персоналом, эффективность обучения и повышения квалификации.

В современных экономических условиях инвестиции в человеческий капитал будут должным образом осваиваться только в том случае, если они направлены на формирование инновационной среды, в частности ее социальной составляющей, отвечающей требованиям активизации творческой активности персонала, ослабления саботирования нововведений, ликвидации внутренней неконструктивной конкуренции между работниками.

Одним из важных инструментов стоимостного подхода к управлению инвестициями в человеческий капитал является бюджетирование. Посредством использования механизма бюджетирования решается задача взаимоувязки стратегий развития технологических, технических, управленческих инноваций с возможностями обеспечения необходимыми кадрами.

При проектировании системы бюджетов их детализация зависит от ряда факторов. Основные – количественный и качественный состав персонала, его структура, направления реализации кадровой политики, степень востребованности той или иной функции управления человеческими ресурсами. Качество бюджетирования определяется в первую очередь составом и структурой бюджетных статей, взаимосвязью бюджетов, уровнем квалификации специалистов, занятых управлением бюджетированием.

Специфической особенностью бюджетирования затрат на инвестиции в человеческий капитал является то, что практически все структурные подразделения предприятия – центры затрат. При этом кадровая служба, реализуя механизмы кадрового аудита, контроллинга и бюджетирования, осуществляет контроль и оптимизацию инвестиций в развитие кадров в разрезе функций управления персоналом.

В области бюджетирования принципиально важным является определение места затрат, соответствующих сущности того или иного вида инвестиций в человеческий капитал; установление целевого характера инвестиций. Для решения этих задач в каждом из видов бюджетов рационально выделять кадровую составляющую.

Достаточно сложна проблема установления соответствия между статьями расходов на развитие человеческих ресурсов и конкретными функциями управления персоналом. Это обусловлено тем, что функции формирования затрат и управления персоналом имеют различные, часто некоррелирующие причинно-следственные связи. Решение проблемы видится во «вскрытии» каждой функции и выявлении ее финансово-экономического содержания, причем направления инвестиций в человеческий капитал должны быть «привязаны» к функциями управления персоналом. Также следует регламентировать границы финансовой ответственности руководителей всех уровней за реализацию бюджетов.

Следует отметить существенный недостаток стоимостного подхода к управлению инвестициями в человеческий капитал, сопряженный с высокими рисками данных вложений. Среди причин высоких рисков инвестиций в развитие человеческих ресурсов выделяют низкую ликвидность человеческого капитала, вероятность перехода работников в другую организацию, что вызывает полную потерю инвестированных средств, и т.п. Однако зачастую не учитывается концептуальный аспект: категория «человеческие ресурсы» охватывает существенно более широкий спектр свойств и качеств персонала, нежели категория «рабочая сила». При этом работодатель, осуществляя инвестиции в человеческий капитал, заинтересован прежде всего в развитии той части человеческого капитала, которая представляет собой рабочую силу и задействована в производстве.

Вместе с тем человеческий капитал имеет самоопределяющую способность, поэтому работодатель обладает весьма ограниченными возможностями контролировать то, как будут освоены инвестиции, какая часть из них пойдет на формирование именно рабочей силы. Таким образом, стоимостные подходы к управлению инвестициями в человеческий капитал, будучи достаточно формальными, не обеспечивают высокой достоверности и точности оценки эффективности капиталовложений в развитие персонала. По этой причине при разработке организационно-экономического механизма управления инвестициями в человеческий капитал стоимостный подход не должен считаться самодостаточным, но рассматриваться как средство увязки статей затрат с экономическими результатами деятельности организации.

В условиях ограниченности инвестиционных ресурсов, вызванной кризисными явлениями, стоимостная концепция представляет собой базис формирования механизма управления развитием персонала, но при этом должна использоваться в комплексе с другими подходами.

Главной целью любого бизнеса является создание богатства собственников, в том числе за счет эффективного менеджмента человеческих ресурсов. В связи с этим стоимостный подход должен служить механизмом принятия управленческих решений, направленных на максимизацию стоимости организации, улучшение корпоративного имиджа в глазах партнеров, инвесторов и потребителей.

Библиографический список

1. Управление человеческими ресурсами: учебн. пособие / К.Л. Андреев, Н.А. Бушуев, Л.С. Верещагина, В.И. Долгий. Саратов, 2008.
2. Лысков А.Ф. Проблемы инвестирования в человеческий капитал // Менеджмент в России и за рубежом. 2005. № 4.
3. Гальцов М.В. Инвестиции в персонал в системе бюджетирования расходов на управление им: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.
4. URL: <http://www.abm-partner.ru>
5. Калошина Ю.А. Социально-экономическая эффективность инвестиций в персонал предприятия: автореф. квалификац. работы магистра. Донецк, 2010.
6. Одегов Ю.Г., Абдурахманов К.Х., Котова Л.Р. Оценка эффективности работы с персоналом: методологический подход. М., 2011.

**E.A. Kats
Managerial Aspects
of Organizational Values
Institutionalization**

The author's model of organizational values institutionalization is proposed. The possibility of the effective control of values at different stages of the process is assessed.

Key words and word-combinations: institutionalization, organizational values.

Предлагается авторская модель институционализации организационных ценностей. Оценивается возможность эффективного управления ценностями на разных этапах процесса.

Ключевые слова и словосочетания: институционализация, организационные ценности.

УДК 316.33
ББК 60.560

Е.А. Кац

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Институциональная социология изучает управление общественным поведением людей во взаимосвязи с существующей системой нормативных актов и институтов. Возникновение институтов рассматривается как естественно-историческая закономерность. Социальные институты с точки зрения институциональной социологии предполагают сознательно регулируемую и организованную форму деятельности людей, воспроизведение повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций; они выступают как определенные ценности, которые передаются из поколения в поколение.

Организация является наиболее распространенной социальной общностью – следовательно, вопросы зарождения и становления социального института (процесс институционализации) именно в организации выступают важными и определяющими как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Руководители и менеджеры организаций в своей работе ежедневно решают различные управленческие задачи. Важным фактором успешности их деятельности является, на наш взгляд, понимание и использование в процессе институционализации определенных организационных ценностей.

Институционализация представляет собой процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности [1, с. 28].

Иными словами, институционализация – это замена спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое, которое ожидается, моделируется, регулируется и, следовательно, может становиться объектом управления.

В трудах российских ученых прослеживается технологический и содержательный подходы к интерпретации процесса институционализации. Первый из них использует, например, С.С. Новикова. Она трактует процесс институционализации как последовательность «шагов», каждый из которых характеризуется принятием утвержденного в определенный момент времени документа [2, с. 129]. Автор подчеркивает, что эти документы не являются раз и навсегда данными. В условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды у любой организации обязательно появляются новые ценности, методы и технологии работы, отражающиеся в новых документах.

Однако, по нашему мнению, описанные С.С. Новиковой «шаги» отражают в большей степени движение на месте. Если для характеристики этого подхода воспользоваться метафорой, то институционализацию уместно сравнить с фотографией какого-либо предмета или состояния, а смену «шагов» – со слайд-шоу, в котором фотографии меняются, а глубинная причина и последовательность их смены остается «за кадром». Таким образом, определенным ограничением в технологическом подходе выступает недостаточная прогностическая и объяснительная возможность, что не позволяет управлять процессом институционализации ценностей.

Содержательный подход к интерпретации процесса институционализации предложил С.С. Фролов, выделив в нем несколько последовательных этапов: возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий; формирование общих целей; образование социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок; появление процедур, связанных с нормами и правилами; институционализация норм и правил, процедур; установление системы санкций для поддержания норм и правил; создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института [1, с. 26].

Основным преимуществом содержательного подхода является, на наш взгляд, четкое выделение принципиально отличающихся друг от друга этапов – от начального (возникновение потребности в совместно организованных действиях) до финального (создание системы статусов и ролей). Подход, предложенный С.С. Фроловым, определяет возможность управления процессом институционализации. Однако интерпретация процесса как строгой линейной последовательности этапов имеет, с нашей точки зрения, и некоторые ограничения, поскольку предполагает относительное завершение процесса. Практический же опыт показывает, что процесс институционализации носит скорее циклический характер, что указывает на необходимость постоянных действий по управлению этим процессом.

Таким образом, институционализация организационных ценностей рассматривается в доступной литературе косвенно. С учетом указанных подходов и их ограничений предлагается авторская системная модель процесса институционализации организационных ценностей. Для выделения его этапов устанавливаются три взаимосвязанных критерия: характеристика преобладающих ценностей, их институциональные признаки и оценка возможности управления ими (см. табл.).

Этапы управления институционализацией организационных ценностей

Этап	Организационные ценности	Институциональные признаки	Возможность управления
Личностные ценности	Личностные ценности сотрудников	Название, торговая марка, дизайн офиса	Отсутствует
Ценности руководителей	Личностные ценности руководителей	Устный кодекс поведения	В единичных случаях
Декларация организационных ценностей	Формальная декларация ценностей	Разработка и утверждение корпоративных документов	В ограниченном объеме
Присвоение организационных ценностей	Индоктринация и интернализация ценностей	Система научения и система санкций	Эффективное управление

Первый этап данного процесса представляет собой стихийную социальную практику делового и личного общения между сотрудниками, совмещение разнообразных типов коммуникаций, ярко выраженные индивидуальные особенности поведения, определяемые личностными ценностями. На этом этапе закладывается потребность формирования неких образцов и стандартов оптимального поведения, что способно обеспечить достижение общей цели отдела или организации в целом. Некоторые виды взаимодействия отвергаются руководством или экспертами как неэффективные или неподходящие для данной организации, вследствие чего возникает четкое понимание, как не надо делать. Однако, как именно поступать при решении деловых задач, остается пока неизвестным.

К институциональным признакам первого этапа относятся культурные символы, позволяющие определить целостный образ организации (название, торговая марка, дизайн офиса). Определяющей чертой данного этапа институционализации ценностей в организации является наличие личностных ценностей сотрудников и практическое отсутствие организационных ценностей как таковых [3]. Очевидно, что управлять ценностями на этом этапе не представляется возможным.

На втором этапе процесса институционализации ценностей в организации начинают формироваться нормы, правила и процедуры. В данном случае приемлемые стандарты и шаблоны поведения основываются прежде всего на личностных ценностях собственников и руководителей организации [4, с. 121]. Эти нормы и правила сначала носят «неписаный» характер, но, несмотря на это, известны большинству сотрудников. Если обратиться к метафорам, то своеобразной «копилкой ценностей» здесь могут выступать «курилка» или «чайная комната». Сотрудники с определенным стажем, как правило, знают, кому и как, в какой именно благоприятный момент и с какой интонацией целесообразно передавать информацию, сведения или документы для быстрого и эффективного решения деловых задач.

Институциональным признаком данного этапа служит появление устного кодекса поведения, что подразумевает достаточно вольную интерпретацию сотрудниками [5, с. 92]. Управленческий аспект процесса институционализации

ценностей в организации на этом этапе может быть реализован только при «случайном» совпадении личностных ценностей руководителя и сотрудников.

Третий этап представляет собой формализацию определенных норм, правил и процедур. Практически это осуществляется в виде разработки и утверждения корпоративных документов, институционализирующих организационные ценности. В качестве таких документов выступают «Миссия компании», «Кредо компании», «Этический кодекс», «Корпоративный кодекс» и другие. Подобные документы являются институциональными признаками данного этапа, призванными определить «правильную» систему взаимодействия сотрудников как внутри организации, так и с внешней средой и стать эффективным средством управления для руководителей организации. Однако практика показывает, что формально составленный и даже всесторонне разработанный документ не гарантирует выполнения его основных положений и требований. Таким образом, определяющей чертой этого этапа следует признать формальную декларацию организационных ценностей.

Очевидно, что большинство сотрудников на данном этапе демонстрируют желательное поведение, но приверженность целям организации у части сотрудников будет иметь имитационный характер [6, с. 20]. Осуществление управления организационными ценностями на этом этапе возможно, но в ограниченном объеме.

Четвертым этапом процесса институционализации является внедрение формализованных организационных ценностей в систему личностных ценностей сотрудников, то есть индоктринация и интернализация ценностей. Для его успешного осуществления необходимо учитывать многообразие форм, «немыслимость» и «парадоксальность» организационных процессов.

Документы, регламентирующие организационные ценности, зачастую разрабатываются на основе личностных ценностей руководителей организации, не учитывая ценностей сотрудников; происходит навязывание группе целей и ценностей индивида. На подобное «насильственное» внедрение ценностей формируется ответная защитная реакция сотрудников, проявляющаяся в разнообразных формах – от открытого сопротивления у одних до естественного присвоения ценностей у других. В связи с этим для эффективного управления процессом институционализации целесообразно использовать методологические возможности системно-синергетической парадигмы в понимании ценностей организации. Ее реальный «образ», используемый при решении управленческих проблем, должен быть своеобразным «профилем» разнообразных ценностей [7, с. 81; 8]. Использование понятия «профиль» дает возможность руководителю избежать упрощения ситуации и применять разнообразные методы и техники для интернализации сотрудниками организационных ценностей.

Институциональными признаками интернализации организационных ценностей являются система «научения» и система санкций. В качестве первой обычно используют внутриорганизационные тренинги и собрания для разъяснения сотрудникам целей и ценностей организации, истоков и причин их формирования и индивидуальные беседы для выявления способов и методов эффективного взаимодействия организации и сотрудника [9, с. 217]. В качестве системы санкций в организациях выступает система наказаний и поощрений.

Таким образом, используя систему «научения» и систему санкций на фоне определенного присвоения организационных ценностей и встраивания их в систему личностных ценностей каждого сотрудника, на данном этапе процесса институционализации могут быть созданы благоприятные возможности для реализации эффективной системы управления организационными ценностями.

Итак, предлагаемая авторская системная модель процесса институционализации организационных ценностей базируется на взаимосвязи преобладающих ценностей и оценке возможности управления ими. Такой системный подход дает руководителям и менеджерам практический инструмент для управления ценностями сотрудников в организации.

Библиографический список

1. *Фролов С.С.* Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 25–35.
2. *Новикова С.С.* Особенности развития социологической мысли в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 122–130.
3. *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей. URL: <http://amicable.ru/polit/yasin-valuesystem.shtml>
4. *Пригожин А.И.* Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 114–125.
5. *Василенко А.В.* Корпоративная культура как элемент эффективного управления персоналом. 2-е изд. М., 2012.
6. *Андрющенко О.В.* Лояльность в организациях: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
7. *Фокина Т.П., Прошунин П.И.* Организационные конфигурации и проблема синергии организационных процессов // Синергетизм в управлении социальными и экономическими системами: мат-лы региональной конф. Тольятти, 2003. С. 79–84.
8. *Морган Г.* Имиджи организации. Восемь моделей организационного развития. М.; СПб., 2006.
9. *Долан С., Гарсия С.* Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М., 2010.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.N. Yarskaya, L.N. Maksimova
**The Russian Context of Two
Professions: an Engineer and
a Journalist**

Formation and functioning features of such professions as an engineer and a journalist are investigated. The special attention is given to the relationships between Russian professionals and the state.

Key words and word-combinations: professional autonomy, professional association, labor market.

Исследуются особенности становления и функционирования профессий инженера и журналиста. Особое внимание уделяется истории взаимоотношений между российскими профессионалами и государством.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная автономия, профессиональная ассоциация, рынок труда.

УДК 316.34/.35

ББК 60.54

**В.Н. Ярская,
Л.Н. Максимова**

РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ДВУХ ПРОФЕССИЙ: ИНЖЕНЕР И ЖУРНАЛИСТ

Основным механизмом формирования социальной сплоченности в обществе выступают меры по снижению социального и профессионального неравенства, повышению уровня профессиональной культуры, качества жизни, социальной интеграции. Для понимания динамики профессионализма в России активно используется рецепция англосаксонских и континентальных объяснительных моделей [1, с. 103]. Зарубежные авторы анализируют профессии в России прежде всего в аспекте профессиональной автономии.

Профессионалы в России не обладали автономией; их профессиональная жизнь полностью регламентировалась государством, но они были вовлечены в процесс социальных трансформаций. Хотя у них и не было возможности добиться автономности своих профессиональных организаций, они смогли достигнуть высокой степени профессионального самосознания, даже если их действия «вступали в конфликт с государством и властями» [2, с. 367]. Привлекая концепт вре-

мени, можно проследить изменения с помощью коллективной памяти о прошлом в связи с настоящим [3, с. 173–181], динамику становления профессий.

Признание множественности сосуществующих и конкурирующих рациональностей и этических систем позволяет лучше понять мир конкретной профессии [4, с. 28]. История отношений между российскими профессионалами и государством видна на примере становления двух, на первый взгляд, разных профессий – инженера и журналиста. Ведь квалифицированная профессия инженера относится к типу *человек – техника*, а профессия творческого класса, журналист, относится к типу *человек – художественный образ*. Историю человеческой цивилизации предлагают даже условно разделить на два важнейших этапа – до появления профессии инженера и после этого [5, с. 2]. Речь фактически идет о наступлении эпохи техногенной цивилизации.

Первое российское инженерное сообщество состояло из пяти человек [6, с. 30–38; 7, с. 13–25; 8, с. 23; 9] и называлось «пентагональным обществом». Члены его внесли большой научно-практический вклад в становление и развитие профессии инженера, попытались уйти от полного подчинения министерству и осуществляли профессиональную деятельность как для государственного, так и для частного производства, выполняя миссию по улучшению качества жизни [10]. Активное участие в создании инженерных сообществ, учреждении научных журналов, посвященных инженерному делу, и организации новых образовательных учебных учреждений способствовало не только росту числа инженеров, но и трансформации модели подготовки инженера-профессионала.

Главной целью этой деятельности было стремление создать конкурентоспособность Российского государства на международном уровне в области инженерного дела. Некоторые группы организовывали региональные ассоциации для ограниченного круга профессионалов по отраслям инженерного дела – например, профессиональная ассоциация инженеров-электриков [10, с. 382–420]. Было предложено сделать данное сообщество доступным для представителей всех инженерных школ, но сочтя это преждевременным, проголосовали против [11, с. 61]. Последующие попытки организовать независимую профессиональную ассоциацию отвергались властями, опасавшимися любой самостоятельной коллективной деятельности граждан.

Столкнувшись с запретами властей на создание профессиональных постоянно действующих организаций, инженеры попытались организовать проведение конгресса инженеров, в программу которого были включены вопросы, отражающие интересы инженеров и свидетельствующие о росте частной инженерной практики [11]. Однако Министерство внутренних дел запретило проведение конгресса, и Всероссийский союз инженеров был организован только в 1917 г.

В 1960–1970-х годах профессия инженера получила широкое распространение. При этом было неясно, существует ли у этой профессии социальный контекст [12]. Отечественные социологи советского периода стремились исследовать сущность этой профессии. Исследование под руководством В.А. Ядова в 1977 г. посвящено социально-психологическому портрету инженера. В нем подробно рассматриваются внутренние механизмы социального поведения, ценностные и мировоззренческие установки инженера [13]. Ядро профессии составляет

профессиональная этика труда как совокупность моральных норм, взглядов и ценностей, исполняющих функции регулятора поведения профессионалов [14, с. 25].

В 1990-е годы престижность профессии инженера была подорвана на фоне падения объемов производства, ликвидации промышленных предприятий в связи с отсутствием прибыли и снижением уровня заработной платы. В 2001 г. из 260 инженерно-технических работников 60% не были удовлетворены ролью инженера в современном производстве, полагая, что эта профессия не востребована [15]. Кризис профессии инженера связывают с поглощением профессии нетрадиционным проектированием, сменой приоритетов в инженерной деятельности, переструктурированием промышленности.

В настоящее время Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения меняют систему образования, задавая новые критерии и рамки оценивания качества подготовки, судить об эффективности которых можно будет после выпуска бакалавров, обученных по новым стандартам. В действительности ощущение кризиса возникает одновременно с появлением проблем на рынке труда [16]. Полагают, что молодым кадрам доступна работа, не требующая академических знаний: менеджер по продажам, продавец, оператор call-центра. Работа по специальности либо недоступна, либо мало оплачивается.

Сегодня на молодежном рынке труда в Саратовском регионе существует дисбаланс спроса и предложения: часть выпускников, не находя достойных мест работы, уезжают в Москву, Санкт-Петербург, Сочи, Ростов-на-Дону, Краснодар в поисках работы с высокими окладами, перспективами карьерного роста. Ожидания молодых специалистов согласуются с реальным положением дел в отрасли, если они имеют опыт работы, проходили полноценную производственную практику, подрабатывают по профилю обучения с младших курсов, что способствует гармоничному вхождению в профессию. Работодатели сетуют: за что молодым специалистам платить? Однако именно на молодой возраст приходится покупка жилья, рождение ребенка и расходы, связанные с этим.

На самом деле работодатели могут предложить максимальную заработную плату (до 50 000 руб.), но для этого необходимо много и терпеливо работать. Молодые же специалисты зачастую уходят через 1–3 месяца после трудоустройства. Молодежь предпочитает график работы, оставляющий больше свободного времени для занятий по душе. Важным для молодых людей являются официальное оформление, «белая» зарплата, возможные социальные гарантии. Но обычно приходится соглашаться на жесткие условия или искать работу в других регионах.

В июне 2012 г. в Саратове зарегистрировано 4310 безработных на 12 000 вакансий; по области – 16 793 безработных на 25 555 свободных рабочих мест. Следовательно, вопрос не в нехватке рабочих мест, а в отсутствии взаимодействия рынка труда и рынка профессий. На востребованные специальности в вузах сокращается число бюджетных и увеличивается количество коммерческих мест – в результате поступают учиться прежде всего обеспеченные выпускники школ. Для привлечения в маловостребованные профессии молодых специалистов необходимы мероприятия по повышению престижности профессии с использованием СМИ, социальной рекламы и экономических стимулов, увеличением бюджетных мест в вузах, гарантированным трудоустройством и высоким уровнем оплаты труда как главной мотивацией. Следует сформировать партнерские взаимоотношения вуза

и работодателя (некоторые корпорации заключают договоры с вузами), выделять подъемные деньги, оказывать помощь молодым специалистам в решении жилищных проблем.

Старшекурсники, испытав свои силы на рынке труда, знают, что в регионе найти работу с зарплатой выше 12 000–15 000 руб. практически невозможно, а оценивают они себя в 35 000–45 000 руб. Выпускники полагают, что сразу должны получить достойную работу с высоким окладом, и не готовы начинать трудовой путь с помощников, секретарей, ассистентов. В режиме круглого стола 26 студентов престижного саратовского вуза, будущих менеджеров, озвучили ожидания: зарплата от 30 000 руб., престижная фирма, карьерный рост, возможность «загранки».

Вопросы повышения качества подготовки инженеров и престижа инженерной профессии остаются в тени. На первый план выдвигается тема некачественной подготовки гуманитариев в непрофильных вузах.

Динамика становления профессии журналиста, теоретические подходы и способы работы, методология и направления деятельности позволяют проследить историю отношений между профессионалами в этой сфере и государством [17; 18]. Проблемы самоопределения и становления современного журналиста рассматриваются с применением метода анализа биографии для выявления взаимосвязи личностной и профессиональной идентичности [19]. Для реализации властных функций советскому государству потребовалась развернутая командно-административная система, снабженная мощным аппаратом принуждения, направленного против инакомыслия. Пресса в этих условиях превратилась в подручного, стала составной частью системы, на десятилетия фактически выведя российский журналистский корпус за рамки мировой профессиональной общности.

В советское время начинающему журналисту помогал преуспевать в профессии «блат» (родители, работающие в обкомах, их знакомые). В перестроечное время можно было свободно положиться на свою энергию и увлеченность, добиться своего без связей. В постперестроечное время молодому человеку прежде всего нужны собственные интеллектуальные ресурсы (хорошее образование, работоспособность, знание рынка и конъюнктуры). Кроме того, ему необходима финансовая поддержка семьи [20, с. 118].

Содержание профессионального долга работников прессы в Уставе Союза журналистов СССР определялось исключительно задачами, которые ставила перед собой КПСС практически без учета специфики журналистики [21, с. 51]. Ни о каких кодексах, моральных и профессиональных принципах культуры советского журналиста до конца 1980-х речи не велось.

Если учесть, что законодательство о печати не было до 1991 г., то можно предположить, насколько было трудно отечественной журналистике сохранить верность своему истинному предназначению. В случаях, когда журналисты решались работать в соответствии со своими представлениями о профессиональном долге, от них требовались героические усилия и изобретательность, чтобы их материалы увидели свет. В большинстве своем представители журналистского цеха приспосабливались к обстоятельствам, иронизируя на предмет расхождений профессиональной практики с уровнем профессиональной культуры [22, с. 6].

Свобода слова, свобода творческого самовыражения сегодня закреплены законодательно, становясь серьезным испытанием профессиональной зрелости и профессиональной культуры журналистов. Манипулирование массовым сознанием, засилье агрессивной рекламы, политическое невежество, преобладание негатива угнетающе действуют на телезрителя и радиослушателя. Решение проблемы видится прежде всего в необходимости подготовки грамотных, всесторонне образованных специалистов и формировании их профессиональной культуры.

Инженеры и журналисты – носители профессиональной идеологии. Ранее деятельность инженерных и журналистских профессиональных сообществ регламентировалась государством, препятствуя их автономии. Сегодня же, подобно тому, как удивляют министры, не знающие уровня зарплат вузовских преподавателей в провинции, причины положения на рынке труда – институциональные, отражающие несоответствие деклараций о развитии высшего образования реальному положению дел. Современное противоречие технического (например, инженеров) и социально-гуманитарного (например, журналистов) образования снимается на путях либерализации политики в сетевом, информационном, гражданском сообществе. Этому вполне соответствуют и способствуют благородные традиции российской истории данных профессий.

Библиографический список

1. *Абрамов Р.Н.* Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М., 2011. С. 103.
2. *Kassow S.* Russia's Unrealized Civil Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 367.
3. *Ярская В.Н.* Социальный проект времени // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики. Ставрополь, 2006. С. 173–181.
4. *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 28.
5. *Марков Д.* Инженерное искусство молодых. Инженер года – 2011 // Промышленные вести Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 2.
6. *Кирпичев В.Л., И.А.* Вышнеградский как профессор и ученый // Вестн. общества технологов. 1895. № 6. С. 30–38.
7. Иллюстрированный сборник материалов к истории возникновения Киевского Политехнического Института: памяти Виктора Львовича Кирпичева посвящает Киев. политех. общ-во инженеров и агрономов / И. Ганицкий. Киев, 1914. С. 13–25.
8. *Гезехус Н.* Павел Васильевич Котурницкий (1844–1913): некролог // Известия Технологического Института Императора Николая I. 1915. № 7. С. 23.
9. *Бусаров В.Г., Левин Б.А.* «Без светоча теории...»: о выдающемся русском ученом и государственном деятеле Николае Павловиче Петрове. М., 2003.
10. *Rogger H.* Americanism and the Economic Development of Russia // Comparative Studies in Society and History. 1981. July. P. 382–420.
11. Russia's missing middle class: The professions in Russian history / ed. by Harley D. Balzer. N. Y., 1996. P. 55–88.
12. *Ярская В.Н.* Высшее инженерное образование: социальный дискурс // Мат-лы Всероссийского конгресса. Уфа, 2012.
13. Социально-психологический портрет инженера: по мат-лам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / под ред. В.А. Ядова. М., 1977.

14. Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.
15. Каников Ф.К. Социальные проблемы инженерного труда в условиях формирования рыночной экономики (по мат-лам социол. исследования) // Инженер на стыке тысячелетий: мат-лы социол. исследования. Итоги опроса ИТР. Набережные Челны, 2001.
16. Ярская В. [и др.]. Молодым куда у нас дорога? Спрос и предложение рынка труда // Общественное мнение. 2012. Июль, № 7 (154). С. 40–45.
17. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику: теоретические основы, методология, методика и техника работы исследователя. 2-е изд. М., 2006.
18. Свитич Л. Социология журналистики: методология, методы, направления и результаты исследований. М., 2010.
19. Сосновская А.М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб., 2005.
20. Сосновская А.М. Профессиональная идентичность журналиста // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 3. С. 118.
21. Николенко П. Пресс-конференция для журналистов // Культура и жизнь. 1959. № 6. С. 51.
22. Речицкий Л.А. Есть мнение. Ваше. И есть мнение – наше! // Журналист. 2008. № 14. С. 16.

N.S. Anisimov
Postnonclassical Determinism
and the Possibility for Social
Prognoses

The concept of postnonclassical determinism in the context of peculiarities of nonlinear development – chaos, polyvariance and criticality, is investigated. The possibility of prognosis and future control in nonlinear social systems is discussed.

Key words and word-combinations: postnonclassical determinism, nonlinear development, polyvariance, social prognosis.

Исследуется концепция постнеклассического детерминизма в контексте особенностей нелинейного развития: хаотичности динамики, поливариантности, критичности. Обсуждается возможность прогноза и управления будущим в нелинейных социальных системах.

Ключевые слова и словосочетания: постнеклассический детерминизм, нелинейное развитие, поливариантность, социальный прогноз.

УДК 1
 ББК 87.25

Н.С. Анисимов

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ
ДЕТЕРМИНИЗМ
И ВОЗМОЖНОСТЬ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ

Становление нелинейного мировоззрения, связанное с открытием во второй половине XX в. явлений детерминированного хаоса, самоорганизации, критичности развития и фрактальности, привело к необходимости переосмысления существующих представлений о реальности, в результате чего сложилась постнеклассическая общенаучная парадигма. Мир оказался гораздо более сложным, чем это казалось еще совсем недавно: он имеет сложную онтологическую структуру; в нем постоянно сменяют друг друга процессы самоорганизации и хаотизации; его многочис-

ленные объекты зачастую имеют фрактальную природу. Этот нелинейный, динамический, онтологически множественный мир с бесчисленными обратными связями развивается по сложным законам, а непредсказуемость будущего атрибутивно включается в процесс его познания.

Не вызывает сомнения следующий факт: научное знание было бы невозможным без представлений о детерминизме. Идея определенности будущих состояний различных систем как идеал научного познания непосредственно связана с принципом детерминизма и лежит в основе любого научного поиска. Однако современная наука демонстрирует парадокс: используя все более сложную методологию исследования, включая в свое поле все большее число новых явлений и законов, она одновременно становится в высшей степени неопределенной в описании множества значимых феноменов, в точных предсказаниях будущего поведения. Постнеклассическая наука «впускает» в себя неопределенность и непредсказуемость вместе с нелинейностью развития и детерминированным хаосом. В связи с этим все сложнее и расплывчатее становятся и социальные прогнозы, поскольку социум является сложнейшей нелинейной динамической системой со всеми присущими таким системам особенностями развития. В этой ситуации представляется необходимым рассмотреть саму возможность предсказания будущего, а значит, обратиться к принципу детерминизма.

В философии детерминизм традиционно интерпретируется как теоретическая база обобщения ведущих методологических принципов науки. Однако соотношение принципа детерминизма со стратегическими установками научной методологии нуждалось и нуждается в систематической корректировке, обусловленной постоянным приростом и обновлением научного знания, в связи с чем детерминистские позиции постоянно пересматриваются по мере формирования новых научных представлений. Обоснование детерминизма или индетерминизма в самих философских учениях проводилось либо на основе представлений о рациональном или этическом, либо с привлечением некоторых идей натурфилософии [1]. В различные концепции философского детерминизма традиционно включалось соотношение категорий «необходимость» и «случайность»; интерпретация связи необходимости и случайности в рамках классического детерминизма постулирует закономерность необходимости, а случайность объясняется влиянием внешних внесистемных факторов.

Детерминизм как методологическое основание традиционно включался и в естественнонаучные парадигмы. Усилиями Г. Галилея, Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Ньютона была конституирована механистическая картина мира, в основе которой лежало понимание природы как единой детерминированной системы, внутренне устойчивой и упорядоченной. Определенность будущего при таком рассмотрении оказывается нормой научного познания и предполагает крайне оптимистическую позицию в отношении всевозможных научных прогнозов. Строго детерминированными в классической парадигме представлялись и социальные процессы, что обусловило построение великих социально-философских моделей, предполагающих будущее развитие однозначным и закономерным.

Однако со временем наука убедительно показала, что реальная связь между различными объектами подчас оказывается столь сложной и противоречивой,

что для ее характеристики недостаточно образов и понятий, выработанных концепцией однозначного детерминизма. Так, создание статистической физики и обоснование квантовой механики привело на рубеже XIX–XX вв. к обоснованию неклассического детерминизма. Концепция неклассического детерминизма включает идеи об особенностях поведения больших ансамблей и микросистем, о соотношении динамической и статистической закономерностей [2]. В результате в научной методологии возникло представление о закономерной связи, допускающей объективную неопределенность, выбор возможностей, случайные отклонения в развитии. Поскольку в статистических системах невообразимо возрастает сложность поведения, возникает статистический хаос, а вместе с ним и неопределенность. Для систем с большим числом элементов принято определять средние величины, поскольку вычислить точные характеристики каждой частицы, а значит предсказать ее поведение, практически невозможно. Речь однако идет именно о практической невозможности, потому что в принципе допустимо решить систему множества уравнений и определить характеристики любой частицы ансамбля. Следует отметить, что статистическая физика давно и успешно перенесла свои методы в область не только других естественных, но и социальных наук – в экономику, социологию, психологию. Значение же статистических методов определяется тем, что именно ансамбли наиболее часто встречаются в живой и неживой природе, и многие биологические и общественные сообщества и процессы также описываются статистически.

После открытия феноменов нелинейного развития и детерминированного хаоса представления о детерминизме в очередной раз должны существенно измениться. Дело в том, что между статистическим и детерминированным хаосом существуют принципиальные различия. Связанная с существованием детерминированного хаоса неопределенность будущего определяется сложным, непредсказуемым поведением самой исследуемой системы, а не случайными внешними воздействиями или большим числом входящих в нее элементов; неопределенность такого вида является принципиально неустранимой.

Однако неопределенность будущего нелинейных систем не исчерпывается только возможностью существования в них детерминированных хаотических режимов, а определяется всей совокупностью существенных свойств нелинейного развития [3]. Нелинейное же развитие предполагает поливариантность (многообразие) динамики любой сложной системы, вытекающую из принципиальной множественности ее состояний и возможности возникновения в ней разнообразных бифуркаций (качественных изменений, метаморфоз) и кризисов. Как следствие этого, основной чертой нелинейного развития выступает отсутствие единственно возможного направления. Вводя представление о главном направлении развития, классические эволюционные теории (в том числе и социальные) объявляют все процессы, не укладывающиеся в этот общий «курс», тупиковыми, неудачными, ошибочными. Нелинейная же теория развития, полагая поливариантность в качестве основного принципа, объявляет все возможные направления значимыми и правильными, поскольку их существование определяется сложнейшими естественными законами. И тогда развитие представляется не единой «дорогой», а сложной сетью пересекающихся, петляющих путей.

Однако в социальных системах может существовать представление о наиболее благоприятном, желательном, даже оптимальном пути развития. Как правило, оно определяется intersubъективным соглашением специалистов и экспертов в определенной области исследования, и именно к нему можно стремиться практически, создавая подходящие для этого социальные, экономические, культурные условия.

Нелинейная теория развития изменяет и классическое философское представление о прогрессе и регрессе. Прогресс как поступательное развитие по восходящей линии и регресс как возврат к старым, отжившим состояниям теряют смысл при нелинейном рассмотрении. В самом деле, принципиальная множественность состояний нелинейных систем и критичность их развития означает необходимость смены, чередования простых и сложных, упорядоченных и хаотических состояний. В результате изменение форм динамики идет не от простого к сложному (прогресс) и не от сложного к простому (регресс), а представляет собой нетривиальную последовательность различных состояний, а иногда и возврат к прежним состояниям. Именно это и наблюдается в социальной действительности, и примером может служить новейшая история России: изменения, произошедшие в стране в 1990-е годы в политической, экономической, государственной сферах, не могут считаться прогрессивными или регрессивными по отношению к ее социалистическому прошлому, а оцениваются лишь как особые, хотя и закономерные этапы ее развития. В качестве другого примера можно привести жизнь отдельного человека, в которой все состояния – детство, юность, зрелость, старость, этапы здоровья и болезни – являются в равной степени ценными и значимыми для развития личности, и в этом случае нельзя утверждать, что старость прогрессивна или регрессивна по отношению к детству.

Поскольку в нелинейных системах при изменении параметров и внешних условий постоянно возникают бифуркации и кризисы, то одни состояния сменяют другие часто и разнообразно. Закономерность и неизбежность бифуркаций и кризисов в нелинейных системах гарантируются строгими математическими результатами – данный факт теоретически и эмпирически верифицирован. Это означает, что принципиальная критичность является атрибутом нелинейного развития.

Нелинейное развитие означает возможность возникновения как упорядоченных, так и хаотических состояний и типов динамики; более того, предполагает хаотические режимы развития типичными и закономерными, что тоже гарантируется точными науками. Хотя классические эволюционные теории предполагают закономерным только упорядоченное развитие, отводя хаосу место лишь побочного, редкого и нежелательного явления, в настоящее время не вызывает сомнения факт, что природный и социальный мир изобилует самыми разными детерминированными хаотическими процессами.

Анализ указанных особенностей нелинейного развития заставляет не только существенно расширить представление о классическом и вероятностном детерминизме, но и ввести представление о постнеклассическом (синергетическом) детерминизме [4]. Детерминированность нелинейных систем не только не означает их предсказуемого развития, но и манифестирует неопределенность и непредсказуемость как существенную черту развития, как принцип. Постнеклассический детерминизм отвергает основной постулат классического детерминизма об определен-

ности всех будущих состояний, о возможности точного прогноза на том основании, что из-за непредсказуемости хаотической динамики и поливариантности развития нелинейных систем нельзя достоверно определить их будущее состояние.

В рамках постнеклассического детерминизма возможность точного предсказания существенно ограничена данными особенностями нелинейного развития. Если система (социальная, биологическая или физическая) является нелинейной, то можно утверждать лишь то, что ее поведение при одних параметрах будет упорядоченным, при других – хаотическим; узнать же точные характеристики будущего состояния в подобной ситуации чрезвычайно трудно. В этом смысле нелинейная динамика оказывается индетерминированной, а неопределенность становится нормой познания будущего нелинейных систем. Определенность же состоит в следующем: достоверно известно, что законы развития любой нелинейной системы очень сложны, а само развитие – с необходимостью поливариантно, критично и очень часто хаотично. Именно представление о детерминированности, предопределенности появления хаотических режимов и кризисов в нелинейных системах и осознание неопределенности как существенной черты любого нелинейного процесса развития и составляют основу концепции постнеклассического (синергетического) детерминизма. Принципиальная индетерминированность будущего нелинейных систем служит серьезным препятствием на пути точных прогнозов.

Концепция постнеклассического детерминизма имеет значительные социальные приложения. Если классический детерминизм аппроксимировал любые процессы развития простейшими схемами (достаточно вспомнить «спиральное развитие» Г. Гегеля, а затем и К. Маркса), позволяющими давать «точные» предсказания будущего, то в рамках постнеклассического детерминизма любые точные социальные прогнозы кажутся нелепыми. Закономерными становятся представления о поливариантности развития любых сложных социальных систем, о необходимости и естественности их радикальных трансформаций и кризисных состояний. В результате конституируется принципиально иной взгляд на социальную реальность, основанный на признании ее чрезвычайной сложности и невозможности волюнтаристских действий, пытающихся «выстроить» будущее по желаемой, но не отражающей реальность схеме.

Однако парадоксальным образом концепция постнеклассического детерминизма оказывается куда более практической и оптимистичной для социальных технологий, чем классический детерминизм. В то время как последний предполагает следование по определенному, единственно возможному, неизбежному пути развития, постнеклассический детерминизм в силу представлений о поливариантности обладает принципиальной возможностью управления будущим, реализации оптимального пути развития. Это достигается выбором подходящих внутренних и внешних параметров системы и в ряде случаев представляется возможным. Чрезвычайно важным становится управление возможными вариантами развития для социальных, политических, экономических систем. Можно предположить, что самыми «простыми» для управления будущим оказываются экономические и финансовые системы, которые уже сегодня поддаются точному синергетическому исследованию.

Итак, осмысление особенностей нелинейного развития с необходимостью приводит к созданию концепции постнеклассического детерминизма, включающей представления о поливариантности, критичности и хаотичности динамики любых сложных систем, в том числе и социальных. Принципиальная неопределенность точных характеристик будущего состояния как особенность нелинейного развития становится нормой познания, а точные прогнозы оказываются невозможными. Однако недостижимость точного прогноза будущего состояния нелинейных систем компенсируется возможностью управлять вариантами их развития. Подобная точка зрения весьма полезна и практична для социальных наук, поскольку предполагает создание социальных, политических и экономических технологий, позволяющих «повернуть» развитие социальной системы в требуемом направлении.

Библиографический список

1. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.
2. Иванов В.Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.
3. Афанасьева В.В. Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ. Саратов, 2002.
4. Афанасьева В.В. Онтология научной неопределенности. Саратов, 2007.

R.V. Vorobiev
Health as a Universal
Phenomenon

The notion of health as an optimal development in the environment is introduced. The universality of the phenomenon of health as that of the general feature of social, political, ideological, and cultural systems is considered.

Key words and word-combinations:
health, development, optimum, social medium.

Вводится представление о здоровье как оптимальном развитии в окружающей среде. Обсуждается универсальность феномена здоровья как общего свойства социальных, политических, идеологических, культурных систем.

Ключевые слова и словосочетания:
здоровье, развитие, оптимум, социум.

УДК 1:316
ББК 60.00

Р.В. Воробьев

ЗДОРОВЬЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Здоровье – важнейший бытийный феномен, определяющий качество и стратегии жизни всего существующего, обеспечивающий гармоничные отношения человека, природы и общества. Безусловно, здоровье представляется не только материальным, но и духовным явлением, именно поэтому его достижению посвящены размышления и рекомендации разных религий. Здоровье – это и значимая научная категория, которая широко изучается частными науками и на междис-

циплинарном уровне [1]. Однако в большинстве научных работ, в рамках медицины, биологии, психологии, здоровье рассматривается только как естественный, биологический, физиологический феномен, а гуманитарные концепции здоровья в основном представлены социологическими и валеологическими изысканиями, зачастую всего лишь декларативными. Однако и естественные и социально-гуманитарные исследования все же не дают полного представления о феномене здоровья, поскольку рассматривают его исключительно в узком смысле.

Между тем для понимания сущности данного явления требуется представление о здоровье в широком смысле, но не сформированное на основе обобщения общеизвестного, а принципиально новое знание об исследуемом феномене – знание самых существенных его свойств, его предельных оснований, его истоков, генезиса, законов существования и развития, его сущности и смысла. Подобное знание может быть только универсальным, философским, онтологическим. При этом важнейшей задачей становится поиск возможных методологий и принципов философского исследования здоровья, позволяющих достичь действительно значимых результатов. Однако именно здесь возникают определенные гносеологические и методологические проблемы. С одной стороны, сам объект исследования, здоровье в широком смысле, является столь сложным и многоуровневым, зависит от такого количества внешних и внутренних условий, факторов, параметров, что требует для своего изучения определенной методологической эклектики. С другой стороны, сугубо рациональное дисциплинарное и междисциплинарное знание для исследования здоровья в широком смысле оказывается недостаточным именно по причине сложности, многоуровневости, многозначности последнего. Следовательно, философское исследование здоровья должно опираться не только на аналитические, но и интуитивные, смылосозидающие процедуры, например процедуры гуссерлианского феноменологического анализа, способные прояснить сущность любого исследуемого феномена [2].

Феноменологический анализ, согласно замыслу самого Э. Гуссерля, предполагает первоначальный отказ от общепринятого, от самых распространенных и известных суждений. И первое из них состоит в том, что здоровье – это феномен, однозначно связанный с существованием только человека или живых существ. Феноменологическое осмысление позволяет утверждать, что существует здоровье не только человека, животного или растения, но и здоровье системы, структуры, явления, процесса, то есть можно определить здоровье (или нездоровье) природы как целого и любой ее части, общества, государства, народа, нации, нравственности, политики, искусства, науки, самого мира, наконец [3].

Феноменологическое исследование предполагает и поиск определения, отражающего существенные свойства исследуемого феномена. Здоровым является только то состояние, в котором субъект или объект не просто существует, но может активно взаимодействовать с окружающим его миром, обладая некоторым запасом энергии. Последнее означает, что энергия субъекта или объекта избыточна, а это возможно лишь в случаях, когда объект или субъект оптимально организован, то есть тратит энергию эффективно, наиболее благоприятным для собственного существования образом. Именно тогда имеется баланс внутренних и внешних связей, позволяющий минимизировать жизненные силы. Из естественных наук известно, что наилучшее состояние с минимальными затратами энергии называется оп-

тимумом. Но оптимум – это не только наилучшее из возможных состояний в конкретный момент времени, но и наилучшее направление развития, что позволяет дать авторское определение здоровья в широком смысле: здоровье – это способность субъекта или объекта к оптимальному развитию.

Следует заметить, что оптимальность – относительное качество, сложным образом зависящее от множества внутренних и внешних условий и предполагающее постоянные изменения, но тогда и категория здоровья означает способность к изменениям. В самом деле, известно, что здоровый субъект или объект умеют адаптироваться в окружающей среде. Например, здоровая телесность реагирует на температурные и другие изменения среды; здоровая психика динамична и именно поэтому исключает стационарные состояния (мания, паранойя, аутизм); здоровые организации могут отвечать на социальные или экономические условия изменением структуры, функций, цели. Здоровое всегда соответствует окружению, и этот факт приводит к выводу о невозможности введения однозначных, фиксированных норм здоровья.

Чрезвычайно важным представляется анализ здоровья значимых социальных феноменов. Здоровье и социум находятся в многочисленных и сложных отношениях, и в данной работе лишь обозначен горизонт связанных с этим философских проблем, оставляя большую часть из них для перспективных исследований.

Можно ввести представление о здоровье социума как целого. Любое общество – саморазвивающийся организм, а значит, может быть здоровым, болеть, даже умереть. Достаточно легко определить критерии здоровья социума: здоровое общество внутренне сбалансировано и успешно взаимодействует с окружающим его социальным миром и природной средой. При этом одного только внутреннего порядка для здоровья социума явно недостаточно – напротив, слишком строгий порядок может помешать благоприятному развитию. Это касается и здоровья государства, причем в качестве примеров достаточно привести печально известные фашистские и тоталитарные режимы с жестким внутренним порядком, взаимодействие которых с внешней социальной средой сводились к агрессии или к практически полной изоляции, а в итоге – к гибели. Согласно авторскому определению здоровья всякое тоталитарное государство нездорово именно потому, что не может продуктивно и (или) мирно взаимодействовать со своим окружением.

Можно говорить и о болезнях государства, выделив среди них внутренние (системные) и внешние, обусловленные неблагоприятными действиями извне. Внутренние болезни государства – это критические, аномальные этапы политического и экономического развития: гражданские войны, революции, разруха, внутренние экономические кризисы, тоталитарные режимы, застой, стагнация. Допустимо ввести представление и о психологических или даже психических заболеваниях государств, например о государственных паранойях, многочисленных и печально известных. В подобных случаях возникающая сверхидея (политическая, социальная, религиозная) вызывает бредовое состояние и агрессивное поведение, приводит к терроризму, войнам, потугам на мировое господство. Государствами-параноиками были фашиствующий Третий рейх, движимый манией превосходства арийской расы; страны с социалистическим режимом, уничтожающие своих граждан во имя прекрасной социальной мечты. Известны и

случаи «государственного аутизма», когда государства существуют в условиях жесточайшего внутреннего порядка, на поддержание которого и уходят все силы сосредоточенной самой на себе страны, например Албания, Северная Корея.

Внешние государственные болезни – это войны, экспорт революций, мировые политические и экономические кризисы, экологические катастрофы. Можно ввести представление даже об «инфекциях», например о «несчастных случаях» вроде внезапной агрессии или экологической катастрофы. Вообще в мировой истории смерть любого государства однозначно связывается с предшествующей утратой здоровья, выраженной в разрушении внутреннего порядка или в невозможности поддерживать далее существование в географической либо социальной среде. Гибель Вавилона, упадок Римской империи, например, связаны с внутренними системными болезнями, а прекращение существования Иудеи вызвано внешней катастрофой разрушения и изгнания. Известны и мифологемы (Атлантида, Китеж), указывающие на смерть государства или города, вызванную природной катастрофой. Допустимо говорить и о «старении» государств, предполагающем замедление темпов развития, появление и усиление внутренних болезней.

Отдельно следует выделить политическое здоровье. Политическим здоровьем могут обладать или не обладать любые политические организации, институты, союзы, системы. Критерии политического здоровья более условны и определяются существующими международными политическими нормами, которые достаточно часто меняются. Римская империя, например, согласно существующим в свое время политическим нормам была полностью здорова, поскольку соответствовала тем требованиям, которые сама же и устанавливала. Но, исходя из определения здоровья, диагностировать политическое здоровье вполне возможно. Так, Коммунистическая партия Советского Союза на поздних этапах своего существования была смертельно больна, поскольку не развивалась сама и мешала развитию всех политических организаций в непосредственном своем окружении.

Еще сложнее ввести нормы идеологического здоровья, или здоровой идеологии. Однако можно считать здоровой ту идеологию, которая способна к саморазвитию и согласуется с общечеловеческими представлениями о нравственности и ценностях. Таким образом, сразу исключаются из класса здоровых все догматические идеологические учения, не приемлющие изменений в общественном сознании, и воинствующие доктрины, направленные на пропаганду зла, насилия, нетерпимости. Известны многочисленные случаи, когда «больные идеологии» пытаются выздороветь, адаптируясь к вновь возникшему знанию или ценностям, например идеология перестройки.

Показатели экономического здоровья более объективны и определяются законами экономического развития. Здоровой должна считаться любая экономическая система при условии, что она эффективна и не разрушает внешнего экономического пространства. Если эти условия не выполняются, экономическая система, несмотря на кажущееся благополучие, является больной. Показательный пример – США с очевидным достатком, но огромным и постоянно растущим государственным долгом; американская экономика постоянно инициирует мировой кризис. Здоровыми или нездоровыми могут быть и экономические процессы (например, изменение курса валют). Можно судить и об

этапах здоровья или нездоровья всей мировой экономической системы, меняющихся циклически [4] либо в хаотическом режиме.

К экономическим болезням относятся застои, депрессии, неустойчивость. При этом экономические «инфекции» обуславливаются привнесением неблагоприятной экономической ситуации извне, а экономические кризисы являются лишь заметными проявлениями ранее существовавшей и, как правило, тяжелой экономической болезни, хотя могут стать – и часто становятся – началом выздоровления.

Конечно, анализ политического, экономического и социального здоровья как отдельных феноменов весьма условен, поскольку в социуме все эти явления взаимосвязаны. Здоровая экономика не существует без здоровой политики, а здоровое государство должно обладать политическим и экономическим здоровьем. Именно поэтому социальное здоровье следует эксплицировать именно в связи с политическим и экономическим здоровьем; социальное здоровье подразумевает одновременное оптимальное развитие социума как целого и любой его подсистемы.

А вот культурное здоровье крупных социальных систем нельзя оценивать однозначно. В самом деле, слишком много разных, порой противоположных культурных направлений, течений, субкультур, контркультур, культурных феноменов существуют в социуме. Политическое здоровье государство не гарантирует культурного здоровья, и напротив, в политически и экономически нездоровом государстве могут развиваться здоровые культуры. В СССР, например, творили великие И. Бабель, А. Платонов и М. Булгаков; в смертельно больном Третьем рейхе имелся такой великий культурный феномен, как философия М. Хайдеггера. Однако вполне допустимо судить о культурном здоровье различных социальных и культурных групп, отдельных личностей. И всегда найдутся социальные группы, наделенные культурным здоровьем по определению, например интеллигенция. Мировая же культура как целое здорова всегда и в самом подлинном проявлении здоровья: она все время рождает принципиально новое и не только благополучно развивается сама, но и постоянно меняет окружающий мир в лучшую сторону.

Культурное здоровье связано с экономическим здоровьем не напрямую – в противном случае культурными достижениями радовали бы мир только богатые и экономически развитые страны, а это противоречит действительности. Культурные достижения небогатой Древней Греции, например, значительно превосходили культурные завоевания богатейшего Рима. А Россия девятнадцатого века, отсталая и не развитая экономически, подарила миру плеяду литературных, музыкальных, художественных гениев, о чем не могла и мечтать богатая Америка. Примеров отрицательной обратной связи экономического и культурного здоровья так много, что возникает вопрос: не тормозит ли экономическое благополучие культурное развитие? Однозначных ответов на него нет, но если речь идет не только о материальной, но и о духовной культуре, то, несомненно, ее здоровье не определяется лишь экономическим здоровьем государства. Следовательно, экономические вливания в культуру, в том числе и государственные, нельзя рассматривать как панацею, хотя и пользу их нельзя отрицать.

Под социальным здоровьем отдельного человека следует понимать способ-

ность благополучно сосуществовать в социуме с другими людьми, удовлетворяя свои естественные и социальные потребности и развиваясь. Социальное здоровье человека невозможно без его телесного и психического здоровья, но напрямую связано и с экономическим и политическим здоровьем самого социума. Больного или инвалида, вне зависимости от того, телесный либо психический у него недуг, нельзя считать социально здоровым, если он не может полноценно развиваться и полностью социализироваться. И тогда возникает еще один критерий здоровья социума: здорово только то общество, которое позволяет полноценно развиваться всем без исключения своим гражданам. Верно и обратное: сохранить личное здоровье в нездоровом социуме любому человеку много труднее, чем в здоровом; в политически или экономически нездоровом обществе даже физически здоровому человеку трудно не приобрести психических или нравственных болезней. Связь же телесного и нравственного здоровья означает, что оставаться здоровым в нездоровом обществе можно лишь обладая значительным духовным ресурсом.

В современном социуме возникает парадоксальная ситуация: социальное здоровье может ослаблять личное здоровье. Современный социум – в принципе агрессивная, рискогенная, неблагоприятная для человека среда. В самом деле, человеку несвойственно жить в условиях постоянных эмоциональных и интеллектуальных перегрузок, в то время как активная социализация их неизменно требует. Социальная адаптация, стремление непременно поладить с обществом, добиться успеха могут нанести ущерб личному здоровью, и примеры этого столь же очевидны, сколь и многочисленны. В результате возникает простая стратегия сохранения личного здоровья: избегать чрезмерной социализации; сбалансировать, гармонизировать, уравновесить социальное и личное; не быть слишком социально успешным. Это хорошо и давно известный рецепт, запечатленный в великих религиозных и философских книгах.

Итак, с точки зрения онтологии, здоровье является универсальным феноменом, относящимся не только к человеку и живым существам, но и ко всему, что способно развиваться, поскольку все здоровое обладает общими существенными свойствами. Это позволяет определить социальное, политическое, идеологическое, экономическое, культурное здоровье. В работе лишь очерчен круг проблем, связывающих здоровье и социум, и показано, что представление о здоровье как об универсальном феномене оказывается весьма эвристичным и продуктивным для исследования значимых социальных, экономических, политических, культурных явлений.

Библиографический список

1. Позднева С.П. Здоровье как междисциплинарный феномен // *Философия здоровья* / под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов, 2012.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // *Вопросы философии*. 1992. № 7. С. 136–176.
3. *Философия здоровья* / под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов, 2012.
4. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov
On the Jubilee Celebrations
of the 90th Anniversary of Stolypin
Volga Region Institute
of Administration

УДК 378
ББК 74.58

О.Ю. Абакумов

**О ЮБИЛЕЙНЫХ
МЕРОПРИЯТИЯХ,
ПОСВЯЩЕННЫХ 90-ЛЕТИЮ
ПОВОЛЖСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

90 лет назад, в декабре 1922 г., в Саратове начал работу Саратовский областной коммунистический университет, имевший целью подготовку кадров «коммунистически воспитанных и серьезно образованных марксистов-коммунистов, а также партийных и советских работников, работников профдвижения, кооперативов, советских юристов, банковых деятелей, газетчиков, работников пропаганды и агитации» для всего Поволжья [1].

Именно в Саратовском Комвузе началась подготовка кадров преподавателей общественных дисциплин для вузов города. Коммунистический университет стал своеобразной экспериментальной лабораторией методик преподавания общеобразовательных и политических дисциплин, сочетавших индивидуальные и коллективные формы учебы, теоретические и практические занятия, лабораторные и экскурсионные методы обучения [2].

В 1932 г. Коммунистический университет был реорганизован в Нижне-Волжскую ком-

мунистическую сельскохозяйственную школу имени В.И. Ленина, готовившую практических работников для коллективных хозяйств Поволжья. Трагические страницы нашей истории отразились в судьбах преподавателей и выпускников школы: тех, кто участвовал в насильственной коллективизации, и тех, кто стал жертвами политических репрессий.

В последующие годы партийно-политические кадры обучались и проходили переподготовку в институтах массового заочного обучения и марксизма-ленинизма, на партийных курсах при Саратовском обкоме ВКП(б). Системный характер в Саратове эта работа приобрела с созданием областных партийных (1946–1962 гг.) и межобластных высших партийных школ (1972–1991 гг.). В новейшей российской истории кадры управленцев для региона готовил Поволжский кадровый центр при Департаменте государственной службы РСФСР, затем Поволжская академия государственной службы и, наконец, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина Президентской академии. По словам директора института доктора исторических наук, профессора Д.Ф. Аяцкова, «с годами менялись названия вуза, его руководители, но оставалась традиция качественной подготовки управленческих и партийных кадров для развития страны» [3].

В канун 90-летнего юбилея изучению истории вуза способствовало создание Интернет-музея института «От Комвуза до Президентской академии» (<http://komvuz.ru/>). Этот ресурс был открыт благодаря работе сотрудников научно-организационного отдела института доцентов О.Ю. Абакумова и Т.А. Шишкиной, администратора сайта А.С. Жукова при поддержке кафедры прикладной информатики и информационных технологий в управлении, содействию директора Государственного архива новейшей истории Саратовской области А.А. Герасимова и его заместителя С.М. Соломатиной. В экспозиции музея представлены архивные документы, материалы и фотографии, рассказывающие о преподавателях и студентах, учебе и досуге, трудовых буднях и праздниках, о выдающихся выпускниках института. Свободный доступ к газетным и журнальным материалам 1920–1970-х годов, Интернет-публикация архивных документов пробудили неподдельный интерес к советскому прошлому вуза.

В октябре 2012 г. по инициативе кафедры управления персоналом в институте состоялся круглый стол «История становления и развития Комвуза в городе Саратове». Используя малоизвестные документы из архивных фондов, студенты подготовили доклады об истории вуза, познакомили слушателей с основными критериями и методами отбора студентов в Комвуз, формами и технологиями подготовки управленческих кадров в 1920–1970-е годы. Представляя биографии известных выпускников, старшекурсники анализировали стратегию успеха, раскрывая их карьерные траектории и динамику развития управленческих компетенций.

Студенческое научное общество факультета государственного и муниципального управления в рамках круглого стола «Студент: вчера, сегодня, завтра» организовало экспертную дискуссию о компетенциях и компетентности управленцев XIX, XX и XXI веков. В ходе мероприятия учащиеся рассмотрели систему подготовки кадров в дореволюционной России, в советское время и на современном этапе. Исторический опыт оказался полезным для выстраивания новой образовательной парадигмы вуза.

1–2 ноября 2012 г. на факультете политико-правового управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина состоялась Международная студенческая научно-практическая конференция «Развитие современного региона: перекрестки науки и практики», посвященная 90-летию начала подготовки управленческих и партийных кадров в Саратове. На пленарном заседании были заслушаны доклады студентки второго курса направления подготовки «Конфликтология» А.О. Лазаревой о роли Комвуза в формировании нового человека в первые годы советской власти и А.А. Пятова, студента первого курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», о внеучебной жизни студентов Коммунистического университета. Затем работа конференции была продолжена по секциям. На заседании секции «От Комвуза до современности» выступили студенты М.А. Амелина, А.И. Васенина, И.В. Воскобойникова, Д.Д. Галиуллина, В.В. Егорова, А.И. Мальцева, К.С. Бражник, А.В. Михайленко, Х.А. Мусаева, А.М. Пегова, Е.А. Пронина, В.Н. Ткаченко, Н.Д. Чудляев, Е.В. Шлычкова, А.С. Кадацкий. Единогласным решением участников заседания первое место было присуждено докладу первокурсницы Е.А. Прониной «Программа подготовки управленческих кадров в коммунистических университетах, высших партийных школах и академиях государственной службы: сравнительный анализ».

Продолжением изучения и популяризации опыта прошлого стал круглый стол, организованный кафедрой истории российской государственности и права и научно-организационным отделом института «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью: исторический опыт Саратовского Комвуза и современность». Научные сообщения, исторические эссе, сатирические карикатуры 20–30-х годов прошлого века, юмористические заметки и стихи из газеты «Комвузовец» о проблемах тех лет (лодырях и прогульщиках, клопах и прокуренных коридорах), тематические миниатюры вызвали бурные дискуссии и споры о возможности использования советского «коллективистского» опыта сегодня. Именно на этом мероприятии директор института Д.Ф. Аяцков вручил первые юбилейные памятные знаки «90 лет. Комвуз – ВПШ – ПАГС – Поволжский институт управления Президентской академии» студентам, проявившим себя в научном поиске.

Кроме того, 90-летию института была посвящена состоявшаяся в конце ноября 2012 г. финальная встреча пяти команд интеллектуалов в осенней серии игр «Что? Где? Когда?». Эрудиты отвечали на вопросы, посвященные истории Коммунистического университета, системы подготовки управленческих кадров.

В канун юбилея в институте были подведены итоги внутривузовского конкурса научных студенческих работ «Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина Президентской академии: от Комвуза до современности». Интересна тематика работ студентов – победителей конкурса: «Женский вопрос на страницах «Комвузовца» (А.О. Лазарева), «Агитационная деятельность студентов Саратовского Комвуза по ликвидации неграмотности (на примере Калмыцкой области в 1928–1933 годы)» (Чудляев Н.Д.), «Протокол как основной вид документа, отражающий деятельность Саратовской высшей партийной

школы» (Пономарева П.А., Скобелева Е.А.), «Чистка как способ формирования идеологичности общества» (Михайленко А.В.). Исторические изыскания студенты связали с профилем своей профессиональной подготовки, демонстрируя полученные знания и навыки.

13 декабря 2012 г. в Поволжском институте управления состоялась Международная научно-практическая конференция «Подготовка управленческих и партийных кадров: традиции и современность» (к 90-летию открытия Комвуза в Саратове)». В работе конференции принимали участие представители Высшей школы государственного управления и финансов (Германия, г. Людвигсбург), Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления в Братиславе (Словакия), Национального института государственной службы (Венгрия, г. Будапешт), Института повышения квалификации государственных служащих Республики Таджикистан (г. Душанбе), Московского государственного машиностроительного университета, Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, Института управления и безопасности предпринимательства при Башкирском государственном университете (г. Уфа) и других вузов. В рамках конференции состоялась работа 15 секций и четырех круглых столов. С докладами выступили 255 участников. На конференции анализировался опыт подготовки управленческих кадров в нашей стране и за рубежом, обсуждались современные технологии образовательного процесса, перспективные направления научного сотрудничества и взаимодействия в рамках ЕврАзЭС.

14 декабря 2012 г., в день 90-летия начала работы Саратовского Комвуза, состоялось торжественное заседание ученого совета, в котором приняли участие ветераны института, а также профессора, преподаватели, студенческий актив, обеспечивающие нынешние успехи и высокие результаты в научной, учебной и воспитательной работе Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Президентской академии. Участники заседания отметили, что исторический опыт вуза будет использован в строительстве современной высшей школы управленческих кадров для модернизирующейся России.

Библиографический список

1. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
2. Абакумов О.Ю. Первые годы работы Саратовского Комвуза: становление системы подготовки кадров // Вестник ПАГС. 2012. № 4. С. 8–13.
3. Аяцков Д.Ф. Подготовка управленческих и партийных кадров в Саратове: от Комвуза до Президентской академии // Вестник ПАГС. 2012. № 3. С. 4.

O.V. Lysikova
Monograph Review: *Tangalycheva*
R.K. Theories and Cases
of Intercultural Communication in
Conditions of Globalization. – Sankt-
Petersburg: Aleteya, 2012. – 248 pp.

УДК 316.32
ББК 60.52

О.В. Лысикова

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Тангалычева Р.К.
Теории и кейсы
межкультурной коммуникации
в условиях глобализации. –
СПб.: Алетейя, 2012. – 248 с.**

Последние десятилетия истории нашей страны характеризуются интенсивной динамикой социальных и культурных контактов в самых различных сферах жизни и деятельности. Доминирующим процессом повседневности являются межкультурные взаимодействия, приобретающие особую актуальность в условиях глобализации, поскольку оказывают значительное влияние на трансформацию мировоззрения, образа жизни, социальных практик социума в целом и каждого индивида в отдельности. Исследование теоретических и практических аспектов межкультурной коммуникации в условиях современных трансформаций российского общества представляется особенно важным как ответ на глобализационные вызовы, как стремление понять и разобраться в тех тенденциях развития отечественной истории и культуры, свидетелями которых мы сегодня являемся.

Монография Румии Кямильевны Тангалычевой, с одной стороны, аккумулирует осмысление теоретических подходов и концепций изучения межкультурной коммуникации в условиях глобализации, а с другой – предлагает исследовательские кейсы межкультурных взаимодействий. В книге широко представлены результаты социологических исследований, проведенных в разное время при участии автора, что придает работе дополнитель-

ную доказательность. Рецензентами работы выступили доктор социологических наук, профессор СПбГУ Н.Г. Скворцов и доктор культурологии, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва) А.П. Садохин.

Монография Р.К. Тангалычевой состоит из четырех частей, включающих 14 глав. В первой части «Межкультурная коммуникация в контексте глобализации» основной акцент делается на анализе особенностей межкультурной коммуникации в современных условиях и актуальных исследовательских парадигмах – гиперглобалистской, скептической, трансформистской. Под межкультурной коммуникацией автором понимается совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам, при этом подчеркивается, что различия в восприятии культурных смыслов и символических систем должны быть достаточно ощутимыми, для того чтобы изменить коммуникативное событие и расширить «картину мира» участников межкультурного взаимодействия [1, с. 9]. Особое внимание в первой главе первой части уделяется рассмотрению факторов, определяющих особенности межкультурной коммуникации в условиях глобализации: изменение концепции пространства и времени, рост культурных взаимодействий, появление новых акторов транснациональных связей, увеличение взаимозависимости и взаимовлияния различных культур, релятивизация идентичности человека [1, с. 10]. Данные факторы нашли концептуальное обоснование в работах ведущих современных теоретиков глобализации – Р. Робертсона, Д. Харвея, З. Баумана, Д. Хелда, Р. Козна, П. Кеннеди, П. Бергера, С. Хантингтона, Н. Питерсе.

Вторая глава первой части «Исследовательские парадигмы в области глобализации и межкультурной коммуникации» посвящена трем основным парадигмам в изучении глобализации. Так, гиперглобалисты описывают и предсказывают гомогенизацию мира при доминировании западной, главным образом, американской массовой потребительской культуры. Скептики, наоборот, подчеркивают тонкость и суррогатность глобальных культур по сравнению с национальными. Они сфокусированы на изучении культурных различий и указывают на конфликты в пределах геополитических границ крупнейших цивилизаций мира. Трансформисты акцентируют свое внимание в основном на изучении культурных гибридов, появившихся в результате смешения культур и формирования новых глобальных культурных сетей [1, с. 24]. По мнению Р.К. Тангалычевой, наиболее перспективной исследовательской парадигмой является трансформистская, в рамках которой развиваются такие направления, как креолизация, гибридизация, аккультурация. Преимущество трансформистского подхода состоит в том, что культуры отдельных народов рассматриваются не как пассивное начало, а «изучаются с точки зрения активного творческого включения и переработки элементов глобальной культуры с последующим изменением характеристик последних» [1, с. 39].

Вторая часть книги посвящена осмыслению и уточнению категориального аппарата межкультурной коммуникации, характеристике компонентов коммуникационного процесса, анализу его разновидностей, типологии культурных паттернов. Детальный анализ теоретических положений зарубежных классиков

межкультурной коммуникации Э. Холла и Г. Хофстеде осуществляется автором на высоком профессиональном уровне, что свидетельствует о прекрасном знании англоязычной литературы и стремлении ввести в широкий научный оборот новые идеи.

Третья часть монографии представляет собой наиболее оригинальный раздел, содержащий шесть авторских кейсов – результат эмпирических исследований. Следуя разграничению между кросскультурным и межкультурным исследованием [2, с. 464], отметим, что в книге представлены два кросскультурных кейса: «Культурное воспроизводство в западной и восточной системах образования» и «Типы рациональности в контексте российской деловой культуры», в которых культуры сопоставляются по выбранному параметру. Первый кейс представляет собой сравнение американской и японско-корейской системы образования и социализации, в основу которого положен ценностный подход к изучению культуры. В качестве идеологических источников американской модели образования и поведения рассматриваются основы христианской морали и «Билль о правах американцев» 1791 г.; в основе дальневосточной модели находятся буддизм, конфуцианство, а также синтоизм в Японии и шаманизм в Корее. Отметим, что в обеих этих культурах под воздействием «вызовов» современности и глобализации происходит трансформация как ценностных установок, так и систем образования. Согласимся с автором в том, что Япония и Корея сейчас находятся на этапе медленного размывания ценностей и норм, составляющих культурное ядро этих социумов, в то время как в США, наоборот, растет интерес некоторых слоев американского общества к культурному консерватизму в приверженности идеям поиска своей западной идентичности.

Второй кросскультурный кейс посвящен анализу изменений рационального поведения в современной России. Начиная с идеи рационализации М. Вебера и продолжая идеей макдональдизации Дж. Ритцера, автор приводит разнообразные данные международных исследований ценностей по методике Г. Хофстеде применительно к российской деловой культуре. Р.К. Тангалычева делает вывод о том, что в России до сих пор не нашли должного распространения целерациональные действия индивидов. Долгое время эту роль брало на себя государство, являвшееся доминирующим субъектом социальных изменений. Вместе с тем в различных слоях и группах российского населения воспроизводятся различные виды практической рациональности, основанные главным образом на коммуникативных особенностях отечественного менталитета. Эти виды практической рациональности связаны с определенными мотивами – адаптацией к действительности в случае с представителями экономически пассивных групп (традиционалисты) и изменением действительности в случае с представителями экономически активных групп (модернисты).

Еще четыре представленных в третьей части книги кейсы являются межкультурными, поскольку в них анализируются интеракции между представителями двух или более культур. Один из них связан с изучением культурных различий в российско-корейских смешанных браках. Трансформация семейно-брачных институтов в России и Южной Корее привела к ослаблению традиционной семьи, изменениям отношений к детям, родителям, трансформации сексуаль-

ных установок. В силу различных причин в двух социумах приобрел устойчивость интерес к заключению браков с иностранцами, что ведет к необходимости адаптации к инокультурным проявлениям обоих брачных партнеров. Как показано в исследовании, культурные различия проявляются уже в процессе ухаживания, затем они сказываются во взаимоотношениях родства, эмоциональных связях, распределении обязанностей, в ритуалах, обрядах, праздниках, религии. Специфика российско-корейских смешанных браков была изучена в ходе интервьюирования десяти россиянок в возрасте от 19 лет до 31 года, вышедших замуж за граждан Республики Корея и проживающих в Сеуле.

В следующем кейсе «Время в российской повседневной культуре глазами южнокорейских студентов» проанализированы сочинения корейских студентов, проходивших стажировку в разных российских городах от Москвы до Владивостока. В качестве единицы наблюдения выбрана категория времени, а именно то, как россияне, с точки зрения молодых корейцев, относятся к своему времени в разных ситуациях: в отношениях с друзьями и иностранцами, на работе, в процессе учебы, в очередях. Автор делает вывод о том, что однозначное деление стран на полихронные или монокронные не всегда является объективной оценкой. Такие страны, как Южная Корея и Россия, являются в этом смысле примерами смешанного типа культур, причем в Южной Корее элементы полихронной культуры преобладают в сфере дружеских и родственных взаимоотношений, а также во время установления деловых контактов. Что же касается повседневной деловой сферы, то эта страна в условиях глобализации может быть отнесена к монокронной культуре, из чего автор делает вывод как о самобытности Южной Кореи, так и о ее уверенном движении по пути модернизации. В России полихронные элементы культуры преобладают как в сфере дружеских и семейных отношений, так и в рутинизированных повседневных практиках. Автор особо отмечает индивидуальное стремление некоторых горожан рационализировать свое время вопреки устоявшимся общественным традициям «полихронизма» в использовании времени [1, с. 166].

Два кейса: «Акультурация временных мигрантов в крупном российском городе: различия в невербальном поведении» и «Проблемы межкультурного общения в крупном городе» – базируются на пролонгированном эмпирическом исследовании – серии фокус-групп и экспертных интервью с 70 иностранцами из 32 стран, временно проживающими в Санкт-Петербурге. В исследовании приняли участие работники иностранных, совместных и российских компаний, дипломатических служб, преподаватели иностранных языков, студенты, аспиранты, люди, состоящие в браке с иностранными гражданами, а также вынужденные мигранты, приехавшие в Санкт-Петербург с целью поиска лучших условий жизни и заработка. В ходе интерактивной видеосъемки было проведено наблюдение невербального поведения информантов, сгруппированное по следующим элементам: кинесика, такесика, сенсорика, проксемика, хрономика, а также паравербальных различий. Отмеченные в ходе исследования нюансы, безусловно, помогают лучше понять коммуникантов из разных стран и выработать толерантные модели межличностных реакций на культурные различия. Анализ эмпирических данных позволяет сделать автору вывод о том, что

культурная компетентность и социальная адекватность, воспитываемые в детском возрасте в процессе инкультурации, помогают носителям культуры с оптимальной точностью реагировать на поведение окружающих людей в различных ситуациях [1, с. 181].

В заключительном кейсе рассматривается крупный город как место локализации межкультурных взаимодействий. В больших городах их обитатели «совершенно различны по происхождению, расе, вероисповеданию, социальному положению и богатству, различны, в сущности, во всем, что только может отличать людей друг от друга» [3, с. 23]. Проблемы межкультурного общения в крупном городе проанализированы автором на примере Санкт-Петербурга, который в последние годы постепенно приобретает черты глобального мегаполиса: растет число генеральных консульств иностранных государств, открываются иностранные и совместные компании, культурные центры, учреждения, представительства государственных и негосударственных фондов и организаций, функционируют международные образовательные программы. В этой главе приводятся примеры, иллюстрирующие трудности межкультурного общения россиян с иностранцами. Эти сложности связаны с разным пониманием солидаризации и дифференциации горожан в городском пространстве, норм поведения в деловом и повседневном общении.

В четвертой части книги рассматриваются практико-ориентированные подходы к межкультурной коммуникации. Автор вводит понятие «межкультурная компетентность» и характеризует три основных метода ее формирования: культурно-специфический, контекстно-специфический и общекультурный. Р.К. Тангалычева детально описывает технику культурного ассимилятора, позволяющего формировать общекультурные и культурно-специфические навыки общения с представителями других культур. Автор делится опытом конструирования культурных ассимиляторов, часть из которых вошла в тренинг повышения межкультурной восприимчивости [4].

Заключительную главу последней части автор посвящает технике разработки когнитивного тренинга в обучении российско-корейской межкультурной коммуникации. Эта работа осуществлялась на основе сбора эмпирических данных о представлениях россиян и корейцев друг о друге. В опросе приняли участие 29 студентов из Санкт-Петербурга в 2003 г. и 300 студентов Санкт-Петербургского государственного университета в 2011 г. После анкетирования был проведен когнитивный тренинг, в ходе которого анализировались вопросы, вызвавшие затруднения у респондентов.

Особо отметим, что монография Р.К. Тангалычевой основана на глубоком критическом анализе современных западных и отечественных исследовательских парадигм в области глобализации и межкультурной коммуникации. Прикладные социологические исследования носят пролонгированный системный характер, они проведены как лично автором в период работы в университетах Республики Корея в 1998–2002 гг., так и участниками возглавляемых ею научных проектов. Анализ содержания глав позволяет сделать вывод о глубоком знании автором корейской коммуникативной культуры. Обращает на себя внимание тот факт, что используемый автором метод исследовательских кейсов до

недавнего времени не столь широко применялся в отечественной социологии. Заметное место в монографии также занимают практико-ориентированный подход к межкультурному исследованию и разработанный автором когнитивный тренинг в обучении российско-корейской коммуникации.

Р.К. Тангалычевой в полной мере удалось сделать рассмотрение своего объекта аналитичным и всесторонним. Рецензируемая монография представляет собой серьезное социологическое исследование современных теорий и кейсов межкультурной коммуникации. Содержащиеся в ней материалы будут интересны всем, кто стремится улучшить свои компетенции в сфере межкультурных взаимодействий в условиях глобализации. Рассматриваемая книга окажет позитивное влияние как на дальнейшие исследования в области межкультурной коммуникации, так и на практику преподавания этой дисциплины в российских университетах.

Библиографический список

1. *Тангалычева Р.К.* Теории и кейсы межкультурной коммуникации в условиях глобализации. СПб., 2012.
2. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология: Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб., 2008.
3. *Рубл Б.А.* Стратегия большого города: Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве Серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. М., 2004.
4. Культурный ассимилятор: Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге / отв. ред. Р.К. Тангалычева, Н.А. Головин. СПб., 2009.

We Present the Philosophy
Chair of the Stolypin
Volga Region Institute
of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

УДК 378
ББК 74.58

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ФИЛОСОФИИ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала Российской
академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ**

Кафедра философии была создана в 2001 г. после реорганизации кафедры философии и психологии. Заведующим кафедрой

был избран доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Владимир Николаевич Гасилин. Он возглавлял кафедру до 2011 г. В настоящее время кафедру возглавляет доктор философских наук, профессор Александр Владимирович Рязанов.

Одной из главных задач коллектив кафедры считает подготовку специалистов, обладающих широким кругозором в области философии, культуры. Современный управленец, как в сфере государственного и муниципального управления, так и в области менеджмента, должен обладать высокой мировоззренческой культурой, знаниями в области духовной культуры человечества. Только при этом условии он сможет эффективно осуществлять свои функции и пользоваться авторитетом у людей, которыми управляет. Задача состоит в том, чтобы сформировать личность умного руководителя, способного эффективно работать, прогнозировать возможные варианты развития общества. Он должен обладать широким мировоззрением, уметь логически мыслить, анализировать складывающуюся ситуацию, делать на основе данного анализа перспективные выводы.

Кафедра сегодня – это научно-исследовательский центр института в области философских, гуманитарных наук, который объединяет исследования по теме «Человек. Культура. История». На базе кафедры с 2000 г. издается альманах, в настоящее время опубликовано одиннадцать его выпусков. Под руководством профессора В.Н. Гасилина регулярно проводится городской семинар по философии мифологии – уникальное творческое объединение философов Саратова, которое на протяжении многих лет собирает заинтересованных исследователей, занимающихся не только проблематикой мифа. Так, в этот круг входят профессор, доктор медицинских наук А.К. Адамов, разрабатывающий проблемы ноосферной философии; доктор философских наук, профессор В.Н. Ярская, которая занимается не только философскими исследованиями, но и проблематикой, связанной с социологией и социальной работой; доктор философских наук, профессор В.Б. Устьянцев – ведущий специалист в области проблем социальной философии, философии жизненного пространства, философии риска; доктор философских наук, профессор В.А. Фриауф – знаток русской философии, разработавший собственную оригинальную концепцию философского знания; доктор философских наук, профессор С.П. Позднеева – специалист в области методологии науки и другие. Важно то, что студенты, магистранты, аспиранты слушают лекции ведущих специалистов. Доклады на семинаре освещают проблемы не только архаической мифологии, но и современной. Участники семинара в своих поисках вышли на проблематику семиологического осмысления современных мифов (рубежными явились опубликованные в альманахе доклады доцента Н.А. Колосовой, профессора Е.В. Листвиной).

Профессора и преподаватели кафедры ведут занятия по дисциплинам: «Философия», «Философия права», «Философия управления», «Философия конфликта», «Культурология», «Концепции современного естествознания», «Основы безопасности жизнедеятельности», «Социальная экология», «Основы экотоксикологии», «Экология и управление», «Защита населения и территории в чрезвычайных ситуациях», «Логика и теория аргументации», «Конфликтология духовной сферы» и другие. Эти занятия проводятся на всех факультетах и специальностях института.

Профессорско-преподавательский состав кафедры в соответствии с Государственными образовательными стандартами разработал оригинальные учебные программы по всем преподаваемым кафедрой учебным дисциплинам, а также все учебно-методические материалы к ним. Сотрудниками кафедры разработаны авторские курсы лекций по философии, культурологии, истории религии и т.д.

Ученые кафедры активно принимают участие в научных конференциях различных уровней. На базе кафедры в рамках программы «Механизмы устойчивого функционирования государственной службы на региональном уровне» была проведена Всероссийская научная конференция «Философия и социология власти», по итогам которой были опубликованы материалы конференции. Успешно работает аспирантура и докторантура по философским наукам, подготовлены и защищены 2 докторских и 12 кандидатских диссертаций.

На кафедре под руководством доцента Е.И. Мороховой действует студенческий философский научный кружок имени А.П. Белова. В его работе принимают участие более двух десятков студентов, на заседаниях обсуждаются актуальные философские проблемы, выступают не только студенты со своими докладами и рефератами, но и профессора кафедры. Для студентов это своеобразный трамплин в науку, в философию. Они не только интересуются философией, у них возникает и формируется собственное мировоззрение, которое поможет им в дальнейшей профессиональной деятельности.

Научные исследования профессорско-преподавательского состава кафедры носят как фундаментальный, так и прикладной характер. Научно-исследовательская деятельность ведется по следующим инициативным темам: «Онтология и теория познания», «Виртуальные проблемы современного общества», «Трансформации социального пространства», «Проблемы коммуникации в обществе», «Исследования русской философии Серебряного века», «Ноосферная философия».

В 2001–2012 гг. профессора и преподаватели приняли участие более чем в 100 научных мероприятиях, включая около 30 международных. За последнее время профессорско-преподавательским составом было издано около 125 публикаций, среди них 12 монографий, 3 учебных пособия, 6 учебно-методических пособий, около 116 научных статей. На кафедре подготовлено 11 номеров философского альманаха «Человек. История. Культура».

Коллектив кафедры философии приглашает для сотрудничества преподавателей и профессоров института, студентов, магистров и аспирантов.

***А.В. Рязанов, заведующий кафедрой,
доктор философских наук, профессор;***

***В.Н. Гасилин, доктор философских наук,
профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ***

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Александрова Юлия Александровна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: yulexa@bk.ru

Анисимов Никита Сергеевич – помощник первого заместителя Председателя Правительства РФ, соискатель кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: oboronka2012@gmail.com

Африкантов Константин Петрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kafrikantov@yandex.ru

Аяцков Дмитрий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: rector@pags.ru

Вавженчук Сергей Ярославович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Киевского экономического университета имени Вадима Гетмана

e-mail: Aadvokat@gmail.com

Воробьев Роман Викторович – третий секретарь МИД РФ, аспирант кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: romavorobev@yandex.ru

Горбачев Василий Павлович – соискатель кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: uprplanfin@pags.ru

Елисеева Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры частного права Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: eliseeva.sn@mail.ru

Кац Елена Александровна – магистрант кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: eakats@mail.ru

Клемпарский Николай Николаевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Харьковского национального университета внутренних дел
e-mail: klemparskiy_n@mail.ru

Крахмалов Алексей Николаевич – аспирант кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Krahmalov-honour@mail.ru

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета
e-mail: eagov@ulsu.ru

Лиценбергер Ольга Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafhistory@pags.ru

Лысикова Ольга Валерьевна – доктор социологических наук, доцент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: olga.lysikova@inbox.ru

Максимова Лариса Николаевна – докторант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: larisa-maximova@yandex.ru

Мокин Константин Сергеевич – доктор социологических наук, заместитель директора Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mokin_konstantin@list.ru

Пальгова Ирина Сергеевна – ассистент кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии
e-mail: palgova@newmail.ru

Петрова Юлия Александровна – магистрант Ульяновского государственного университета
e-mail: mantissa_89@mail.ru

Сметанина Елена Сергеевна – ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления
e-mail: smetaninaes@mail.ru

Сотскова Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: olga.sotskova@rambler.ru

Тарская Ольга Юрьевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: london1946@bk.ru

Усынин Юрий Константинович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: gmu@pags.ru

Федоров Денис Владимирович – кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Газпром энергохолдинг»
e-mail: office@gazenergocom.ru

Федюнина Светлана Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: smf777@bk.ru

Шарова Ольга Львовна – аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: olga_sharova_sar@mail.ru

Шипитько Андрей Борисович – преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: ashipitko@yandex.ru

Щербина Виктор Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
e-mail: viktor_dl@mail.ru

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: lionel1801@bk.ru

Ярская Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: jarskaja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), docent of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Yulia Aleksandrovna Aleksandrova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: yulexa@bk.ru

Nikita Sergeevich Anisimov – assistant of the First Deputy Chairman of the Russian Federation Government, competitor of the Philosophy and Science Methodology Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: oboronka2012@gmail.com

Konstantin Petrovich Afrikantov – Candidate of Science (Sociology), docent of the Sociology of Communication, Social Policy and Regional Studies Chair of the Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafrikantov@yandex.ru

Dmitry Fedorovich Ayatskov – Doctor of Science (History), Professor, Director of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: rector@pags.ru

Sergey Yaroslavovich Vavzhenchuk – Candidate of Science (Law), docent of the Civil and Labor Law Chair, Kiev Economic University named after Vadim Getman

e-mail: Aadvokat@gmail.com

Roman Viktorovich Vorobiev – the Third Secretary of the Russian Foreign Office, post-graduate student of the Science Philosophy and Methodology Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: romavorobev@yandex.ru

Vasily Pavlovich Gorbachev – competitor of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: uprplanfin@pags.ru

Svetlana Nikolaevna Yeliseeva – senior lecturer of the Private Law Chair, Saratov State Social-Economic University
e-mail: eliseeva.sn@mail.ru

Elena Aleksandrovna Kats – master student of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: eakats@mail.ru

Nikolai Nikolaevich Klemparsky – Candidate of Sciences (Law), senior lecturer of the Criminal Law and Criminology Chair, Kharkov National University of Internal Affairs
e-mail: klemparskiy_n@mail.ru

Aleksey Nikolaevich Krakhmalov – post-graduate student of the Economy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Krahmalov-honour@mail.ru

Anatoly Evgenievich Lapin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Economic Analysis and Public Administration Chair, Ulyanovsk State University
e-mail: eagov@ulsu.ru

Olga Andreevna Litsenberger – Doctor of Science (History), Professor, Head of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafhistory@pags.ru

Olga Valerievna Lysikova – Doctor of Sciences (Sociology), docent of the Tourist Business Management Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: olga.lysikova@inbox.ru

Larisa Nikolaevna Maksimova – doctoral student of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: larisa-maximova@yandex.ru

Konstantin Sergeevich Mokin – Doctor of Science (Sociology), Deputy Director of the Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mokin_konstantin@list.ru

Irina Sergeevna Palgova – assistant lecturer of the Politics History and Sociology Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: palgova@newmail.ru

Yulia Aleksandrovna Petrova – master student at the Institute of Economics and Business, Ulyanovsk State University
e-mail: mantissa_89@mail.ru

Elena Sergeevna Smetanina – assistant lecturer of the Social Sciences and Humanities Chair, Balakovo Institute of Engineering, Technology and Management
e-mail: smetaninaes@mail.ru

Olga Sergeevna Sotskova – lecturer of the Civil and International Private Law Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: olga.sotskova@rambler.ru

Olga Yurievna Tarskaya – Doctor of Science (Sociology), docent of the Sociology of Communication, Social Policy and Regional Studies Chair of the Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Yury Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: london1946@bk.ru

Yuri Konstantinovich Usynin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the State and Municipal Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: gmu@pags.ru

Denis Vladimirovich Fedorov – Candidate of Sciences (Economics), General Director of OOO “Gazprom energoholding”
e-mail: office@gazenergocom.ru

Svetlana Mikhailovna Fedyunina – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: smf777@bk.ru

Olga Lvovna Sharova – post-graduate student of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: olga_sharova_sar@mail.ru

Andrey Borisovich Shipitko – lecturer of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
e-mail: ashipitko@yandex.ru

Victor Ivanovich Shcherbina – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Labor and Social Maintenance Law Chair, Taras Shevchenko National University of Kiev

e-mail: viktor_dl@mail.ru

Lev Sergeevich Yakovlev – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: lionel1801@bk.ru

Valentina Nikolaevna Yarskaya – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

e-mail: jarskaja@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

4

Аяцков Д.Ф.

Евразийство как объективная потребность региона
в условиях глобализации 4

Клемпарский Н.Н.

Содержание и формы реализации статуса государственными служащими
в служебно-трудовых правоотношениях 11

Вавженчук С.Я.

Направления совершенствования механизма защиты
и охраны конституционных трудовых прав 16

Щербина В.И.

Принципы современного трудового права Украины 22

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28

Лапин А.Е., Петрова Ю.А.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления
в России (на примере Ульяновской области) 28

Усынин Ю.К., Яковлев Л.С.

Трансформация коммуникативного пространства власти и общества
в контексте развития информационных технологий 37

Тарский Ю.И.

Генезис репрезентаций социальных интересов
в российском политическом пространстве 45

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

51

Мокин К.С.

Трансформация этнической идентичности как инструмент стабилизации
этнополитического пространства региона 51

Тарская О.Ю., Африкантов К.П.

Социально-экономические последствия изменения этнической структуры населения
региона в результате миграции (на примере Саратовской области) 57

Лиценбергер О.А.

Межнациональная ситуация в Саратовской области
в восприятии молодежи 65

Александрова Ю.А.

Политическая культура взаимодействия власти и общества в России
в условиях постмодерна 69

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

75

Пальгова И.С.

Политико-правовые основы деятельности органов местного самоуправления
в системе региональной политики 75

Елисеева С.Н.

Коррупция в политической системе России: основные направления
антикоррупционной политики 81

Сотскова О.С.

Государственно-правовое регулирование ответственности перевозчика
по договору международной авиаперевозки пассажира и багажа 85

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

90

Федюнина С.М.

Социальные практики формирования межэтнической толерантности
как компонент региональной этнополитики 90

Шипитько А.Б.

Методологические основы исследования социального партнерства
хозяйственных организаций 96

Шарова О.Л.

Значение среднего профессионального образования
в формировании ценностной системы общества 102

Сметанина Е.С.

Социологический анализ проблемы рождаемости
в современной российской семье 107

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

113

Крахмалов А.Н.

Оценка эффективности труда муниципальных служащих 113

Федоров Д.В.

Сравнительный анализ подходов к формированию направлений энергетической
политики и моделей энергетических рынков: зарубежный опыт управления 119

Горбачев В.П.

Направления повышения эффективности
использования человеческих ресурсов организации 123

Кац Е.А.

Управленческие аспекты институционализации
организационных ценностей128

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ**

133

Ярская В.Н., Максимова Л.Н.

Российский контекст двух профессий: инженер и журналист133

Анисимов Н.С.

Постнеклассический детерминизм
и возможность социальных прогнозов138

Воробьев Р.В.

Здоровье как универсальный феномен143

РЕЦЕНЗИИ.

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

149

Абакумов О.Ю.

О юбилейных мероприятиях, посвященных 90-летию
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина149

Лысикова О.В.

Рецензия на монографию:
Тангалычева Р.К. Теории и кейсы межкультурной коммуникации
в условиях глобализации. – СПб.: Алетейя, 2012. – 248 с.153

Представляем кафедру философии Поволжского института управления

имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного

хозяйства и государственной службы при Президенте РФ158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

161

CONTENTS

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

4

Ayatskov D.F.

- Eurasianism as an Objective Necessity of a Region
in Conditions of Globalization 4

Klemparsky N.N.

- Maintenance and Forms of Realization of Status Civil Servants
in Official-labour Legal Relationships 11

Vavzhenchuk S.Ya.

- Directions of Constitutional Labor Rights
Protection Mechanism Improvement 16

Shcherbina V.I.

- The Principles of the Modern Labor Law of Ukraine 22

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

28

Lapin A.E., Petrova Yu.A.

- Assessment of the Efficiency of Local Government in Russia
(by the Example of the Ulyanovsk Region) 28

Usynin Yu.K., Yakovlev L.S.

- The Power and Society Communicative Space Transformation in the Context
of Information Technology Development 37

Tarsky Yu.I.

- The Genesis of Social Interests Representations
in the Russian Political Space 45

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

51

Mokin K.S.

- The Transformation of Ethnic Identity as an Instrument of Regional Ethnic
and Political Space Stabilization 51

Tarskaya O.Yu., Afrikantov K.P.

- Socio-Economic Consequences of the Regional Population Ethnic Composition
Changes through Migration (by the Example of the Saratov Region) 57

Litsenberger O.A.

- The Interethnic Situation in the Saratov Region
in Perception of Youth 65

Aleksandrova Yu.A.

- Political Culture of Interaction between Power and Society in Russia
in Conditions of Postmodernity 69

**LEGAL REGULATION
IN CONTEMPORARY RUSSIA
75**

Palgova I.S.

- Political and Legal Basis of Local Government Activities
in the System of Regional Policy 75

Yeliseeva S.N.

- Corruption in the Political System of Russia:
the Main Lines of Anti-Corruption Policy 81

Sotskova O.S.

- State and Legal Regulation of the Liability of the Carrier under the Contract
of the International Air Transportation of the Passenger and Baggage 85

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION
90**

Fedyunina S.M.

- Social Practices of Cross-Ethnic Tolerance Development
as a Component of the Regional Ethnic Policy 90

Shipitko A.B.

- Methodological Bases of Research of Social Partnership
for Economic Organizations 96

Sharova O.L.

- The Significance of the Secondary Vocational Education for the Formation
of Value System of the Society 102

Smetanina E.S.

- Sociological Analysis of the Birth Rate Problem in a Modern Russian Family 107

**SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION
OF RUSSIA
113**

Krakhmalov A.N.

- Municipal Employees' Work Efficiency Assessment 113

Fedorov D.V.

- Comparative Analysis of Approaches to the Formation of Energy Policy Areas
and Energy Markets Models: Foreign Experience in Management 119

Gorbachev V.P.

- Directions to Increase the Efficiency of Human Resources Use
in an Organization 123

Kats E.A.

- Managerial Aspects of Organizational Values Institutionalization 128

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

133

Yarskaya V.N., Maksimova L.N.

The Russian Context of Two Professions: an Engineer and a Journalist 133

Anisimov N.S.

Postnonclassical Determinism and the Possibility for Social Prognoses 138

Vorobiev R.V.

Health as a Universal Phenomenon 143

REVIEWS.

SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

149

Abakumov O.Yu.

On the Jubilee Celebrations of the 90th Anniversary of Stolypin Volga Region
Institute of Administration 149

Lysikova O.V.

Monograph Review: *Tangalycheva R.K.*

Theories and Cases of Intercultural Communication in Conditions of Globalization. –
Sankt-Petersburg: Aleteya, 2012. – 248 pp. 153

***We Present the Philosophy Chair of the Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian Presidential Academy***

of National Economy and Public Administration 158

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

161

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 1 (34)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *О.В. Бидюховой*

Тем. план 2013 г., п. № 798

Подписано к печати 18.03.2013 г. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500. Заказ 444.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>